Н. П. ЗАГОСКИНЪ.

КАЗАНСКІЙ КРАЙ

ВЪ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

(Историческіе очерки).

КАЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1891.

Его Высокопревосходительству

Константину Петровичу

Побѣдоносцеву

къ выраженію глубокаго

уваженія

— автор.

18 XI/25 91.

Н. П. ЗАГОСКИНЪ.

КАЗАНСКІЙ КРАЙ

ВЪ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

(Историческіе очерки).

КАЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1891.

„Прав 38“

Дозв. цензурою, Казань 13 февраля 1891 г.

127
37

Казанскій край въ смутное время.

Историческіе очерки *.

I.

Первые шаги Московской смуты.—Попытки выясненія внутренняго смысла смутнаго времени.—Условія внутренней жизни русской земщины передъ эпохою смутъ.

Мрачною тучею пронеслась надъ русскою землею, въ началѣ XVII вѣка, тяжелая година, окрещенная народною памятью названіемъ «московскаго разоренія», а въ наукѣ русской исторіи сохранившая за собою мѣткое наименованіе «смутнаго времени».

Да, это было, дѣйствительно, «смутное» время въ исторической жизни

*) Настоящіе очерки представляютъ собою частичную обработку матеріаловъ, собранныхъ авторомъ для болѣе общаго изслѣдованія объ участіи сѣверной и сѣверо-восточной Россіи въ событіяхъ смутнаго времени.

русскаго народа.... Симптомы этой тяжелой годины сказались уже вслѣдъ за смертью грознаго царя Ивана IV Васильевича. Болѣе ощутительные признаки приближающейся грозы дали почувствовать себя въ концѣ царствованія Бориса Годунова, когда умы московскаго народа были приведены въ нервное броженіе слухомъ о царевичѣ Димитріѣ, появившемся на юго-западной украинѣ государства и идущемъ возстановлять свои права на московскій престолъ.

Здѣсь не мѣсто поднимать вопросъ о загадочной для историка, но грозной для Годунова личности выходца, перешедшаго русскій рубежъ подъ знаменемъ безвременно погибшаго сына Грознаго царя. Кто бы онъ ни былъ, этотъ выходецъ—но царь Борисъ палъ передъ священнымъ обаяніемъ выставленнаго этимъ выходцемъ знамени.

«Лжедмитрій I»,—какъ называютъ его историки,—торжественно въѣхалъ въ Москву и возложилъ на себя «вѣнецъ и бармы Мономаха». Но непродолжительно было царствованіе этого таинственнаго, — во всякомъ

случаѣ, талантливаго и умнаго зарубежнаго выходца. Бояринъ князь Василій Шуйскій—лишь незадолго до того помилованный новымъ царемъ изъ подъ топора палача—организовалъ заговоръ, жертвою котораго палъ называвшій себя царемъ Димитріемъ.

Партія сторонниковъ Шуйскаго, замыслившая низвергнуть «безвременнаго царька», согласилась избрать ему преемника волею всего народа. Но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ; ловкій, хитрый и умѣвшій пользоваться обстоятельствами Шуйскій — былъ «выкликанъ» царемъ лишь небольшою кучкою своихъ единомышленниковъ, да руководимою ими московскою чернью, безъ участія въ этомъ дѣлѣ остальныхъ городовъ русскихъ. Если при избраніи на престолъ Бориса Годунова сочли необходимымъ соблюсти хотя бы только внѣшнюю форму земскаго собора,—то теперь, при избраніи Шуйскаго, нашли возможнымъ обойтись и безъ этой внѣшней формы. Провозглашеніе царемъ боярина князя Василія Ивановича Шуйскаго—явилось поэтому совер-

шенною неожиданностью для русскихъ областныхъ земщинъ. Нѣкоторыя земщины отнеслись къ этому избранію съ холодною индифферентностью, другія же земщины отнеслись къ нему съ явною враждебностью. Такъ, напримѣръ, въ Астрахани народъ, узнавъ про избраніе Шуйскаго, сталъ,—по свидѣтельству современника,—негодовать и кричать: «Неужели-же этотъ шубникъ сдѣлался нашимъ царемъ!?» Черезъ четыре года, когда такою-же партіею московскихъ заговорщиковъ, какою возведенъ былъ Шуйскій на престолъ, былъ этотъ случайный царь и сведенъ съ престола,—сторонникъ Шуйскаго, патріархъ Гермогенъ, силился оправдать въ глазахъ русскаго народа исключительно московское провозглашеніе Шуйскаго: «До сихъ поръ Москвѣ,—заносчиво аргументировалъ патріархъ,—ни Новгородъ, *ни Казань*, ни Астрахань, ни Псковъ и никакіе другіе города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ»...

Съ восшествіемъ на престолъ Василія Шуйскаго,—этого исключительно «московскаго царя, какимъ онъ

и явился въ теченіи всего своего царствованія, — разразились гроза «смутнаго времени», уже давно собиравшаяся надъ московскимъ государствомъ.

17-го мая 1606 года былъ убитъ зарубежный выходецъ, называвшій себя царемъ Димитріемъ, а 1-го іюня того-же года вновь избранный царь Василій Ивановичъ—вѣнчался на царство.

Уже первые дни новаго государствованія ознаменовались смутами. 15-го іюня въ Москвѣ вспыхнуло народное волненіе, которое Шуйскому, въ достаточной степени лично искусившемуся въ крамолахъ и измѣнахъ, ловко удалось погасить.

Но въ то же время несравненно болѣе грозныя вѣсти стали доноситься въ Москву съ южной украины: тамъ снова раздалось имя «Димитрія», будто-бы спасшагося 17-го мая отъ рукъ убійцъ и снова ополчающагося противъ похитителя московскаго престола. Возстаніе, вспыхнувшее прежде всего въ Путивлѣ, благодаря крамолѣ князя Григорія Петровича Шаховскаго, сосланнаго сюда на вое-

водство царемъ Василіемъ—быстро охватило собою сосѣдніе уѣзды, а вслѣдъ затѣмъ и всѣ города Сѣверской земли. Въ Москвѣ и другихъ окрестныхъ городахъ стали появляться грамоты, возвѣщавшія о чудесномъ спасеніи царя Димитрія и призывавшія народъ къ возстанію противъ Шуйскаго.

Новый Димитрій, однако, не появлялся. Правда, жилъ въ то время въ Самборѣ московскій выходецъ Михаилъ Молчановъ, бѣжавшій въ Польшу послѣ роковой ночи на 17-ое мая и подъ рукою распускавшій толки о себѣ, какъ о чудесно спасшемся царѣ Димитріѣ,—но когда наступила рѣшительная минута стать во главѣ движенія, охватившаго всю украйну, Молчановъ отказался играть въ немъ активную и слишкомъ отвѣтственную роль. Такимъ образомъ—движеніе вспыхнуло и съ страшною силою разгоралось подъ знаменемъ пустого звука, подъ магическимъ обаяніемъ одного только имени спасшагося «царя Димитрія».

За то нашелся человѣкъ, который ловко съумѣлъ воспользоваться этимъ

знаменемъ, этимъ отвлеченнымъ именемъ и, явившись въ возставшіе украйные города въ качествѣ представителя еще «необъявляющагося» Димитрія—всталъ во главѣ движенія противъ Шуйскаго.

Это былъ—Иванъ Болотниковъ. Бывшій холопъ князя Телятевскаго, Болотниковъ принадлежалъ къ числу людей, закалившихъ себя жизнью, полною превратностей, принадлежалъ къ тѣмъ личностямъ, которыхъ принято характеризовать прошедшими «и огонь, и воду». Побывалъ Болотниковъ и въ турецкомъ плѣну; былъ невольникомъ на галерахъ; потомъ попалъ, въ концѣ концовъ, въ Венецію и, наконецъ, очутился въ Самборѣ, гдѣ и сошелся съ Молчановымъ. Отсюда бывшій холопъ явился въ возставшій Путивль, къ князю Шаховскому, уже въ качествѣ оффиціальнаго представителя таинственнаго самозванца.

Съ прибытіемъ Болотникова мятежъ сталъ распространяться съ новою силою. Скоро примкнула къ движенію Рязанская область, а за нею Орелъ, Тула, Калуга, Мценскъ,

Кошира и цѣлый рядъ другихъ «зарѣчныхъ» городовъ. Явились, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новые вожди движенія,— въ лицѣ рязанскаго воеводы Григорія Сунбулова, рязанскаго дворянина Прокопія Ляпунова и веневскаго сына боярскаго Истомы Пашкова.

Удручающія вѣсти пришли въ Москву и съ волжскаго Понизовья: Астрахань измѣнила Шуйскому и, вмѣстѣ съ своимъ воеводою, княземъ Хворостининымъ, передалась таинственному, все еще не обявившемуся, самозванцу; дьякъ Карповъ и другіе сторонники Шуйскаго—были сброшены съ раската. Стали приходить недобрые слухи и съ средняго Поволжья: въ Нижегородскомъ краѣ возстали инородцы; въ Вятской и Пермской областяхъ также стали проявлятся угрожающіе симптомы будущей «смуты»...

Между тѣмъ Болотниковъ, соединившись съ Сунбуловымъ, Ляпуновымъ и Пашковымъ, переправился черезъ Оку, взялъ Коломну и быстрымъ налетомъ подошелъ къ Москвѣ, расположившись въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ села Коломенскаго.

Москва оказалась осажденною.

Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ встрѣтилъ царь Василій Ивановичъ конецъ перваго года своего «безвременнаго» царствованія.

Странную картину,—картину, съ трудомъ поддающуюся анализу,—представляетъ всеобщее броженіе государственныхъ и общественныхъ элементовъ, окрещенное названіемъ «смутнаго времени». До сихъ поръ еще не установилось въ наукѣ сколько нибудь опредѣленнаго взгляда на это историческое явленіе.

Города, уѣзды цѣлыя области—мечутся взадъ и впередъ, сами не сознавая зачѣмъ, куда, для чего... Народъ сегодня создаетъ себѣ кумиры, которые завтра самъ же сбрасываетъ съ пьедестала. Цѣлые уѣзды цѣлуютъ кресть, сегодня—одному кумиру, завтра—другому. Тѣнь, призракъ, пустое имя—приводитъ въ броженіе обширное государство и таинственный, загадочный, никѣмъ не видѣнный самозванецъ—въ теченіе цѣлаго года является знаменемъ всеобщаго броженія, потрясающаго рус-

скую землю отъ Бѣлаго моря до Каспія, отъ Днѣпра до далекаго Пріуралья.

Русская исторіографія даетъ намъ нѣсколько попытокъ объясненія внутренняго смысла смутнаго времени.

Карамзинъ, повѣствованіе котораго оборвалось на смутномъ времени, не успѣлъ ясно выразить своего взгляда на эту эпоху.

Устряловъ засыпаетъ читателя градомъ псевдо-патріотическихъ соображеній, ничего не уясняющихъ въ этомъ вопросѣ.

Костомаровъ объясняетъ смутное время, главнымъ образомъ, причинами внѣшняго характера, которыя онъ ищетъ не столько въ условіяхъ современной внутренней жизни русскаго народа, сколько въ интригахъ и ковахъ Польши и католическаго Запада.

Соловьевъ видитъ въ событіяхъ смутнаго времени результатъ борьбы двухъ элементовъ—общественнаго и антиобщественнаго, причемъ первый получаетъ торжество надъ вторымъ.

Щаповъ видѣлъ въ этихъ событіяхъ послѣднюю агонію борьбы нача-

ла областности съ централизаціонными принципами, провозглашенными Москвою, которая хочетъ единолично указывать «и Новгороду, и Казани, и Астрахани, и Пскову и инымъ городамъ», вызывая тѣмъ самымъ протестъ со стороны этихъ недавнихъ «государствъ», еще живо помнившихъ годы своей политической самостоятельности.

Забѣлинъ связываетъ событія смутнаго времени съ борьбою московскихъ государей противъ тенденцій боярства,—борьбою, которая, «въ силу неотразимаго трагическаго исхода дѣла посреди тѣхъ стихій жизни, въ которыхъ велась эта борьба»—должна была неминуемо привести къ прекращенію династіи великихъ князей Московскихъ, т. е. къ историческому явленію, которое Забѣлинъ называетъ «первымъ актомъ» драмы, именуемой смутнымъ временемъ *).

Всѣ эти объясненія событій смутнаго времени, взятыя каждое въ

*) Забѣлинъ: „Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время“. М. 1889, стр. 1—13.

отдѣльности, грѣшатъ односторонностью и страдаютъ недостатками, свойственными всякой попыткѣ уяснять значеніе историческаго явленія, исходя изъ какой нибудь одной точки зрѣнія. Несомнѣнно, что каждая изъ указываемыхъ цитированными выше почтенными учеными причинъ—оказала свое воздѣйствіе на явленія смутнаго времени. Важнымъ стимуломъ этихъ явленій послужила и польско-католическая интрига, и движенія анти-общественныхъ элементовъ, и проявившаяся въ эту эпоху областная рознь, и предшествовавшая борьба начала дружиннаго съ началомъ абсолютизма; но несомнѣнно, что событія смутнаго времени,—этого въ высшей степени сложнаго явленія русской исторической жизни,—могутъ быть надлежащимъ образомъ объяснены лишь совокупностью цѣлаго ряда факторовъ, въ средѣ которыхъ видное мѣсто должно принадлежать и только что указаннымъ.

Само собою разумѣется, что, въ ряду этихъ факторовъ, должно быть отведено одно изъ первыхъ мѣстъ *условіямъ внутренней жизни русскаго*

народа въ первое десятилѣтіе XVII-го вѣка.

А условія этой жизни были далеко не утѣшительны.

Дѣло московской централизаціи, завершившееся лишь съ небольшимъ за сто лѣтъ до эпохи смутнаго времени, лишь внѣшнимъ и чисто механическимъ образомъ связало между собою отдѣльныя области. Эти области ясно помнили еще время своей самобытности и готовы были, при первомъ внѣшнемъ толчкѣ, снова обратиться въ отдѣльныя «государства» и «царства», порвавъ ту связь съ Москвою, которая поддерживалась лишь желѣзною властью московскихъ государей. Было время, когда власть эта была парализована боярскою олигархіею—и государство готово было распасться на тѣ составные элементы, изъ которыхъ образовали его «собиратели» русской земли. Это была такъ называемая „эпоха боярскаго правленія“ въ малолѣтство Іоанна IV-го. Желѣзная рука Грознаго Царя и политическій тактъ Годунова еще умѣли поддерживать это механическое единеніе

русскихъ областей,—но едва появились на московскомъ престолѣ «безвременные» цари, какъ эта связь снова ослабѣла и рознь областей съ полною силою сказалась въ событіяхъ смутнаго времени.

* * *

Неприглядны были внутренніе, общинные устои жизни русской области въ началѣ XVII-го столѣтія. Изнуренныя продолжительными войнами, которыя наполняли собою все царствованіе Іоанна IV-го, области изнемогали подъ тяжестью податей и повинностей, которыя онѣ вынуждены были нести для государства. Положеніе тяглыхъ общинъ мѣстами было положительно невозможнымъ, и это невыносимое положеніе еще усугублялось недородами, голодовками и моровыми повѣтріями, которыми ознаменовался конецъ XVI-го и начало XVII-го вѣковъ. Писцовыя книги конца XVI-го вѣка отмѣчаютъ цѣлыя селенія и даже волости, запустѣвшія отъ войнъ, хлѣбнаго недорода и повѣтрія; крестьяне—свое-

земцы «мечутъ» земли и дворы, «яко государя, что они «изнемогли великаго князя службы служити, и дани давати, и всякихъ разрубовъ земскихъ».

И вотъ тяглые люди массами бѣгутъ изъ своихъ общинъ, бросая свои земли, дворы, «животы» и промыслы; закладываются за бѣломѣстцевъ, закабаляются въ холопы, а болѣе рѣшительные бѣгутъ въ казаки, пополняя собою ряды вольницы.—этого протестующаго элемента московскаго общественнаго строя, которому суждено было сыграть такую выдающуюся роль въ событіяхъ смутнаго времени. Русскія области наполняются массами «вольныхъ гулящихъ» людей, перекочевывающихъ изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ общины въ общину, отыскивая себѣ мѣста осѣдлости съ относительно сносными условіями существованія. Но члены общины связаны были между собою круговою порукою; оставшимся членамъ общины приходилось платить подати и нести повинности не только за себя лично, но и за вышедшихъ изъ общины бывшихъ сочленовъ своихъ; понятно, что, при этомъ условіи, тягость фи-

нансовыхъ поборовъ являлась еще менѣе выносимою—и цѣлыя общины «худали», приходили въ «конечное разореніе» и, въ концѣ концовъ, разбѣгались.

Государство было поставлено въ критическое положеніе: государева казна истощалась—а оно не знало, гдѣ искать плательщиковъ своихъ; къ тому же, никакая круговая порука не въ состояніи была побудить общины полностью вносить въ казну тѣ непосильныя суммы тягостей, которыя положены были на нихъ писцовыми, переписными и дозорными книгами.

Не лучшимъ представлялось и матеріальное положеніе служилой мелкоты,—всѣхъ этихъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые слезно плакались на свою бѣдноту и разоренія, заявляя, что имъ «великаго государя службу служить не съ чего». Вотчины и помѣстья этой служилой мелкоты, постоянно отрываемой отъ земли безконечными службами, пустѣли и приходили въ разстройство, да, кромѣ того, оставались и безъ рабочихъ рукъ, благодаря по-

чти повальному бѣгству уѣздныхъ тяглыхъ людей, избывавшихъ государевыхъ податей и повинностей.

И вотъ зарождается на этой почвѣ печальное историческое явленіе, болѣзненная язва, которой, въ теченіи послѣдующихъ двухъ съ половиною вѣковъ, суждено было разъѣдать собою организмъ русскаго народа: въ концѣ XVI-го вѣка было отмѣнено исконное право «Юрьева дня», была уничтожена свобода крестьянскаго перехода. Отнынѣ каждый уѣздный тяглый человѣкъ, каждый тяглый крестьянинъ—остался навсегда крѣпокъ той землѣ, на которой засталъ его указъ о прикрѣпленіи. Этимъ указомъ положенъ былъ краеугольный камень, на которомъ начало возводиться зданіе будущаго крѣпостного права. Не трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое должно было произвести это нововведеніе на русское крестьянство: оно увидѣло въ немъ нарушеніе своей личной свободы—и протестовало противъ отмѣны Юрьева дня усилившимися побѣгами, которые нерѣдко соединялись съ насиліями и

влекли за собою безконечные сыски, обиды, притѣсненія.

Бѣдственное положеніе тяглой области усугублялось еще крайне неудовлетворительною системою мѣстнаго управленія. Строго говоря—московское государство конца XVI-го вѣка, пожалуй даже, и не имѣло никакой системы мѣстнаго управленія. Будущая система воеводскаго управленія—еще только зарождалась, не успѣла принять опредѣленной физіономіи, оставаясь какою то полумѣрою,—не то административнаго, не то исключительно стратегическаго характера; широко задуманная Грознымъ Царемъ реорганизація областной жизни на началахъ полнаго земскаго самоуправленія—не привилась въ качествѣ общей системы; прежняя система намѣстничьяго управленія, доставшаяся Московскому государству въ наслѣдіе отъ Руси удѣльной, не удовлетворявшая даже требованіямъ Московскаго великаго княженія и всенародно осужденная царемъ Іоанномъ за ея «разоренія, неправды и безсудство неправедное» на земскомъ соборѣ 1547—48 года

—не въ состояніи была хотя сколько нибудь сносно удовлетворять государственнымъ задачамъ Московскаго царства.

На почвѣ этой разнокалиберности мѣстнаго управленія, сложившагося изъ обрывковъ отдѣльныхъ системъ —господствовали невѣроятныя злоупотребленія, насилія, вымогательства, неправосудіе, въ конецъ подрывавшія и духовныя силы области, уже и безъ того въ конецъ оскудѣвшей, какъ мы видѣли, съ точки зрѣнія матеріальнаго благосостоянія своего. Историческія условія, которыми отмѣчена вторая половина XVI-го вѣка, были далеко не благопріятными для того, чтобы за эти нѣсколько десятилѣтій могли сгладиться почти невѣроятныя настроенія, наблюдаемыя нами въ областной жизни въ половинѣ этого вѣка, когда намѣстники свирѣпствовали въ своихъ округахъ «аки львы», когда населеніе бѣжало въ лѣса, спасая отъ своихъ правителей личную безопасность свою, когда жители пригородовъ не смѣли даже пріѣзжать въ резиденціи намѣстниковъ, превратившіяся въ вер-

тены разбойниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ принятія имъ царскаго титула, Іоаннъ IV. въ соборномъ приговорѣ 1556-го года, открыто сознается, что намѣстники его сдѣлались для народа «не пастыри и учители, но сотворились для нихъ гонители и разорители»; что эти намѣстники причиняютъ населенію много «злокозненныхъ дѣлъ»; что между правящими и управляемыми — возникла рознь, благодаря которой управляемые оказываютъ управляющимъ сопротивленія и насилія, даже убиваютъ своихъ «гонителей и разорителей»,—«и много, восклицаетъ царь, въ томъ кровопролитія и осквернения душамъ содѣяше».....

Не долго продолжалась, исполненная лучшихъ намѣреній и порывовъ, свѣтлая эпоха царствованія Іоанна Васильевича. Поглощенный въ кровавую борьбу съ боярствомъ и отвлекаемый внѣшними войнами, Грозный царь порвалъ связь съ земщиною,—связь, которую въ 1547—48 г. давъ торжественно провозгласилъ онъ съ московскаго лобнаго мѣста, обѣщая

народу быть ему «судіею и обороною», обѣщая «неправды разорять и хищенія возвращать». Уединившись въ кругъ своей опричнины, противопоставленной имъ земщинѣ, Грозный царь потѣшается надъ земщиною, поставивъ ей шутовскаго правителя въ лицѣ татарина Симеона Бекбулатовича. Земщина снова очутилась въ рукахъ приказныхъ людей; снова подняли голову ея «гонители и разорители».

Такого было безотрадное положеніе русской областной земщины передъ эпохою смутнаго времени. Кратковременное правленіе Годунова не въ силахъ было исправить нестроенія, накоплявшіяся долгимъ рядомъ предшествующихъ годовъ,—но за то, какъ мы видѣли, отмѣчено неудачнымъ мѣропріятіемъ, еще болѣе порвавшимъ: связь между землею и государствомъ! былъ отмѣненъ традиціонный Юрьевъ день, совершилось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ; уѣздный тяглый людъ увидѣлъ себя утратившимъ одно изъ важнѣйшихъ правъ своей личности,—право жить и трудиться тамъ, гдѣ онъ находитъ это для себя

болѣе выгоднымъ болѣеподходящимъ. Этому люду не было надобности входить въ оцѣнку политическихъ мотивовъ новаго мѣропріятія. Это мѣропріятіе ограничивало его свободу, отнимало исконное право «Юрьева дня осенняго»—и этого было достаточно для жгучаго чувства протеста, накипѣвшаго въ груди прикрѣпленнаго крестьянства.

Общественныя отношенія были болѣзненно натянуты передъ эпохою смутнаго времени. Рознь между государствомъ и земщиною проявилась въ еще болѣе рѣзкой формѣ, когда на московскомъ государствѣ, взамѣнъ прежнихъ «прирожденныхъ» государей, стали появляться «цари безвременные», навязанные земщинѣ одною Москвою.

Ни Годуновъ, ни Шуйскій—не были, въ тяжелыя годины ихъ царствованія, поддержаны земщиною; сознавая свою «безвременность»—они возлагали всѣ надежды на своихъ ратныхъ воеводъ и не дерзнули обратиться за помощью къ землѣ, какъ это дѣлали «прирожденные» государи.

Государство раздвоилось. Съ од-

ной стороны—Москва съ своимъ боярствомъ и приказнымъ людомъ, «богатѣвшимъ и тяжелѣвшимъ многимъ богатствомъ неправеднымъ»; съ другой стороны—земщина, съ ея обидами, разореніями и насильствомъ отъ всякихъ приказныхъ людей.

Настало смутное царствованіе московскаго избранника—Василія Шуйскаго. Земщина, смутно сознававшая, что порвана связь ея съ государствомъ, олицетворявшимся теперь въ одной Москвѣ — Москвѣ, которая, какъ-бы забывъ о прежнихъ государствахъ Казанскомъ, Астраханскомъ, Новгородскомъ, Псковскомъ и другихъ, заявила теперь притязаніе единолично указывать остальнымъ русскимъ городамъ,—готова была стать подъ первое знамя, девизъ котораго могъ-бы обѣщать ей условія лучшаго существованія.

Такое знамя было поднято, какъ мы увидимъ это, уже первыми дѣятелями смутнаго времени.

II.

Причины успѣха первоначальнаго движенія смутнаго времени.—Характеръ этого движенія.—Элементы, примкнувшіе къ смутѣ.—Первые успѣхи мятежа противъ Шуйскаго и появленіе самозванца (Тушинскаго вора).—Общій очеркъ дальнѣйшаго развитія смуты.

Было время, когда склонны были объяснять историческія явленія народной жизни воздѣйствіемъ и вліяніемъ отдѣльныхъ личностей, единичныхъ историческихъ дѣятелей. Ничто-же сумняшеся, наши историки «добраго стараго времени» объясняли мрачную пору второй половины царствованія Грознаго царя—его воспитаніемъ и привитыми къ нему въ дѣтствѣ дурными наклонностями; паденіе «перваго самозванца» съ легкимъ сердцемъ объясняли тѣмъ, что онъ—ѣлъ телятину, не спалъ послѣ обѣда и не ходилъ съ женою въ баню; смутное время объясняли «дерзостью» разныхъ самозванцевъ и претендентовъ, появлявшихся въ эту пору; успѣхъ реформъ Петра I-го видѣли исключительно въ желѣзномъ характерѣ и непреклонной силѣ воли этого государя; баснословный успѣхъ народныхъ движеній, оставившихъ въ русской исторіи

кровавый слѣдъ подъ названіемъ «бунта Стеньки Разина» и «Пугачевщины»—склонны были приписывать буйному характеру казачества и «воровскимъ» наклонностямъ инициаторовъ этого движенія...

При этомъ забывали одно основное и чисто-азбучное положеніе: отдѣльныя личности не дѣлаютъ исторіи; эти отдѣльныя личности, представляющіяся кажущимися двигателями исторической жизни народа, въ сущности являются,—и въ своихъ великихъ и въ своихъ малыхъ дѣлахъ, и въ своихъ добродѣтеляхъ, и въ своихъ порокахъ,—продуктами болѣе или менѣе обширнаго круга факторовъ, воздѣйствовавшихъ на предшествовавшую жизнь народа.

Это азбучное положеніе вполнѣ примѣнимо и къ явленію русской исторической жизни, извѣстному подъ названіемъ «смутнаго времени». Врядъ-ли станетъ кто нибудь серьезно увѣрять въ наши дни въ томъ, что или «безвременное» царствованіе Шуйскаго, или измѣна князя—Рюриковича Шаховскаго и дворянина Ляпунова, или дерзость бывшаго хо-

лопа Болотникова, или отчаянная самоувѣренность Тушинскаго вора, или, наконецъ, желаніе поляковъ овладѣть Московскимъ государствомъ, а, тѣмъ паче, стремленіе іезуитовъ ввести католичество въ Россіи—были основными двигателями этого историческаго явленія. Шуйскій былъ свергнутъ въ пятый годъ своего царствованія; Ляпуновъ отсталъ отъ движенія черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ послѣ его начала; Болотниковъ и Шаховской были захвачены Шуйскимъ съ небольшимъ черезъ годъ послѣ начала смута; Тушинскій воръ выступаетъ на сцену событій смутнаго времени уже тогда, когда движеніе докатилось до стѣнъ Москвы; что-же касается польскихъ тенденцій, то онѣ не только не явились стимуломъ антигосударственнаго движенія смутнаго времени, но, напротивъ, явились, какъ извѣстно, дѣятелемъ примиряющимъ, явились толчкомъ, который заставилъ области забыть свою розню, побудилъ ихъ прійти «въ любовь, совѣтъ и единенье» и дружно ополчиться на защиту вѣры и національности.

Стало быть—приходится доискиваться болѣе глубокихъ причинъ невѣроятнаго успѣха народнаго движенія, которымъ ознаменовалось смутное время и которое невольно поражаетъ изслѣдователя своею интенсивностью.

Очевидно, что причины этого успѣха должны лежать не въ игрѣ историческаго случая, не въ личности отдѣльныхъ дѣятелей этой эпохи, но въ условіяхъ современной жизни русскаго народа.

Мы видѣли безъисходное положеніе, въ которомъ находились въ ту пору массы тяглаго населенія Московскаго государства. Несомнѣнно, что въ немъ должно искать причинъ пожара, въ нѣсколько мѣсяцевъ охватившаго добрую половину Московскаго государства. Для насъ не существенъ вопросъ о томъ,—чѣмъ руководились, каждый въ отдѣльности, первоначальные главари движенія: князь—рюриковичъ Шаховской, захудалый городовой дворянинъ Ляпуновъ и бывшій боярскій холопъ Болотниковъ. Очень можетъ быть, что Шаховской—руководился чувствомъ

личной ненависти и мести къ Шуйскому, соединеннымъ съ честолюбивымъ стремленіемъ обратить себѣ на пользу возженную имъ смуту; очень можетъ быть, что Болотниковъ,—человѣкъ, долго не бывшій на родинѣ,—вполнѣ искренне служилъ интересамъ самозванца, въ которомъ онъ могъ видѣть дѣйствительнаго сына Грознаго царя: «Я исполнилъ свой долгъ,—говорилъ Болотниковъ царю Василію послѣ паденія Тулы: — я вѣрно служилъ тому, кто назвалъ себя царемъ Димитріемъ.... Обманщикъ онъ или царь—я не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти... Вотъ сабля: если хочешь—сруби мою голову».

Какими бы побудительными причинами не руководились иниціаторы движенія, но несомнѣнно то, что они съумѣли ловко воспользоваться обстоятельствами, начертавъ на знамени, поднятомъ ими во имя пока еще миѳическаго Лжедмитрія, девизъ, способный пробудить и направить къ смутѣ стихійныя силы тяглой Руси.

Въ этомъ девизѣ значились два магическихъ слова: *Воля и свобода отъ тягла.*

Это тотъ самый девизъ, который выброшенъ былъ полстолѣтіемъ позже атаманомъ Стенькою Разинымъ, а съ небольшимъ еще черезъ сотню годовъ—донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ.

Движеніе 1606—1611 годовъ было движеніемъ стихійнымъ, массовымъ, для котораго всѣ эти самозванцы—служили лишь предлогомъ, вывѣскою, какъ позже и для пугачевскаго движенія призрачное имя императора Петра III, принятое на себя простымъ, неграмотнымъ казакомъ, служило такимъ же поводомъ къ смутѣ. Стихійно шла народная масса, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, подъ знамена Пугачева, не вдаваясь въ критическое отношеніе къ имени, принятому на себя отчаяннымъ казакомъ; стихійно становилась она за полтараста лѣтъ до того и подъ знамена несуществующаго самозванца, затѣмъ Тушинскаго вора, третьяго самозванца, наконецъ «Маринкина сына», не разсуждая о легальности или нелегальности всѣхъ этихъ претендентовъ, но видя лишь передъ собою возможность «полегчить себѣ» и

«воли прибавить»,—какъ шли подъ такимъ же знаменемъ и верховники эпохи воцаренія императрицы Анны Іоанновны.

Никто не сомнѣвается въ наши дни въ томъ, что начальное движеніе смутнаго времени, по крайней мѣрѣ до убіенія Тушинскаго вора и до занятія Москвы поляками—было вполнѣ демократическое. Такой характеръ приданъ этому движенію уже первыми его вожаками, и самъ Иванъ Болотниковъ—является рельефнымъ его представителемъ.

Уже въ 1606-мъ году, при самомъ началѣ смуты, Иванъ Болотниковъ старается поднять противъ Москвы массу тяглаго населенія, а также холоповъ, обѣщаніемъ воли и улучшенія ихъ матеріальнаго благосостоянія: «Стоятъ тѣ воры подъ Москвою,—пишетъ въ 1606-мъ году на Устюгъ митрополитъ ростовскій Филаретъ,—и посылаютъ въ Москву свои проклятые листы, а въ нихъ велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ господъ, обѣщая отдать имъ женъ, вотчины и помѣстья ихъ; шпынямъ же и безроднымъ людямъ—ве-

лятъ убивать гостей и торговыхъ людей, захватывая себѣ ихъ достатки; вожди мятежа,— продолжаетъ митрополитъ,—созываютъ къ себѣ воровъ, суля имъ чины и государственныя должности» (*). Такіе «проклятые листы», въ которыхъ тяглымъ людямъ и черни сулилась воля, богатства, почести и въ которыхъ неимущіе классы возстановлялись противъ имущихъ классовъ—разсылались изъ Коломенскаго стана и по другимъ городамъ русскимъ: доходили они и въ среднее Поволжье; доходили въ Казань, Нижній, Ярославль и Кострому; попадали на Вятку, достигали даже Перми и Пріуралья,— вездѣ волнуя умы и разжигая народныя страсти.

О такомъ демократическомъ характерѣ движенія смутнаго времени свидѣтельствуютъ и иностранные авторы. Петрей говоритъ, что самозванецъ «велѣлъ разглашать по всѣмъ городамъ, гдѣ есть бояре и дворяне, владѣющіе помѣстьями, чтобы холопы и слуги ихъ являлись къ нему

(*) Акты Арх. Экси. II, № 57.

и присягали ему въ вѣрности,—что онъ отдастъ имъ за то помѣстья ихъ бывшихъ господъ, вмѣстѣ съ ихъ женами и дочерьми; благодаря этому,—продолжаетъ Петрей —самозванецъ собралъ вокругъ себя много людей, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ и, такимъ образомъ, крѣпостные и холопы стали людьми сильными и богатыми, а бывшіе господа ихъ—сдѣлались бѣдняками и нищими».

Подъ вліяніемъ такихъ воззваній, мятежъ вспыхнулъ съ страшною силою Страсти были разожжены и проявились въ потрясающихъ формахъ, которыя могутъ смѣло идти въ паралель съ западно-европейскимъ движеніемъ анабаптизма и германскихъ крестьянскихъ войнъ. Крестьяне и холопы убивали своихъ господъ, разграбляли ихъ имущества, обезчещивали ихъ женъ и дочерей и массами передавались самозванцу, или становясь въ ряды его войскъ, или организуя самостоятельныя банды, дѣйствовавшія совершенно отдѣльно, бродившія по странѣ и всюду возжигавшія мятежъ, сопровож-

давшіеся новыми убійствами, погромами и другими ужасами этой смутной эпохи. Въ 1607-мъ году, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, въ охваченныхъ мятежемъ уѣздахъ «боярскіе люди и крестьяне разоряли и грабили достояніе бояръ своихъ и насиловали женъ и дочерей ихъ»; въ томъ же году были возмущены крестьяне Троицко-Сергіева монастыря; въ 1608-мъ году «смущены» крестьяне трехъ селъ Стародубскаго (на Клязьмѣ) уѣзда, а въ началѣ 1609-го года въ Романовскомъ уѣздѣ черные люди возстали и побивали дворянъ и дѣтей боярскихъ, разворяя и разграбляя ихъ имущества,—слѣдовательно движеніе передается уже и за Москву, въ мѣстности еще непосредственно не охваченныя мятежемъ. Въ 1609-мъ году во Владимірскомъ уѣздѣ свирѣпствуетъ предводитель мятежниковъ Наливайко, собравшій многихъ крестьянъ и холоповъ, избивавшій здѣсь дворянъ и дѣтей боярскихъ, которыхъ замучилъ около ста человѣкъ, сажая ихъ на колъ и предавая другимъ мучительнымъ казнямъ.

Любопытно что, впослѣдствіе, предводители русскаго ополченія, собравшагося подъ Москвою для освобожденія столицы отъ поляковъ—сочли не безполезнымъ прибѣгнуть къ тому же средству привлеченія на свою сторону тяглыхъ людей, къ какой прибѣгалъ раньше и Тушинскій воръ —къ обѣщанію *воли* и *свободы отъ податей*. Въ октябрѣ 1608-го года самозванецъ, желая привлечь на свою сторону суздальцевъ, обѣщаетъ дать имъ «тарханныя грамоты, чтобы съ нихъ не взымалось впредь никакихъ царскихъ податей»; въ 1611-мъ году Прокопій Ляпуновъ и другіе вожди земскаго ополченія, собравшагося для освобожденія Москвы отъ поляковъ, убѣждая казанцевъ примкнуть къ ихъ общему дѣлу, обѣщаютъ имъ разнаго рода выгоды, «а которые,—сулитъ имъ Ляпуновъ,—боярскіе люди крѣпостные и старинные, и тѣ бы шли безъ всякаго сумнѣнія и боязни: *всѣмъ имъ воля и жалованье будетъ*, и грамоты имъ дадутъ» (*).

(*) А. Ист. II, № 100; А. Арх. Эксп. II, № 188.

И народъ, удрученный нестроеніями и утѣсненіями долгаго ряда лѣтъ, предшествовавшаго смутному времени, видя передъ собою перспективу неволи, надвигающейся на него вслѣдствіе отмѣны права «Юрьева дня»— слѣпо идетъ подъ знамя, которое обѣщаетъ ему прежнюю волю и облегченіе непосильнаго тягла. Но это было уже не простое движеніе,— это было движеніе стихійной силы и, какъ таковое, оно, конечно, и не могло удержаться въ извѣстныхъ рамкахъ умѣренности: оно проявилось съ интенсивностью, свойственною всякой стихійной силѣ.

Къ этой бурно поднявшейся стихійной силѣ не замедлили примкнуть, какъ это и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, и другіе общественные элементы того времени. Эта сила захватила въ свой круговоротъ и такіе элементы, интересы которыхъ были даже прямо противоположны первоначальному характеру движенія. Такъ, къ смутѣ пристали многіе служилые люди; не безпричастно было ей и духовенство, не выключая и весьма видныхъ представителей его.

Сторонниками самозванца дѣлались служилые люди, которые не могли сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ, называвшій себя царевичемъ Димитріемъ—былъ дѣйствительно убитъ въ ночь на 17 мая. Многіе изъ этихъ служилыхъ людей становились за отвлеченное имя, еще необъявившагося, самозванца изъ ненависти и чувства мести къ Шуйскому, исходя изъ узко-эгоистической точки зрѣнія, что всякое средство хорошо, чтобы уничтожить ненавистнаго врага; къ такимъ принадлежалъ, напримѣръ, князь Шаховской,—первый изъ поднявшихъ знамя мятежа противъ Шуйскаго. Другіе служилые люди примыкали къ мятежу изъ малодушія; они передавались самозванцу изъ опасенія передъ страшною для нихъ чернью, грозившею ихъ личной и имущественной безопасности, и надѣялись найти себѣ защиту въ наружной преданности его дѣлу: «Дошелъ до насъ слухъ,—пишутъ Романовскимъ служилымъ людямъ ратные головы царя Василія Ивановича,—что вы держите сторону самозванца изъ страха

передъ черными людьми, побивающими и разворяющими дворянъ и дѣтей боярскихъ... и если вы,— грозятъ имъ головы,—государю вины своей не принесете, то мы начнемъ васъ воевать, будемъ жечь ваши дома и брать въ плѣнъ вашихъ женъ и дѣтей». Нельзя, конечно, назвать сколько нибудь опредѣленнымъ положеніе всѣхъ этихъ злосчастныхъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, поставленныхъ между двухъ огней: съ одной стороны—грозятъ имъ неисчислимыми бѣдами возставшіе черные люди, которымъ обѣщаны, въ случаѣ супротивности самозванцу, ихъ животы, помѣстья, жены и дочери; съ другой стороны—грозятъ имъ почти тѣмъ же ратные люди царя Василія.... Гдѣ же искать выхода изъ такой дилеммы? Понятно, что масса этихъ служилыхъ людей, не чувствуя себя героями, а тѣмъ менѣе героями идеи беззавѣтной вѣрности случайному царю — шли слѣдомъ за стихійною силою смутнаго времени, шли за движеніемъ толпы, массы, образовавъ обширный контингентъ людей, которыхъ совре-

мещники весьма мѣтко прозвали «перелетами»; сегодня эти перелеты прямятъ Шуйскому, если шансы его поднимаются; завтра-передаются самозванцу, если шансы царя падаютъ; послѣ-завтра снова являлись сторонниками Москвы,—словомъ, они идутъ слѣдомъ за теченіемъ улавливая всякое колебаніе, всякій благопріятный шансъ этой смутной и полной самыхъ неожиданныхъ случайностей годины. Многіе становились на сторону смуты и изъ побужденій корыстолюбивыхъ или честолюбивыхъ: Шуйскій не былъ проченъ на престолѣ, дни его царствованія казались уже сочтенными,—а самозванецъ звалъ служилый людъ на свою сторону, обѣщая ему помѣстныя наддачи, чины, почести и свое государево жалованье *)... Вѣдь сверг-

*) „А какъ, по милости Божіей, мы, великій государь,—пишетъ Тушинскій воръ суздальскимъ служилымъ людямъ,—будемъ на прародителей нашихъ престолѣ Россійскаго государства, и мы васъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, деньгами и сукнами, великъ помѣстнымъ окладамъ и денежнымъ жалованьемъ верстать, и въ помѣстномъ и денежномъ жалованьи прибавку учинить“ (А. Ист. II, № 100).

нулъ же Годунова такой же зарубежный выходецъ,—почему же не достигнуть престола, при этой смутѣ, и новому претенденту? И вотъ служилые люди, одинъ за другимъ, передаются этому претенденту, измѣняя царю Василію, осажденному въ своей собственной столицѣ,—измѣняя ему теперь также точно, какъ раньше измѣняли они Годунову—для называвшаго себя Димитріемъ, а этому послѣднему—для Шуйскаго. Велико было шатаніе умовъ въ эту смутную годину русской исторической жизни,—и права была инокиня Марѳа Ивановна, когда, въ 1613 году, отказываясь отпустить своего сына на Московское царство, она заявляла посламъ отъ земскаго собора, что «всякихъ чиновъ люди измалодушествовались, прежнимъ государямъ (Борису Ѳеодоровичу, Ѳеодору Борисовичу и Василію Ивановичу) не прямо служили; и видя такія крестопреступленія, какъ быти на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ!»

Далеко не было стойко въ своей вѣрности царю Василію и современ-

ное русское духовенство. И оно, во многихъ случаяхъ, шло въ хвостѣ движенія стихійной силы, колеблясь между Москвою и Тушинымъ и нерѣдко открыто склоняясь на сторону самозванца. Такъ поступало не только низшее духовенство, которое, какъ извѣстно, и во времена пугачевщины выходило на встрѣчу самозванцу съ крестами и хоругвями; такъ поступали въ смутное время и весьма видные представители іерархіи. Не выказалъ въ данномъ случаѣ твердости и величія души даже такой «столпъ» церкви, такой видный іерархъ, какимъ былъ митрополитъ ростовскій Филаретъ Никитичъ, будущій митролитъ московскій и всея Руси. Въ 1608г., при осадѣ Ростова приверженцами самозванца—этотъ іерархъ собралъ народъ въ соборную церковь, облачился въ ризы и причащалъ ростовцевъ, приготовляя ихъ къ смерти; но, взятый въ плѣнъ и доставленный въ Тушино, митрополитъ Филаретъ принялъ здѣсь изъ рукъ самозванца званіе всероссійскаго патріарха, дары, и, въ свою очередь, отдарилъ Тушинскаго вора драгоцѣннымъ яхон-

томъ *). Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, снова отпущенный на ростовскую митрополію, Филаретъ Никитичъ шлетъ свое благословеніе воеводѣ самозванца, пану Яну Сапѣгѣ, осаждавшему въ это время русскую святыню—Троицкую Сергіеву Лавру и, именуясь въ своемъ посланіи къ нему даннымъ ему самозванцемъ саномъ «нареченнаго патріарха Московскаго и всея Руси»—подобострастно проситъ у Сапѣги позволенія освятить въ «нашемъ патріаршествѣ», въ Киржецкомъ монастырѣ, храмъ Божій. Такимъ образомъ, даже будущій патріархъ всероссійскій не устоялъ передъ обаяніемъ патріаршаго посоха, врученнаго ему Тушинскимъ воромъ,—не устоялъ передъ этимъ соблазномъ іерархъ, лишь незадолго до

*) Даже Авраамій Палицынъ, относящійся къ Филарету вполнѣ сочувственно, свидѣтельствуетъ въ своихъ сказаніяхъ", что „сей Филаретъ—разуменъ сый, не преклонися ни на десно, ни на шую". Интересно, что этотъ Филаретъ „прямилъ" первому выходцу, называвшему себя Дмитріемъ, затѣмъ служилъ Шуйскому, открывалъ при немъ мощи св. Дмитрія и, наконецъ, призналъ Тушинскаго вора. Чего же вправѣ мы ожидать отъ низшаго духовенства той эпохи?!

того открывавшій мощи св. Димитрія! Но это—далеко не единственный примѣръ. Въ октябрѣ 1608 года бьетъ челомъ самозванцу въ покорности городъ Суздаль, съ архіепископомъ Галактіономъ во главѣ; въ концѣ того же года держитъ сторону самозванца игуменъ Луховскаго уѣзда, Тихоновой пустыни, Іона; въ 1609 году держатъ сторону самозванца и доносятъ Сапѣгѣ о пораженіи войскъ Шуйскаго игуменъ Калязина монастыря Ѳеодосій съ братьею, именуя свой монастырь «государевымъ богомольемъ царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Руси»; въ томъ же году путается въ таборахъ самозванца какой то Вассіанъ, величающій себя «игумномъ Пошехонской Адріановой пустыни»; еще ранѣе, въ концѣ 1606 года, патріархъ Гермогенъ предписываетъ казанскому митрополиту Ефрему имѣть крѣпкое наблюденіе надъ казанскимъ духовенствомъ, «чтобы въ немъ воровства не было» и т. д. *).

*) „Сказаніе“ Авр. Палицына, стр 51 (изд. 1822 г.); А. Ист. II, №№ 99 106, 197, 208, 250, А. Арх. Экси. II, №№ 60 и 61.

Таковъ былъ характеръ первоначальнаго народнаго движенія, вызваннаго смутнымъ временемъ; таковы были и элементы,—элементы относительно консервативные,—которые были увлечены въ своемъ неудержимомъ теченіи потокомъ стихійной, массовой силы, явившейся главнымъ и истиннымъ дѣятелемъ событій этой эпохи.

Въ концѣ 1606 года произошелъ расколъ въ подмосковномъ Коломенскомъ станѣ, гдѣ укрѣпился Иванъ Болотниковъ съ своими полчищами: три видныхъ дѣятеля мятежа,—Ляпуновъ, Сунбуловъ, а затѣмъ и Пашковъ,—измѣнили дѣлу Шаховскаго и Болотникова и передались царю Василію.

Справедливо предполагаетъ покойный С. М. Соловьевъ, что причиною этой измѣны послужилъ весьма рано обнаруженный Болотниковымъ охлократическій характеръ движенія; они сочли невозможнымъ продолжать служеніе дѣлу, которое призывало народъ на избіеніе ихъ же братьи—служилыхъ людей; они отказались служить дѣлу, въ результатѣ кото-

рого должно было явиться господство черни и униженіе служилаго класса. Понятно, что передача на сторону Москвы этихъ воеводъ, за которыми послѣдовали, безъ сомнѣнія, и многіе другіе городовые дворяне и дѣти боярскіе, должно было сдѣлать возстаніе еще демократичнѣе. Были попытки склонить на сторону Шуйскаго и самого Ивана Болотникова, но тотъ гордо отвѣтилъ на это: «Я отдалъ свою душу царю Дмитрію—и сдержу данную мною клятву: явлюсь въ Москву, но не измѣнникомъ, а побѣдителемъ». Болотникову не удалось сдержать этого обѣщанія: онъ былъ захваченъ 10-го октября 1607 г. въ плѣнъ, вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ, при взятіи воеводами Шуйскаго города Тулы.

Въ началѣ 1607 года мятежъ получилъ новый стимулъ — въ лицѣ явившагося въ станъ Болотникова и Шаховскаго самозванца, казака Илейки, назвавшаго себя царевичемъ Петромъ, сыномъ царя Ѳеодора Ивановича и племянникомъ царя Димитрія. Это появленіе было очень кстати: самозванный царь Димитрій все еще

«не объявлялся» и вѣра въ его дѣйствительное существованіе легко могла поколебаться въ массахъ; и вотъ является его племянникъ, въ качествѣ предтечи намѣстника и уполномоченнаго все еще скрывающагося царя *). Все это было довольно хитро подстроено княземъ Шаховскимъ. Самозванство Лже-Петра было, однако, непродолжительно: онъ раздѣлилъ, послѣ взятія Тулы, участь Шаховского и Болотникова.

Главные руководители мятежа пали. Казалось, бы, что послѣ этого должно было мало по малу затихнуть и поднятое ими движеніе. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Мятежъ получилъ новую и на этотъ разъ рѣшительную, для успѣха его, поддержку: объявился, наконецъ, такъ давно ожидаемый мнимый царь Димитрій; объявился въ самую критическую минуту, когда главные вожаки возстанія оказались осажденными въ Тулѣ воеводами царя Василія.

*) Существуютъ свидѣтельства, что кн. Шаховскій обѣщалъ даже этому казаку Илейкѣ возвести его на московскій престолъ въ томъ случаѣ, если Лжедмитрій вовсе не объявится.

Кто былъ этотъ самозванецъ, откуда онъ вышелъ—это вопросъ, на который исторія до сихъ поръ не дала отвѣта. Считали его—то какимъ то Матвѣемъ Веревкинымъ изъ Стародуба. то польскимъ евреемъ; видѣли въ немъ даже сына извѣстнаго московскаго эмигранта и бывшаго воеводы Грознаго царя, князя А. М. Курбскаго.

Какъ бы то ни было. но этотъ дерзкій самозванецъ впервые заявилъ о своемъ существованіи въ городкѣ Пропойскѣ (нынѣшней Могилевской губерніи), гдѣ, будучи задержанъ въ качествѣ бродяги, назвалъ себя родственникомъ царя Димитрія, Андреемъ Нагимъ, будто бы скрывающимся отъ Шуйскаго. Согласно его просьбѣ. самозванецъ былъ высланъ въ Стародубь; отсюда онъ послалъ своего пріятеля, Александра Рукина, распускать по сѣверскимъ городамъ, уже охваченнымъ мятежемъ, слухъ о томъ, что давно ожидаемый всѣми царь Димитрій—живъ и скрывается въ Стародубѣ. Въ Путивлѣ отнеслись къ этому сенсаціонному извѣстію довольно скептически: Ру-

кина задержали и отправили обратно въ Стародубъ съ нѣсколькими служилыми людьми, съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе— во-очію провѣрели это извѣстіе. Пріѣхали въ Стародубъ.— «Гдѣ царь Димитрій?»—спрашиваютъ Рукина. Тотъ указалъ на самозванца. Мнимый Андрей Нагой увидѣлъ, что дѣло можетъ кончиться для него петлею—и началъ запираться, говоря, что никакого царя Димитрія знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Но и это не помогло: самозванца схватили, съ тѣмъ чтобы подвергнуть пыткѣ. Видя, что дѣло выходитъ—дрянь, самозванецъ рѣшился на отчаянное, хотя и грубое, средство, слѣдуя поговоркѣ: «либо панъ— либо пропалъ». И вотъ, принявъ величественный видъ и замахнувшись палкой, самозванецъ крикнулъ: «А, б....ны дѣти,—вы не узнаете своего государя: я—царь Димитрій!» Присланные путиловцами соглядатаи и присутствовавшіе при допросѣ стародубцы—повалились дерзкому самозванцу въ ноги....

Такимъ образомъ «объявился», наконецъ, давно поджидаемый новый

царь Димитрій, во имя котораго уже полъ-Руси объято было мятежемъ и котораго съ нетерпѣніемъ, въ теченіе цѣлаго года, ждали въ мятежныхъ городахъ и станахъ. Странными могутъ показаться обстоятельства, при которыхъ признали стародубцы и путивлевцы новаго самозванца. Но развѣ не при такихъ же трубо-театральныхъ и почти невѣроятныхъ эффектахъ совершилось, сто восемьнадцать лѣтъ тому назадъ, признаніе Пугачева императоромъ Петромъ III-мъ? Рѣзкая неожиданность, дерзкая рѣшительность и потрясающій эффектъ минуты—рѣшили участь невѣдомаго самозванца 1607 года также быстро, какъ быстро рѣшили они въ 1773 году участь бѣглаго казанскаго тюремнаго сидѣльца, казака Емельяна Пугачова. Начало дѣятельности обоихъ самозванцевъ поразительно схоже: какъ яицкіе казаки оказали Пугачову первую поддержку и одеждой, и оружіемъ, и деньгами, и знаменами, — также точно помогали Лжедмитрію и стародубцы: они отвели бездомному скитальцу жилье, одѣли и обули его,

снабдили его деньгами и стали разсылать по городамъ грамоты, призывавшія народъ русскій становиться подъ знамена вновь явленнаго царя Димитрія Ивановича. Призывъ не остался безъ отвѣта: народъ, уже подготовленный къ явленію новаго Димитрія, восторженно отозвался на зовъ претендента; явились къ нему на помощь и польскіе воеводы,—въ лицѣ пановъ Мѣховецкаго, Будзилло и хорунжаго Мозырскаго, а затѣмъ и цѣлаго рада другихъ польскихъ авантюристовъ.

Такъ зародился самозванецъ, которому, подъ именемъ «Тушинскаго вора», было суждено сыграть такую видную и отвѣтственную роль въ событіяхъ смутнаго времени. Успѣхъ самозванца—былъ необычайный. Перезимовавъ въ Орлѣ и подкрѣпившись здѣсь новыми силами (поляки Рожинскій, Вишневскій, Тышкевичъ, запорожцы, Заруцкій съ донскими казаками и др.), самозванецъ съ наступленіемъ весны двинулся къ Москвѣ; разбилъ въ первой половинѣ апрѣля, у города Болхова, высланную противъ него рать князя

Димитрія Шуйскаго; объявилъ крестьянамъ и холопамъ служилыхъ людей, остававшихся вѣрными царю Василію, чтобы они брали себѣ помѣстья, животы, женъ и дочерей своихъ господъ,—и 1-го іюня 1608-го года подошелъ къ Москвѣ, избравъ мѣсто для своего укрѣпленнаго стана въ какомъ-нибудь десяткѣ верстъ отъ столицы, при селѣ Тушинѣ, отъ котораго и получилъ свое историческое прозваніе «Тушинскаго вора».

Въ задачи нашего повѣствованія не входитъ изложеніе всѣхъ перипетій дальнѣйшей двухлѣтней борьбы Тушинскаго вора съ царемъ Василіемъ Шуйскимъ. Мы не будемъ говорить о томъ, какъ поднялся авторитетъ и обаяніе самозванца съ сентября 1608-го года, послѣ того, какъ онъ былъ открыто признанъ, за яко бы убитаго мужа ея, Мариною Мнишекъ; не будемъ говорить о польской подмогѣ самозванцу, явившейся въ лицѣ польскихъ воеводъ Яна Сапѣги и Лисовскаго, обложившихъ въ сентябрѣ 1608-го года Троицко-Сергіеву Лавру, стоявшую на пути изъ Москвы въ верхнее По-

волжье и сѣверные города; не будемъ мы входить и въ подробности тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ окончилось смутное царствованіе Василія Шуйскаго, оставившаго 17-го іюля 1610-го года царство по просьбѣ о томъ «всякихъ чиновъ людей Московскаго государства», бившихъ ему челомъ объ оставленіи царства—такъ какъ «изъ за него земля раздѣлилась, настали усобицы и льется понапрасну кровь христіанская»; мы не коснемся и вопросовъ о томъ, какъ Москва присягнула въ августѣ того же года призванному на царство польскому королевичу Владиславу, впустивъ вслѣдъ за тѣмъ въ столицу польскій гарнизонъ; какъ бѣжалъ въ августѣ этого же года изъ Тушина въ Калугу Тушинскій воръ и какъ былъ онъ, 11-го декабря 1610-го года, умерщвленъ здѣсь крещенымъ татариномъ Петромъ Урусовымъ, мстившимъ ему за смерть Касимовскаго царя, утопленнаго по приказанію самозванца

Сдѣлавъ предшествовавшее,—и, сознаемся въ этомъ,—нѣсколько пространное вступленіе, въ которомъ мы

познакомили читателя съ характеромъ и общимъ ходомъ начальнаго движенія смутнаго времени — мы перейдемъ теперь къ основной задачѣ нашего повѣствованія, къ вопросу о томъ: какъ отразились событія этой эпохи на Казанскомъ краѣ, лишь за полъ-вѣка до того присоединенномъ къ Московскому государству, — краѣ, весьма интереснымъ своими и историческими и этнографическими особенностями?

Считаемъ при этомъ необходимымъ оговориться: изложеніе участія собственно Казанскаго края въ событіяхъ смутнаго времени будетъ разсмотрѣно нами въ тѣсной связи съ участіемъ въ нихъ и областей сосѣднихъ,—Вятской, Пермской, Нижегородской и, отчасти, областей сѣверныхъ. Безъ этого—наше послѣдующее повѣствованіе явилось-бы слишкомъ узкимъ, односторонним и лишеннымъ достаточнаго историческаго освѣщенія.

III.

Общій взглядъ на роль Казанскаго края въ событіяхъ смутнаго времени.—Казанскій край въ ряду другихъ русскихъ областей начала XVII столѣтія.—Начало смуты въ Поволжьѣ.—Астраханскій мятежъ.—Движеніе въ Нижегородскомъ краѣ.—Симптомы смуты въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ.—Первые признаки смуты въ Казанской землѣ.—Бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ въ Казани.—Казанскіе мятежи конца 1608 и первой четверти 1609 годовъ

Странную и довольно таки загадочную роль довелось съиграть Казанскому краю въ историческомъ явленіи, извѣстномъ подъ названіемъ «смутнаго времени».

Эта роль является двоякою. Въ первую и наиболѣе продолжительную эпоху смутнаго времени—Казань держится какъ бы въ сторонѣ отъ событій, которыя волновали въ то время всю русскую землю; она какъ бы умышленно игнорируетъ эти событія, придерживаясь выжидательной политики, не рѣшаясь выступить въ этихъ событіяхъ до выясненія рокового вопроса: «Чья возьметъ?» Такой политики придерживалась Казань до паденія Шуйскаго. Съ этого момента

Казань открыто становится на сторону Тушинскаго вора и затѣмъ, послѣ гибели Самозванца, играетъ весьма двусмысленную роль въ событіяхъ смутнаго времени: на словахъ—она горячо примыкаетъ къ обще-земскому движенію, направленному къ освобожденію Москвы; на дѣлѣ же—относится къ этому движенію болѣе нежели индифферентно и, пожалуй, даже тормозитъ его.

Такое отношеніе къ событіямъ смутнаго времени объясняется исключительнымъ положеніемъ Казанскаго края, въ началѣ XVII столѣтія, среди остальныхъ областей русскихъ.—если не считать малонаселенной Сибири, не принимавшей почти никакого участія въ событіяхъ 1606—1612 г.г., да изолированной Астрахани, которая отпала, или, вѣрнѣе говоря, московскіе приказные заправилы которой отпали отъ Москвы въ самомъ началѣ мятежа, въ лицѣ воеводы князя Хворостинина и его единомышленниковъ. Всего лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ присоединенный къ Московскому государству послѣ

ряда отчаянныхъ попытокъ отстоять свою независимость, почти сплошь населенный народностями, враждебно относившимися къ своимъ покорителямъ, еще крайне слабо колонизированный пришлымъ русскимъ населеніемъ, — Казанскій край связанъ былъ въ то время съ Москвою лишь царскими воеводами, управлявшими бывшимъ Казанскимъ царствомъ изъ за стѣнъ Казанскаго кремля, приказными и начальными людьми, стрѣльцами и пушкарями, испомѣщенными въ ближайшихъ къ городу волостяхъ дворянами и дѣтьми боярскими, да кучкою русскихъ посадскихъ людей, явившихся въ Казань вслѣдъ за покореніемъ города и умиротвореніемъ края. Вотъ тотъ небольшой, сравнительно съ массою туземнаго населенія, контингентъ дѣятелей, которые могли играть хотя сколько нибудь активную, сколько нибудь сознательную роль въ событіяхъ смутнаго времени. Конечно, могли играть здѣсь нѣкоторую роль и отдѣльные представители туземнаго населенія, ассимилировавшіеся съ русскимъ элементомъ — но

они должны были совершенно поглощаться этимъ послѣднимъ.

Вотъ почему, читая грамоты, посылавшіяся изъ Казани въ 1609—1612 гг. въ сосѣднія области, въ которыхъ постоянно говорится, что эти грамоты—посылаются отъ имени «приказныхъ людей, головъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ» и другихъ служилыхъ людей, а также «отъ всякихъ людей Казанскаго государства, и отъ князей, и отъ мурзъ, и отъ *татаръ*, и отъ *чувашъ*, и отъ *черемисъ*, и отъ *вотяковъ*»—мы должны относиться къ этимъ извѣстіямъ болѣе нежели осторожно. Эта ссылка «на всякихъ людей Казанскаго государства»—простая риторическая форма, за которою скрывается личная инициатива какого нибудь дьяка Никанора Шульгина (*), успѣвшаго завладѣть преобладающимъ положеніемъ и распоряжающимся, съ кучкою своихъ единомышленниковъ, судьбами цѣлаго края подъ фиктивнымъ авторитетомъ „чувашъ, чере-

(*) Ниже мы познакомимся съ личностью этого дьяка, игравшаго видную роль въ казанскихъ событіяхъ того времени.

мисъ, вотяковъ и всякихъ людей Казанскаго государства». Эти «чуваши, черемисы и вотяки», какъ и въ наши дни, преспокойно сидѣли себѣ по своимъ медвѣжьимъ угламъ, вылѣзая изъ нихъ въ удобныя минуты, которыхъ не мало выпадало въ то смутное время, развѣ только для непріязненныхъ дѣйствій противъ московскихъ же людей,—дѣйствій, которыя, не имѣя отношенія къ политикѣ смутнаго времени, являлись лишь отголоскомъ мятежей, волновавшихъ казанскій край во всю вторую половину XVI-го вѣка. Было бы въ высшей степени наивно думать, что всѣ эти «чуваши, черемисы и вотяки», разсылающіе поклоны своимъ сосѣдямъ—пермичамъ, вятчанамъ и нижегородцамъ, и переписывающіеся о политикѣ съ окрестными земцинами—имѣли хотя сколько нибудь опредѣленное представленіе о Годуновѣ, Димитріѣ, Шуйскомъ, Тушинскомъ ворѣ, Владиславѣ.... Они знали только отвлеченную для нихъ силу—*Москву*, которой стали они теперь платить ясакъ, да знали и болѣе реальную для нихъ силу—казан-

скихъ воеводъ и ясачныхъ сборщиковъ, которые чинили имъ подъ-часъ нѣкоторыя «утѣсненія» и которыхъ они, въ удобные моменты, даже и побивали, вспоминая свое полунезависимое положеніе во времена царства Казанскаго.

Иную картину представляютъ намъ собственно русскія земщины (о казанской русской «земщинѣ» начала XVII-го вѣка—смѣшно, конечно, и говорить), земщины съ преобладающимъ русскимъ элементомъ, въ которыхъ колонизаціонная русская сила успѣла пустить глубокіе корни, въ которыхъ чутко отдавались всѣ перипетіи борьбы, происходившей въ окрестностяхъ престольной Москвы. Здѣсь,—даже въ своихъ увлеченіяхъ и крайностяхъ,—живымъ ключемъ била русская жизнь. Здѣсь уже не какой нибудь дьякъ Никаноръ Шульгинъ или авантюристъ Иванъ Биркинъ орудовали, прикрываясь авторитетомъ сидѣвшихъ по своимъ горамъ, лѣсамъ и лугамъ «чувашъ, черемисъ и вотяковъ»,—здѣсь жизнедѣйствовала исконная русская земская сила; здѣсь, въ крайнія поры

безначалія, возродились старинныя русскія вѣча, мощно воспрянули русскія земскія силы, которыя спасли стоявшее на краю гибели государство и въ теченіе всего XVII-го вѣка стояли, своею мыслью и словомъ, на стражѣ его интересовъ, подготовивъ самую возможность эпохи Императора Петра I-го, поставившей Россію въ рядъ великихъ державъ міра. Быть можетъ далеко не достаточно отблагодарили, русскую земщину за все то, что было сдѣлано ею въ теченіе первой половины XVII-го вѣка для спасенія русской государственности.

Ниже будемъ мы имѣть случай убѣдиться въ томъ, что Казанскій край съигралъ въ этой великой земской эпопеѣ дѣйствительно двусмысленную и далеко не активную роль.

* * *

Угрожающія вспышки смуты стали проявляться въ Поволжьѣ уже въ 1606-мъ году,—почти одновременно съ возстаніемъ противъ Шуйскаго украйныхъ городовъ.

Особенно рѣзкую форму приняла смута въ Астраханскомъ краѣ. Здѣсь находился на воеводствѣ князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ, бывшій приверженцемъ лица, сѣвшаго на московскій престолъ съ именемъ царя Димитрія, и за это сосланный сюда Шуйскимъ въ почетную ссылку. Соединившись съ извѣстнымъ уже намъ самозванцемъ Лже-Петромъ (Илейкою) и съ «воровскими» казаками, князь Хворостининъ объявилъ Астрахань отложившеюся отъ Москвы; сторонники царя Василія, съ дьякомъ Аѳанасіемъ Карповымъ во главѣ, были сброшены съ раската.

Чтобы уже не возвращаться болѣе къ Астраханской смутѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ ея дальнѣйшей судьбѣ. Для подавленія астраханскаго мятежа посланъ былъ съ Москвы бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметьевъ съ товарищами. По всему государству пѣлись по этому поводу молебны о ниспосланіи Шереметьеву побѣды надъ «неудобосказуемою напастью»,—но этотъ походъ встрѣтилъ неудачу: мятежники крѣпко засѣли въ Астрахани; не будучи въ

состоянiи взять города, Шереметьевъ ограничился тѣмъ, что занялъ наблюдательную позицiю на Бальчикѣ,— островѣ, расположенномъ въ трехъ верстахъ выше Астрахани. Только въ маѣ 1607-го года удалось Шереметьеву привести въ покорность городъ Астрахань, но не астраханскiй край, который продолжалъ волноваться и послѣ этого. Лже-Петръ ушелъ въ Сѣверскую землю, гдѣ, какъ мы знаемъ, уже поджидали его съ нетерпѣнiемъ вожди возстанiя— кн. Шаховскiй и Иванъ Болотниковъ. Шереметьевъ оставался въ Астрахани до конца лѣта 1608-го года, когда ему предписано было двинуться со всею понизовою ратью вверхъ по Волгѣ—для умиротворенiя возставшаго средняго и верхняго Поволжья, а затѣмъ идти на выручку Москвы. Мы встрѣтимся еще съ боярином Ѳ. И. Шереметьевымъ, такъ какъ, по пути къ Москвѣ, ему выпало на долю принять дѣятельное участiе въ усмиренiи инородческихъ мятежей, вспыхнувшихъ въ Казанскомъ краѣ въ концѣ 1608-го года.

Почти одновременно съ астрахан-

скимъ мятежемъ вспыхнули весьма серьезныя смуты и въ болѣе близкомъ къ Москвѣ районѣ—въ предѣлахъ Нижегородскаго Поволжья.

Эти смуты начались крестьянскимъ движеніемъ въ Арзамасскомъ и Алатырскомъ уѣздахъ. Здѣсь возстали крестьяне и холопы, до которыхъ успѣли, по всей вѣроятности, дойти «проклятые листы» Болотникова и кн. Шаховскаго. Поднялось и мордовское населеніе края, руководимое двумя туземными вожаками возстанія—Москвою и Варкадиномъ. Не осталось безпричастнымъ смутѣ и нижегородское Заволжье: здѣсь ополчились во имя самозванца «бортники»; такъ называлось населеніе лѣсистаго пространства нынѣшняго Семеновскаго уѣзда, промышлявшее пчеловодствомъ («борть»—улей) и другими лѣсными промыслами.

Движеніе сразу приняло кровавый характеръ. Холопы и крестьяне, подкрѣпленные бортниками и мордвою, рѣзали и грабили господъ своихъ; въ Алатырѣ былъ утопленъ въ Сурѣ воевода Жданъ Сабуровъ; не давали пощады и другимъ царскимъ

начальнымъ людямъ. Нижній-Новгородъ оставался вѣренъ Москвѣ. Соединившіяся полчища русскихъ и инородческихъ мятежниковъ двинулись на этотъ городъ и обложили его. Осада ознаменовалась новыми неистовствами со стороны осаждающихъ; они «стояху подъ Нижнимъ и многія пакости граду дѣлаху»—замѣчаетъ лѣтописецъ.

Смута держалась въ Нижегородскомъ краѣ въ теченіи всего конца 1606 и начала 1607 года. Только въ 1607 году послана была сюда рать изъ владимірскихъ, суздальскихъ и муромскихъ служилыхъ людей, подъ начальствомъ воеводъ Григорія Пушкина и Сергѣя Ададурова. Алатырь и Арзамасъ были приведены въ покорность; вслѣдъ затѣмъ «воровскія» скопища, собравшіяся подъ Нижнимъ, узнавъ объ успѣхахъ московскихъ воеводъ, поспѣшили снять съ города осаду.

Недобрые слухи стали доходить въ Москву, уже въ самомъ началѣ смуты, изъ Пермскаго и Вятскаго края: здѣсь также обнаруживаются признаки смуты. Въ сентябрѣ 1606

года велѣно было отправить изъ Пермскаго уѣзда къ Москвѣ небольшую партію ратныхъ людей; вести ее поручено нѣкоему Петру Благово. По пути ратные люди возмутились,— «учали межь себя драться и изъ луковъ стрѣляти». и даже хотѣли убить Петра Благово, вздумавшаго приводить ихъ къ порядку. Дошла партія, съ грѣхомъ пополамъ, до вятскаго города Котельнича. Здѣсь населеніе отказалось въ дачѣ ей подводъ, а котельническій староста Крушаковъ объявилъ начальнику партіи, что «въ тутошныхъ людяхъ—измѣна есть». Въ отвѣтъ на требованіе подводъ, явились зачинщики смуты, въ числѣ которыхъ оказался городовой приказчикъ Ефимъ Дементьевъ и какой то попъ Харитонъ; они стали вести «измѣнное слово», понося царское имя Шуйскаго и величая царя Дмитрія, за здоровье котораго даже «въ кабакѣ чашу пили», а пермскіе ополченцы требовали отъ Благово, чтобы онъ привелъ ихъ къ крестному цѣлованію царю Дмитрію. Намѣревались было насильно привести къ крестному цѣлованію самозванцу самого

Благово, по тому удалось обманомъ скрыться изъ Котельнича въ г. Козьмодемьянскъ, оттуда онъ намѣревался послать гонцовъ къ Москвѣ; но здѣсь онъ узналъ, что подъ Нижнимъ стоятъ воровскіе люди, которые перехватываютъ московскихъ гонцовъ: однихъ—избиваютъ, другихъ же препровождаютъ въ Путивль. Пермскіе ратные люди, съ своей стороны, къ Москвѣ не пошли, возвратившись отъ города Санчурска обратно по домамъ.

Въ Москвѣ сообразили, что на заволжскомъ востокѣ—дѣло не ладно. Крутыми мѣрами помочь здѣсь было мудрено. Царь Василій рѣшилъ воздѣйствовать на пермичей мѣрами кротости; онъ послалъ на Пермь грамоту, въ которой заявлялось, что пермскіе ратные люди за неповиновеніе, самовольное возвращеніе изъ похода и за покушеніе убить Благово—«довелись было» царской опалы; но царь, де, жалуетъ ихъ, «опалы своей власть на нихъ не велѣлъ», только бы они, пермичи, впредь ему, государю, «служили и прямили безъ всякаго сумнѣнья»: а если,—объявляетъ царская грамота,—воровскіе

люди станутъ вновь приходить на Пермь и смущать пермичей рѣчами или прельщать ихъ своими воровскими письмами,—то имъ, пермичамъ, велѣно такихъ воровскихъ людей перехзатывать и отдавать воеводѣ, для содержанія въ тюрьмѣ впредь до царскаго указа» *).

Таково было положеніе средняго Поволжья къ концу 1606 года. Мы видимъ такимъ образомъ, что Казанскій край является уже къ концу перваго года смуты окруженнымъ мятежемъ. Съ юга—достигаютъ до него отголоски Астраханской измѣны, на западѣ — полчища возставшихъ крестьянъ, холоповъ и инородцевъ держатъ въ блокадѣ Нижній, отрѣзавъ Казанскій и Пермскій востокъ отъ непосредственнаго сообщенія съ Москвою; на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ также прорываются серьезные признаки броженія....

Мудрено было и Казанской землѣ устоять, при такихъ условіяхъ, противъ окружившей его со всѣхъ сто-

*) А. Арх. Эксп. II, № 60; также Собр. гос. гр. и доч. II, № 151.

ронъ смуты. И, дѣйствительно, эти смуты не замедлили вспыхнуть здѣсь уже въ концѣ того же 1606 года.

* * *

Въ предѣлахъ Казанскаго края, благодаря условіямъ мѣстнаго характера, смута могла найти почву, вполнѣ благопріятную для своего развитія. Эти условія сводятся съ одной стороны—къ географическому положенію края, съ другой стороны—къ его этнографическому составу, съ третьей стороны—къ нѣкоторымъ особенностямъ его современной администраціи.

Разбросившійся по среднему теченію Волги, этотъ край являлся естественнымъ связующимъ звѣномъ между нижнимъ и верхнимъ Поволжьемъ; съ другой стороны—онъ находился на пути въ Москву изъ Сибири и Пріуральскаго края. Понятно, что этотъ край остался совершенно отрѣзаннымъ отъ Москвы послѣ того, какъ пламя мятежа, послѣ обложенія Сапѣгою съ Лисовскимъ Троицко-Сергіевой лавры, охватило собою

верхнее Поволжье. Въ сентябрѣ 1608 года лавра была обложена,—и вслѣдъ затѣмъ смута быстро разливается по верхнему Поволжью. Казанскій край остался отрѣзаннымъ отъ Москвы: и вотъ, какъ мы увидимъ это ниже, казанцы жалуются, что съ осени 1608 по іюль 1609 года они не имѣли никакихъ свѣдѣній «о Московскомъ государствѣ». Именно въ это то время въ Казанскомъ краѣ, предоставленномъ самому себѣ, съ особенною силою проявляются инородческіе мятежи,—отголоски мятежей 50 и 80 годовъ XVI вѣка.

Нижнее Поволжье было переполнено въ то время массою протестующихъ элементовъ, уходившихъ сюда изъ коренной Руси и дававшихъ здѣсь обильный элементъ для такъ называемой понизовой вольницы. Съ началомъ смутнаго времени эта понизовая вольница смѣло подняла голову—и отпаденіе отъ Москвы Астрахани совершилось при ея непосредственномъ участіи: здѣсь же зародилась, еще раньше этого, мысль объ объявленіи новаго самозванца—царевича Петра, роль котораго бы-

ла возложена на казака Илейку; сюда же, въ концѣ смутнаго времени, укрылись и здѣсь нашли себѣ поддержку Марина и Заруцкій съ новымъ претендентомъ—«маринкинымъ сынкомъ».

Понятно, что движеніе этой вольницы, [illegible]дившей свои смѣлые набѣги до самой Казани, не могло не отражаться на этомъ, недавно лишь закрѣпленномъ, краѣ.

Въ половинѣ 1606-го года, когда въ сѣверской землѣ разгоралось пламя мятежа, а въ Нижегородскомъ краѣ начиналось крестьянское и инородческое движеніе, въ предѣлахъ Казанскаго Поволжья разгуливалъ съ своими казаками Илейка, уже «объявившій» себя въ ту пору царевичемъ Петромъ. По его собственному показанію—незаконный сынъ жены Муромскаго торговаго человѣка Тихона Юрьева, а по словамъ Авраамія Палицына—бывшій холопъ свіяжскаго стрѣлецкаго головы Григорія Елагина, этотъ Илейка былъ хорошо знакомъ съ Поволжьемъ и его важнѣйшими пунктами. Какъ онъ это впослѣдствіи самъ показывалъ на

допросѣ, который былъ произведенъ ему въ Москвѣ, послѣ сдачи царю Василію Тулы,—когда Лже-Петръ былъ захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ кн. Шаховскимъ и Болотниковымъ, *) —Илейка не мало погулялъ на Волгѣ. Не разъ хаживалъ онъ по этой рѣкѣ въ качествѣ наемнаго бурлака; живалъ онъ при этомъ и въ Нижнемъ, и на Вяткѣ, прожилъ недѣль съ десять и въ Казани—«въ Ярославскомъ концѣ, на посадѣ, у посадскаго человѣка Ивашки Волоченина». Объявивъ себя царевичемъ Петромъ, Илейка собралъ вокругъ себя до четырехъ тысячъ вольницы и началъ свою дѣятельность отчаянными грабежами по Волгѣ, нагнавшими ужасъ на торговыхъ людей. Погулявъ вдосталь на низовьи, Илейка поплылъ въ стругахъ вверхъ по Волгѣ, сказывая, что ѣдетъ на Москву, къ дядѣ своему царю Дмитрію (это было еще до воцаренія Шуйскаго). Плаваніе ознаменовалось новыми разгромами: казаки грабили все

*) Актъ этого допроса см. А. Арх. эксп., II, № 81, (II).

по пути между Астраханью и Казанью; добычу ихъ, захваченную на этомъ пути, оцѣнивали въ громадную для того времени сумму въ 300 тыс. рублей. Доплылъ Лже-Петръ съ своею флотиліею до Свіяжска. Здѣсь, верстахъ въ десяти выше этого города, подъ Вязовыми горами, попался имъ плывшій изъ Кокшайска стрѣлецкій голова; отъ него узнали они, что на Москвѣ царь, названный современниками «растригою» —умерщвленъ. Тогда Илейка счелъ за самое благоразумное ретироваться обратно на волжское низовье и здѣсь выжидать дальнѣйшихъ событій. Это обратное плаваніе было далеко не бѣгствомъ: по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, прежде нежели добраться до Царицына, казаки по пути разорили не мало городковъ и поселеній; по свидѣтельству такъ называемаго Столяровскаго хронографа, они во время этой путины грабили и побивали всѣхъ царскихъ служилыхъ людей, а по словамъ иностранца Маржерета, успѣли взять и разграбить три волжскія крѣпости (Самара, Саратовъ и Царицынъ?), за-

хвативъ въ нихъ орудія и снаряды.

Всѣ эти смуты на Волгѣ, поднятыя во имя «царя Дмитрія» самозванцемъ, принявшимъ на себя имя его племянника, не могли, конечно, содѣйствовать спокойствію и тишинѣ въ предѣлахъ Казанскаго края, подготовляя здѣсь то шатаніе умовъ, которое является характерною особенностью событій смутнаго времени. Въ Казани власти считали Лже-Петра лицомъ, повидимому, весьма опаснымъ. Поворачивая отъ Вязовыхъ горъ обратно внизъ по Волгѣ, Илейка и товарищи его не на шутку призадумались: Казань—городъ крѣпкій; пропустятъ-ли ихъ воеводы мимо города теперь, когда Илейку уже перестало прикрывать имя его названнаго дяди, царя Дмитрія, и когда Казань уже присягнула новому царю Василію? Рѣшили прибѣгнуть къ хитрости: къ казанскимъ воеводамъ послали депутацію, которая должна была объявить имъ, что казаки пріѣхали принести свои вины, выдаютъ «вора Петрушку» и хотятъ цѣловать крестъ царю Василію. Воспользовавшись этими переговорами, кото-

рые обманули бдительность царскихъ воеводъ, Илейка и казаки, воспользовавшись ночною темнотою, тайно проскользнули мимо Казани подъ прикрытіемъ горъ правой стороны Волги и, такимъ образомъ, прошли опасный для нихъ пунктъ *).

Въ самомъ началѣ смутнаго времени къ мятежу, какъ мы знаемъ, пристала Астрахань. Хотя Ѳ. И. Шереметевъ, послѣ неудачной попытки овладѣть городомъ, и расположился укрѣпленнымъ лагеремъ на островѣ Бальчикѣ, очевидно съ цѣлью изолировать возставшій городъ, отрѣзавъ его отъ Поволжья, но эта мѣра не могла обезпечить спокойствія средняго Поволжья, такъ какъ отрѣзывала отъ него только возстав-

---

*) Свидѣтельство Столяр. хронографа (см. у Карамзина въ „Ист. Го. Рос. т. XII стр. 51 и прим. 94). См. также: Карамзина „Ист. Го. Рос.“, т. XI, стр. 239, Никоновская лѣт. VII, стр. 79—80, „Сказаніе соврем. о Дмитріи Сам“. I, 301 стр., Арх. Эксп. II, № 81.

Вскорѣ послѣ этого Лже-Петръ уже появляется въ Сѣверской землѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, присоединяется къ кн. Шаховскому и Болотникову, объявивъ себя посланцемъ своего дяди, царя Дмитрія

шій городъ, но не край, а послѣ того какъ Шереметевъ двинулся въ началѣ осени 1608-го года съ ратью къ Москвѣ—Казанскій край снова всталъ въ непосредственное общеніе съ безпокойнымъ Понизовьемъ, во всякомъ случаѣ болѣе тяготѣя къ нему, нежели къ Москвѣ, отъ которой онъ былъ въ это время совершенно отрѣзанъ, около года не получая, какъ мы видѣли, даже никакихъ извѣстій о «московскомъ государствѣ».

Совершенно исключительнымъ является роль Казанскаго края въ событіяхъ смутнаго времени и съ точки зрѣнія его этнографическаго состава. Край былъ покоренъ всего лишь за 54 года до того, но закрѣпленіе его за Московскимъ государствомъ далеко не было еще прочнымъ. Колонизаціонная дѣятельность русскаго населенія коснулась лишь городовъ и непосредственно примыкающихъ къ нимъ земель; громадныя пространства этого края, далеко раскинувшіяся по теченію рѣкъ Волги, Камы и ихъ притоковъ и сплошь населенныя инородческими племенами,

поддерживали лишь чисто внѣшнюю связь съ своею метрополіею—Казанью. Извѣстно, какую ожесточенную борьбу за свою независимость вели эти племена въ первые пять лѣтъ послѣ покоренія Казани *); на время подавленные энергичными репрессаліями со стороны царскихъ воеводъ, эти мятежи, подстрекаемые крымскимъ ханомъ и ногайцами, съ новою силою вспыхнули лѣтомъ 1582-го года, и потребовавъ большихъ усилій отъ московскаго правительства, были усмирены лишь въ 1584-мъ году **). Современныя хроники не оставили намъ свидѣтельствъ о болѣе частичныхъ фактахъ возстанія инородцевъ, рядъ которыхъ не прекращался, конечно, въ теченіе всей второй половины XVI-го вѣка, проходитъ, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, черезъ всю эпоху смутнаго времени и находитъ себѣ отголосокъ даже въ послѣдующія времена.

---

*) См. рядъ нашихъ статей: „Казанскіе мятежи въ первые пять лѣтъ по покоренія Казани русской державѣ“, печатающихся въ газетѣ „Казанскія Вѣсти“ (№№ 61 и слѣд.).

**) См. у Карамзина въ „Ист. гос. Росс., т. IX, стр. 416 и X, стр. 21 (изд. 152 года).

Благодаря такому этнографическому составу населенія края, казанскимъ начальнымъ людямъ не оставалось ничего болѣе, какъ быть пассивными свидѣтелями событій смутнаго времени. Если воеводы другихъ городовъ являются активными дѣятелями этихъ событій, если нижегородскій воевода Алябьевъ, напримѣръ, переходитъ въ концѣ 1608-го года въ наступленіе и очищаетъ ввѣренный ему край отъ мятежа—то казанскимъ воеводамъ по неволѣ приходилось занимать лишь оборонительное положеніе. заботясь только о томъ, что бы удержать за собою самый городъ и принимая развѣ чисто палліативныя мѣры борьбы съ охватившимъ край инородческимъ мятежемъ. Дѣйствительно, казанскимъ воеводамъ не оставалось ничего болѣе, какъ «отсиживаться» въ самомъ городѣ Казани: въ краѣ не было русской земщины, на которую они могли бы, такъ или иначе, опереться, или руководя ею—какъ это дѣлали одни воеводы, или слѣдуя за ея теченіемъ—какъ это дѣлали другіе воеводы. Ихъ окружало враж-

дебное русскому элементу населеніе, которое мало интересовалось московскою политикою и перипетіями связанныхъ съ нею смутъ, но для котораго эти смуты служили только лозунгомъ къ мятежамъ противъ русскаго владычества вообще. Понятно что, при такихъ условіяхъ, казанскіе воеводы не могли оказывать помощи сосѣднимъ областямъ, объятымъ мятежемъ; такъ, напримѣръ, въ январѣ 1610-го года, когда вятчане просили у Казани подмоги противъ мятежниковъ, занявшихъ Яранскъ, казанцы вынуждены были отказать имъ въ помощи, ссылаясь на то, что у нихъ самихъ смуты въ Свіяжскѣ и Тетюшахъ, гдѣ возстали инородцы *).

Третья причина, содѣйствовавшая шаткости Казанскаго края въ событіяхъ смутнаго времени, сводится, какъ мы сказали, къ условіямъ современной администраціи этого края. Во главѣ управленія Казанскимъ краемъ стояли во второй половинѣ 1606 года двое воеводъ—окольничій Василій

*) А. Арх. Эксп. II, № 157.

Петровичъ Морозовъ и бояринъ Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій *). Неизвѣстно, кто составлялъ при нихъ остальной персоналъ воеводскаго управленія; въ апрѣлѣ 1609 года при тѣхъ же воеводахъ упоминаются дьяки Никаноръ Шульгинъ и Степанъ Дичковъ **). Въ этомъ составѣ,—т. е. въ составѣ двухъ воеводъ, В. П. Морозова и Б. Я. Бѣльскаго, и двухъ дьяковъ, Н. Шульгина и С. Дичкова,—казанское воеводское управленіе непрерывно остается до начала 1611-го года.

Уже въ личностяхъ обоихъ воеводъ коренилась причина того отсутствія единомыслія въ дѣятельности ихъ, которое дало себя почувствовать въ событіяхъ послѣдующаго времени. Дѣйствительно, взаимныя соотношенія обоихъ казанскихъ воеводъ не могли назваться нормальными,—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія служебныхъ традицій Московскаго государства.

---

*) См. свидѣтельство Стоярр. хронографа въ прим. 94-мъ къ т. XII-му „Ист. Гос. Росс." Карамзина.

**) А. Арх. Эксп. II, № 114.

Василій Петровичъ Морозовъ—былъ человѣкъ, сравнительно, молодой. Въ 1598 году онъ подписался подъ утвержденною грамотою объ избраніи на престолъ Бориса Годунова еще весьма незавиднымъ чиномъ простого московскаго дворянина. Въ 1606 году мы видимъ его уже Казанскимъ воеводою; этотъ значительный постъ получилъ онъ не будучи даже бояриномъ: только въ 1608 году сказанъ былъ В. П. Морозовъ въ бояре. Благополучно и не безъ выгоды для себя обойдя всѣ случайности царствованій Годуновыхъ, такъ называемаго Лжедмитрія и Шуйскаго —тотъ же Морозовъ не поколебался, будучи еще Казанскимъ воеводою, цѣловать въ началѣ января 1611 года крестъ Тушинскому вору. Въ лицѣ В. П. Морозова мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ однимъ изъ тѣхъ случайныхъ людей, осторожная расчетливость и двоедушіе которыхъ дало имъ возможность съ выгодою для себя воспользоваться тяжелыми событіями смутнаго времени. Не пропалъ боринъ Морозовъ и съ воцареніемъ родоначальника новой цар-

ской династіи. Въ 1615 году мы видимъ его Псковскимъ воеводою, въ 1627 и 1628 годахъ—снова Казанскимъ воеводою, въ 1631 году—старшимъ судьею Володимірскаго Суднаго Приказа, въ каковой должности онъ и умеръ *).

Личностью совершенно иного рода представляется другой казанскій воевода—Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Любимецъ Іоанна IV, человѣкъ, вышедшій изъ суровой школы Грознаго царя, воспитатель и, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые источники, крестный отецъ безвременно погибшаго царевича Дмитрія—Бѣльскій увидѣлъ свою звѣзду закатившеюся со смертью Іоанна, послѣдовавшею на его глазахъ **). Съ этого момента начинаются для Бѣльскаго жизненныя невзгоды. При воцареніи Ѳеодора Ивановича московская чернь, возбужденная сторонниками новаго царя, требовала выдачи ей

*) А. Арх. Эксп., II, № 7, стр. 43; Раб. Кн., I, 62, 1356, II, 84, 368.

**) Извѣстно, что царь Іоаннъ скончался во время игры въ шахматы съ Б. Я. Бѣльскимъ.

Бѣльскаго, какъ приверженца царевича Дмитрія и Нагихъ; только ссылка Бѣльскаго на воеводство въ Нижній спасла его отъ народной расправы. Борисъ Годуновъ, сдѣлавшись царемъ, также преслѣдуетъ Бѣльскаго, какъ сторонника Димитрія и Нагихъ; по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, царь Борисъ, заподозрѣвъ Бѣльскаго въ крамолѣ, выслалъ его изъ Москвы, предварительно повелѣвъ его «позорити многими позоры»; иностранецъ К. Буссовъ свидѣтельствуетъ, что Борисъ приказалъ вырвать у Бѣльскаго бороду, послѣ чего онъ былъ сосланъ въ сибирскіе города. Борисъ палъ; московскій престолъ заняло таинственное лицо, назвавшее себя спасеннымъ царевичемъ Димитріемъ. Богданъ Бѣльскій открыто призналъ въ немъ сына Грознаго: «Берегите и чтите своего государя!»—сказалъ онъ съ лобнаго мѣста народу, снявъ съ своей груди крестъ и поцѣловавъ его въ удостовѣреніе дѣйствительности новаго царя. Бѣльскій былъ въ милости у царя Димитрія и при немъ сказанъ въ боярство. Но непродолжительно было

это случайное царствованіе: воцарился на Москвѣ князь Василій Шуйскій. Не рѣшаясь поступить слишкомъ круто съ приверженцами только что низложеннаго и умерщвленнаго царя, Шуйскій счелъ, однако необходимымъ удалить ихъ изъ Москвы, устроивъ имъ почетныя ссылки. Въ это то время были высланы на воеводства: князь Шаховской—въ Путивль, князь Хворостининъ—въ Астрахань, Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій—въ Казань. Мы знаемъ, что первые двое воеводъ измѣнили Шуйскому въ самомъ началѣ смуты, а кн. Шаховской былъ даже ея зачинщикомъ. Бѣльскій, цѣловавъ крестъ Шуйскому, оставался, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣренъ и памяти Димитрія: мы впослѣдствіе увидимъ, что онъ былъ въ началѣ 1611 года умерщвленъ въ Казани за то, что, послѣ сверженія Шуйскаго, отказался цѣловать крестъ Тушинскому вору.

Богданъ Бѣльскій, не смотря на свое боярство, видное прошлое и почтенные годы, былъ въ Казани лишь вторымъ воеводою; первымъ воеводою былъ молодой карьеристъ Василій

Морозовъ, который во всѣхъ отпискахъ того времени писался выше старика Бѣльскаго. Понятно, что Бѣльскій долженъ былъ чувствовать себя въ Казани униженнымъ, оскорбленнымъ и, ненавидя въ душѣ временщика—Шуйскаго, не могъ находиться въ ладахъ и съ «засѣвшимъ» его товарищемъ по воеводству. Морозовъ же, какъ позволяютъ намъ судить о томъ послѣдующія казанскія событія, былъ лишь орудіемъ въ рукахъ своихъ дьяковъ, въ особенности же хитраго и пронырливаго дьяка Никанора Шульгина.

Врядъ ли могло существовать единомысліе и «совѣтъ» въ такомъ составѣ воеводскаго управленія. Мы видѣли, напримѣръ, какъ казанскіе воеводы лѣтомъ 1606-го года упустили изъ рукъ самозванца Илейку, выказавъ при этомъ случаѣ непростительную небрежность. Очевидно, что и въ Москвѣ не особенно то довѣряли казанскимъ воеводамъ; такъ, въ декабрѣ 1606 года патріархъ Гермогенъ объявляетъ царское прощеніе мятежнымъ свіяжцамъ черезъ казанскаго митрополита Ефрема

и ему же поручаетъ «оберегать» Казань отъ смуты: воеводы казанскіе совершенно игнорируются въ этой грамотѣ,—ихъ здѣсь какъ бы вовсе и не существуетъ.

Таковы были довольно таки исключительныя условія, въ которыхъ находился Казанскій край въ эпоху великаго смутнаго времени.

Смута не замедлила вспыхнуть въ Казанскомъ краѣ, который уже къ началу осени 1606-го года очутился, какъ мы видѣли, окруженнымъ мятежемъ.

Болѣе нежели вѣроятно, что отдѣльныя вспышки движенія могли проявиться въ казанскихъ инородческихъ волостяхъ одновременно съ инородческимъ движеніемъ въ сосѣднихъ нижегородскихъ предѣлахъ. Объ нихъ не дошло до насъ историческихъ указаній. Первый серьезный взрывъ смуты, не на шутку всполошившій Москву, обнаружился въ городѣ Свіяжскѣ, осенью 1606-го года.

Это былъ уже не одинъ изъ тѣхъ активныхъ протестовъ туземнаго населенія противъ русскаго владычества, которыми такъ богата начальная

исторія русскаго господства въ Казанскомъ краѣ и которые не прекращались здѣсь во все время смутнаго времени. Это было движеніе болѣе серьезное—движеніе русскихъ служилыхъ людей, примкнувшихъ къ имени царя Димитрія. Прикосновенными къ этому движенію оказались: свіяжскіе дворяне и дѣти боярскіе, мѣстный стрѣлецкій голова съ стрѣлецкими начальными людьми и рядовыми стрѣльцами, а также представители земскихъ классовъ—торговые и черные (податные) люди.

Смута вызвана была извнѣ. Явились въ Свіяжскій городъ какіе то «воры и богоотступники»,—надо полагать, эмиссары Шаховскаго и Болотникова, изъ числа посланныхъ волновать Поволжье,—и стали, по словамъ современнаго памятника, разливать «звѣрохищный ядъ» свой, прельщая свіяжцевъ именемъ воскресшаго царя Димитрія. Привезена была и крестоцѣловальная запись на вѣрность царю Димитрію Ивановичу. Не устояли свіяжане противъ «звѣрохищнаго яда», поддались соблазну: измѣнили Шуйскому и цѣловали

крестъ по этой «воровской» записи. Мы не имѣемъ указаній на то, что бы казанскіе воеводы предприняли какія либо мѣры борьбы съ свіяжскою смутою; борьбу эту взяла на себя мѣстная духовная власть—въ лицѣ казанскаго митрополита Ефрема. Митрополитъ Ефремъ прибѣгнулъ къ средству, которое не разъ практиковалось въ аналогичныхъ случаяхъ русскими церковными іерархами: онъ предписалъ свіяжскому духовенству «запрещати» прельстившихся свіяжанъ, а отцамъ духовнымъ «приношенія къ церквамъ Божіимъ у нихъ не пріимати», т. е.—подвергнулъ ихъ церковному отлученію. Эта суровая мѣра возъимѣла свое обычное дѣйствіе: свіяжане, узнавъ что они «омрачились прелестью», били челомъ о прощеніи ихъ царю Василію Ивановичу и патріарху Гермогену. Отвѣтъ на эту повинную послѣдовалъ черезъ патріарха, на имя казанскаго митрополита Ефрема:

«Великій Государь,—пишетъ въ Казань Гермогенъ,—по своему царскому милостивому обычаю и по нашему прошенію, отдалъ имъ, свія-

жанамъ, вины ихъ; да и мы, продолжаетъ патріархъ, полагаясь на щедроты Божіи, соборне прощаемъ и разрѣшаемъ ихъ». Одобривъ затѣмъ церковную кару, наложенную на Свіяжскъ казанскимъ святителемъ съ цѣлью спасти его отъ «губительнаго волка» и отъ «прелести вражіей»,—патріархъ предписываетъ митрополиту Ефрему разрѣшить свіяжанъ отъ наложеннаго на нихъ церковнаго запрещенія.

Патріархъ Гермогенъ хорошо зналъ всѣ казанскія отношенія. Въ Казани, въ званіи простого приходскаго попа, началъ онъ свою духовную дѣятельность; семьнадцать лѣтъ занималъ онъ затѣмъ здѣсь же митрополичью каѳедру и только 11 апрѣля 1606-го г., всего за нѣсколько мѣсяцевъ до описываемыхъ событій, переведенъ былъ на всероссійскій патріаршій престолъ. Патріархъ, видимо, не особенно то крѣпко вѣрилъ въ устойчивость Казани, а еще менѣе разсчитывалъ на нравственное вліяніе казанскаго духовенства:

«А тебѣ бы,—пишетъ онъ митрополиту Ефрему,—оберегать накрѣпко

въ Казани отъ смуты, чтобы люди Божіи не погибали душою и тѣломъ. Да накрѣпко смотрѣть бы тебѣ за попами, чтобы въ нихъ воровства не было». Особенно бдительный надзоръ рекомендуется митрополиту за тремя казанскими попами: Софійскимъ, Покровскимъ и Ирининскимъ. Очевидно, что бывшій казанскій іерархъ лично зналъ этихъ трехъ поповъ не съ особенно то хорошей стороны: «Только они, грозитъ Гермогенъ, не перемѣнятъ своихъ обычаевъ—и имъ въ попахъ не быть»... *)

Источники упорно молчатъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Казанскомъ краѣ въ теченіе 1607-го и почти всего 1608-го года. Все вниманіе лѣтописей обращено за это время на событія, совершившіяся близъ Москвы и въ зарѣчныхъ городахъ, гдѣ вершились судьбы безвременнаго царствованія Шуйскаго. Изъ Москвы принимались, тѣмъ не менѣе, мѣры,—правда довольно таки палліативныя,—къ удержанію въ крѣпости Шуйскому приволжскаго сѣ-

*) Акты Арх. Эксп. II, № 61.

веро-востока. Эти мѣры сводятся къ разсылкѣ изъ Москвы увѣщательныхъ грамотъ, въ которыхъ дѣлались воззванія къ вѣрноподданическимъ чувствамъ населенія; иногда допускались въ этихъ грамотахъ, съ цѣлью подъема духа въ отдаленныхъ областяхъ, даже такого рода утѣшительныя вѣсти, которыя далеко не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію вещей: даже въ самыя критическіе для царя Василія моменты борьбы, когда мятежъ охватывалъ столицу желѣзнымъ кольцомъ, а Тушинскій воръ свободно хозяйничалъ подъ Москвою, создавъ въ Тушинѣ вторую подвижную столицу, изъ Москвы ухитрялись посылать въ области грамоты о томъ, что «на Москвѣ, далъ Богъ, все здорово», что въ людяхъ «никакой шаткости нѣтъ», что люди Шуйскаго «повсюду побиваютъ воровъ» и приводятъ города въ покорность. Трудно, впрочемъ, допустить, чтобы въ городахъ, хотя бы и отдаленныхъ отъ Москвы, давали вѣру грамотамъ подобнаго рода.

Еще въ ноябрѣ 1606-го года разосланы были патріархомъ Гермоге-

номъ по всѣмъ епархіямъ окружныя грамоты, въ которыхъ подробно и въ витіеватой формѣ излагались всѣ обстоятельства «неудобосказуемой напасти», постигшей Московское государство, сообщалось «о плевелахъ», поднявшихся для поглощенія «пшениценосныхъ классовъ», о «воровскихъ листахъ», разсылаемыхъ мятежниками по городамъ и, въ концѣ концовъ, предписывается пѣть соборнѣ по епархіямъ молебны о здравіи царя Василія, о «тишинѣ и соединеньи» земли, всенародно читая при этомъ самыя грамоты. Копіи съ окружныхъ патріаршихъ грамотъ велѣно разсылать по всѣмъ городамъ и монастырямъ епархіи; эти копіи должно читать здѣсь народу «не по одинъ день», дабы всѣмъ православнымъ христіанамъ были вѣдомы «оныхъ злыхъ еретиковъ и грабителей злая прелесть и явное бѣсоставное умышленіе, и къ таковымъ бы злымъ врагамъ не приставали, ни въ чемъ имъ не вѣрили и ихъ бы никакъ не устрашалися» *).

*) Акты Арх. Экси. II, №№ 57, 58.

Въ маѣ 1607 года боарину Ѳ. И. Шереметеву удалось привести въ покорность Астрахань. Изъ Москвы, немедленно по полученіи извѣстія о томъ, разсылаются во всѣ русскія города окружныя грамоты, въ которыхъ сообщается о томъ, что «астраханскіе и терскіе измѣнники, воры и богоотступники, узнавъ свои воровскія затѣйныя вины, добили челомъ и крестъ цѣловали»; мѣстнымъ воеводамъ предписывается извѣстить объ этомъ населеніе, приглашая его молиться Богу «о великихъ чудесахъ Божіихъ» и о «царскомъ многолѣтнемъ здравіи». Приказывается, при этомъ, сообщать населенію, что царь Василій Ивановичъ лично выступаетъ въ походъ противъ «послѣднихъ» враговъ своихъ: любопытно, что эти грамоты о походѣ Шуйскаго на «послѣднихъ» враговъ разосланы были вслѣдъ за пораженіемъ войскъ Шуйскаго на Пчелнѣ, когда 15 тысячъ московскихъ ратныхъ людей передались мятежникамъ. Понятно, что населеніе далекаго сѣверо-востока не могло особенно довѣрчиво относиться къ извѣстіямъ о подобнаго ро-

да «великихъ чудесахъ», тѣмъ болѣе, что, вслѣдъ за тѣмъ, въ тѣхъ же грамотахъ требовалась новая и немедленная высылка къ Москвѣ денегъ или ратныхъ людей *). Изъ пермскихъ событій 1606 года намъ уже извѣстно, насколько охотно шли къ Москвѣ эти, вытребованные изъ областей, ратные люди.

* *
*

Не смотря на завѣренія правительства царя Василія о томъ, что астраханскія и терскія смуты—окончательно подавлены, край этотъ продолжалъ оставаться, очевидно, въ состояніи полнаго броженія. Бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ не уходилъ изъ подъ Астрахани до самой осени 1608 года. Есть основаніе утверждать, что, послѣ временной покорности Шуйскому Астрахани (если только такая покорность весною 1607 года дѣйствительно имѣла мѣсто), городъ этотъ вскорѣ снова отложил-

*) Собр. Госуд. Гр. и До. II, № 153 А. А. Э. II, № 72.

ся отъ него: въ началѣ осени 1608 года, вызванный на сѣверъ, бояринъ Шереметевъ, по словамъ Никоновской лѣтописи, получаетъ приказаніе идти не изъ Астрахани, а «съ Бальчика»; ясно, что онъ не находился въ самомъ городѣ, но все еще осаждалъ его, что заставляетъ отнестись нѣсколько скептически къ сообщенію цитированной выше окружной грамоты о совершенной покорности Астрахани въ маѣ 1607 года. Мы имѣемъ, наконецъ, извѣстіе, что въ концѣ лѣта 1608 года измѣнившій Шуйскому астраханскій воевода преспокойнымъ образомъ сидѣлъ въ Астрахани, откуда убѣждаетъ нагайскихъ мурзъ держаться Самозванца и не сноситься въ бояриномъ Θ. И. Шереметевымъ *).

Конецъ 1607 года оказался для царя Василія довольно благопріятнымъ. Не смотря на появленіе въ Стародубѣ Самозванца, придавшее возстанію новую силу, на долю Шуйскаго выпалъ весьма крупный успѣхъ, которымъ царскіе воеводы не съу-

*) Собр. Гос. Гр. и От. II, № 155

мѣли, однако же, воспользоваться: въ октябрѣ мѣсяцѣ взята была Тула, одинъ изъ крупныхъ центровъ мятежа, причемъ захвачены были главнѣйшіе вожаки смуты — князь Шаховской, Болотниковъ и Лже-Петръ. Царь Василій въѣхалъ 21 октября въ свою столицу настоящимъ тріумфаторомъ, между тѣмъ какъ Лжедмитрій расположился на зимовку въ Орлѣ, со всѣхъ сторонъ сосредоточивая вокругъ себя русскихъ людей, поляковъ и казаковъ.

Ослѣпленный временнымъ успѣхомъ, Шуйскій безпечно торжествовалъ побѣду и въ январѣ 1608 года справлялъ свою свадьбу съ молодою княжною Маріею Буйносовою-Ростовскою. Но не долго наслаждался престарѣлый царь спокойствіемъ и ласками молодой царицы. Уже раннею весною Самозванецъ двинулся со всѣми своими силами къ Москвѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ—онъ на голову разбилъ московскаго воеводу князя Дмитрія Шуйскаго, а въ началѣ іюня уже расположился станомъ подъ самою Москвою, при селѣ Тушинѣ. Бѣда за бѣдой посыпались на голову царя

Василія, осажденнаго въ своей собственной столицѣ. Въ сентябрѣ совершился, имѣвшій огромное нравственное вліяніе, въѣздъ въ Тушино Марины Мнишекъ, признавшей въ Самозванцѣ своего мужа; явился служить Тушинскому вору польскій гетманъ Сапѣга; въ томъ же мѣсяцѣ измѣнилъ Шуйскому Псковъ и была обложена поляками Троицко-Сергіева Лавра...

Положеніе Шуйскаго сдѣлалось критическимъ, тѣмъ болѣе, что, съ обложеніемъ Лавры, мятежъ сталъ перебрасываться и за Москву, въ предѣлы верхняго Поволжья. Само собою разумѣется, что царю Василію стало теперь не до далекой Астрахани, подъ которою находилась сильная понизовая рать, подъ предводительствомъ опытнаго воеводы боярина Ѳ. И. Шереметева; дѣло шло теперь о спасеніи средняго и верхняго Поволжья, а затѣмъ и самой столицы. Въ началѣ осени 1608-го года боярину Шереметеву предписано снять блокаду Астрахани и двинуться со всею ратью вверхъ по Волгѣ, постепенно направляясь къ Москвѣ.

Боярин Ѳ. И. Шереметевъ выступилъ въ походъ изъ подъ Астрахани въ августѣ или въ началѣ сентября 1608-го года. Вслѣдъ за этимъ посланы были въ сѣверные и сѣверо-восточные города царскія грамоты, въ которыхъ духъ населенія старались укрѣпить извѣщеніемъ о движеніи къ сѣверу понизовой рати. Такъ, сообщая въ Устюжну Желѣзопольскую о приближеніи воеводы Шереметева, одна изъ такихъ грамотъ убѣждаетъ устюжанъ не передаваться Самозванцу, выслать къ Ярославлю ополченіе и постараться войти въ сношенія съ надвигающеюся съ юга понизовою ратью: «А будетъ вѣдомо вамъ про боярина нашего и воеводу про Ѳедора Ивановича Шереметева—и вы бъ къ нему встрѣчу кого послали, что бъ ему съ вами жъ вмѣстѣ сходиться и отъ себя бъ къ нему отписали, что бъ ему про васъ было вѣдомо» *).

Не легокъ былъ походъ боярина Шереметева. Ему приходилось пройти все нижнее Поволжье, пробивая

*) Собр. Гос. Гр. и Дог. II., № 167.

себѣ путь оружіемъ и приводя къ покорности отпавшіе отъ Москвы области и города. Въ царской похвальной грамотѣ, пожалованной весною 1609-го года рати боярина Шереметева, высказывается, что полки этого воеводы, будучи въ Царицынѣ, въ понизовыхъ городахъ и, наконецъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, «великую нужу и страсти терпѣли», укрѣпили за Москвою и отклонили отъ воровства многія мѣста, снова учинивъ въ вѣрности царю Василію, своею службою, поволжскіе города. «И мы за то,—обѣщаетъ царская грамота,—пожалуемъ васъ своимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ, честьми и позышеньемъ и неоскуднымъ подаяньемъ» *) По мѣрѣ приближенія къ Казани, рать Шереметева постепенно усиливалась ополченіями отъ приведенныхъ имъ въ покорность понизовыхъ мѣстъ; здѣсь находились и русскіе ратные люди, и черемисы, и чуваши, и мордва, и башкирцы **).

*) Акты Ист. II, № 227.

**) А. Барсуковъ: Родъ Шереметевыхъ, II, стр. 160.

Отмѣтимъ одну небезъинтересную подробность похода боярина Шереметева: это былъ не только ратный походъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и колоссальное погребальное шествіе. Дѣло въ томъ, что воевода везъ съ собою изъ Царицына въ Казань тѣло астраханскаго архіепископа Ѳеодосія. Этотъ архипастырь въ 1607-мъ году скончался въ Царицынѣ, на возвратномъ пути изъ Москвы, гдѣ онъ принималъ участіе въ торжествѣ перенесенія изъ Углича мощей царевича Димитрія; настала смута,—и тѣло умершаго владыки осталось въ Царицынѣ, пребывая здѣсь до осени 1608-го года непогребеннымъ, въ церкви. Астрахань была во власти сторонниковъ Тушинскаго вора, которые врядъ ли приняли бы съ честью прахъ Ѳеодосія; бояринъ Шереметевъ взялъ поэтому тѣло съ собою въ Казань, гдѣ оно и было погребено, съ подобающею честью, въ мѣстномъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ *).

*) Въ 1617-мъ году, по просьбѣ астраханцевъ, тѣло архіепископа было перенесено изъ Казани въ Астрахань. —См. „Родъ Ше-

Въ началѣ второй половины ноября мѣсяца рать боярина Ѳ. И. Шереметева достигла Казани; по крайней мѣрѣ 1-го декабря прибыла въ Нижній подмога, присланная Шереметевымъ уже изъ этого города. Такимъ образомъ, приблизительно въ $2^1/_2$ мѣсяца, полки боярина Шереметева прошли разстояніе почти въ $1^1/_2$ тысячи верстъ, отдѣляющее Казань отъ Астрахани,—маршъ весьма быстрый, почти форсированный, если принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ онъ совершался.

Появленіе въ Казанскомъ краѣ къ концу 1608-го года понизовой рати боярина Ѳ. И. Шереметева было, по условіямъ времени и обстоятельствъ, какъ нельзя болѣе кстати.

Осенью этого года, съ обложеніемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ Троице-Сергіевой лавры, смута быстро охватила собою верхнее Поволжье и сѣверные города. Въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ на сторону Самозванца стали: Ярославль, Кострома, Тверь съ при-

---

реметевыхъ", II, стр. 160—161 и примѣч. 245.

городами, Владиміръ, Шуя, Суздаль, Угличъ, Балахна, Переяславль, Ростовъ, Галичъ, Устюгъ, Вологда, Тотьма и цѣлый рядъ мелкихъ городковъ верхняго Поволжья. Это былъ, такъ сказать—первый рѣшительный налётъ смуты въ Поволжье. Были попытки склонить на сторону Самозванца и Нижній-Новгородъ; въ концѣ ноября были присланы сюда изъ Балахны, по указу «царя Дмитрія Ивановича», игуменъ Тихоновой пустыни Іона и москвитинъ Третьякъ Клепиковъ, съ тѣмъ, чтобы объявить нижегородцамъ «царское милосердое жаловальное слово» и убѣдить ихъ цѣловать крестъ царю Димитрію,—но нижегородскіе воеводы, служилые и земскіе люди отказались присягнуть самозванцу, заявивъ рѣшительно, что они «хотятъ за государево царево и великаго князя Василія Ивановича крестное цѣлованіе помереть» *).

Вѣрность Нижегородского края

*) Акты Ист. II, №№ 98—101, 104, 107; А. Арх. Эксп. II, №№ 89 и 90; Никон. Лѣт. 102-105.

была весьма существенна для Шуйскаго, такъ какъ она охраняла отъ вторженія смуты весь сѣверо-востокъ, Пріуралье и Сибирь. Правда, здѣсь имѣли мѣсто частичныя движенія, но весь востокъ могъ быть гарантированъ отъ массового мятежа до тѣхъ поръ, пока держались Нижній и Казань. Трудно было Нижнему держаться собственными силами противъ мятежа, уже охватившаго все верхнее теченіе Волги, тѣмъ болѣе, что приходилось считаться и съ инородческимъ движеніемъ, не прекращавшимся въ самыхъ нижегородскихъ предѣлахъ. Нижегородскіе воеводы князь А. А. Репнинъ и А. С. Алябьевъ запросили помощи у Казани, куда уже прибылъ къ этому времени съ своею ратью боярин Ѳ. И. Шереметевъ. Шереметевъ отправилъ въ Нижній подкрѣпленіе, которое и прибыло сюда къ 1-му декабря, послѣ чего воевода Андрей Семеновичъ Алябьевъ перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ. Дѣйствія эти были весьма успѣшны. Алябьевъ на-голову разбилъ «воровъ»

подъ Балахною, захвативъ много плѣнныхъ и трофеевъ («нарядъ, знамена и набаты»), и привелъ Балахну въ покорность Шуйскому; 5-го декабря онъ отбиваетъ приступъ къ Нижнему русскихъ и инородческихъ воровскихъ людей, разсѣявъ ихъ съ громаднымъ урономъ; 10-го числа, снова перейдя въ наступленіе, Алябьевъ разбиваетъ непріятеля подъ селомъ Ворсмою, предавъ это послѣднее огню, а на слѣдующій день, при селѣ Павловѣ, разсѣеваетъ скопища мятежниковъ, состоявшія изъ литовцевъ, мордвы, бортниковъ, стрѣльцовъ и подымныхъ людей *)

Прибытіе въ Казань Ѳ. И. Шереметьева и успѣхи А. С. Алябьева не замедлили отразиться на ходѣ событій: съ конца ноября въ верхнемъ Поволжьи и въ сѣверныхъ городахъ начинается реакція въ пользу царя Василія. На сторону Москвы передаются Устюгъ, Вологда, Вычегда, Тотьма, Галичъ, Лухъ; Кострома приноситъ царю Василію повинную, вмѣстѣ съ своими пригородами; въ

*) Акты Ист. II. № 113.

Ярославлѣ перехватываютъ воровскихъ людей и избиваютъ рать Лисовскаго; къ соглашенію сѣверныхъ городовъ стоять за Шуйскаго примыкаетъ и Пермь Великая... Всѣ эти города собираютъ ополченія, сборнымъ пунктомъ которыхъ назначаются Кострома и Ярославль, гдѣ эти ополченія должны были соединиться съ нижегородскою силою и съ низовою ратью боярина Шереметева *).

Въ Москвѣ ожидали, что, прибывъ въ Казань, воевода Ѳ. И. Шереметевъ тотчасъ же двинется на выручку столицы. Ожиданіямъ этимъ не суждено было исполниться: бояринъ Шереметевъ замѣшкался въ Казани до самой весны 1609 года.

Это промедленіе было вызвано какъ новымъ, роковымъ для царя Василія, оборотомъ дѣлъ въ верхнемъ Поволжьи, такъ и смутами въ предѣлахъ собственно Казанскаго края. Само собою разумѣется, что для осторожнаго воеводы представлялось

*) Акты Арх. Экси II, №№ 91, 93, 94, 104; Акты Ист. II, № 115.

рискованнымъ спѣшить къ Москвѣ, оставивъ у себя въ тылу обширный край, охваченный мятежнымъ движеніемъ противъ Шуйскаго.

Шереметевъ рѣшился перезимовать въ Казани.

Не долго продлилась реакція поволжскихъ городовъ въ пользу Шуйскаго, вызванная московскими увѣщательными грамотами и удачами нижегородскаго воеводы Алябьева, въ началѣ декабря 1608 года. Эта реакція, въ связи съ появленіемъ подъ Казанью низовой рати боярина Ѳ. И. Шереметева, грозила дѣлу Самозванца весьма серьезными осложненіями. Изъ Тушина отправленъ былъ для приведенія въ покорность передавшихся Шуйскому верхне-поволжскихъ городовъ князь Семенъ Вяземскій. Въ то же время и для этой же цѣли Сапѣга, осаждавшій въ ту пору Троицкую Сергіеву лавру, послалъ къ Ярославлю сильный отрядъ подъ начальствомъ Лисовскаго. Быстрымъ налетомъ приведены были въ покорность Тушинскому вору Ярославль, Кострома (28 декабря), Галичъ съ пригородами; въ концѣ декабря литовскіе люди, со-

единившись съ мятежными ярославцами, костромичами, пошехонцами и романовскими татарами, грозили Вологдѣ, Тотьмѣ и другимъ сѣвернымъ мѣстамъ*). Нижній Новгородъ устоялъ, впрочемъ, и на этотъ разъ; посланный изъ Тушина воевода, князь Семенъ Вяземскій, подкрѣпленный мордвою и черемисою, осадилъ Нижній Новгородъ,—но неудачно: 7 января нижегородцы сдѣлали вылазку, перебили много непріятеля, а самого князя Вяземскаго, захваченнаго въ плѣнъ, повѣсили.

Къ концу 1608 года дѣло Шуйскаго находилось въ самомъ печальномъ, въ самомъ безнадежномъ положеніи; по словамъ Никоновской лѣтописи, всѣ города Московскаго государства отступились отъ него: оставались ему вѣрными только Казань, Нижній Новгородъ, Великій Новгородъ, Переяславль Рязанскій, Коломна и города сибирскіе,—«а то всѣ прельстишася на дьявольскую прелесть» **).

---

*) А. А. Э. II, №№ 97, 98

**) Никон. Лѣт. VIII. стр. 109–110, 105; А. Ист. II, № 131. Это свидѣтельство

Казань и Нижній Новгородъ оказались въ положеніи весьма критическомъ, будучи къ началу 1609 года совершенно отрѣзанными отъ Москвы, вслѣдствіе измѣны городовъ Владиміра и Мурома. Въ половинѣ декабря 1608 года нижегородскіе воеводы укоряютъ муромцевъ за измѣну Москвѣ и уговариваютъ ихъ принести свои вины; при этомъ они пеняютъ имъ, что они перехватываютъ гонцовъ, ѣдущихъ изъ Москвы въ Казань и Нижній Новгородъ и обратно,—«и только вы,— грозятъ воеводы,—на истинный путь не обратитесь, и мы на васъ идти хотимъ съ великимъ собраньемъ, съ ратными людьми». Посланіе это не произвело того дѣйствія, на которое оно было расчитано: въ отвѣтъ на него муромскій воевода отписываетъ воеводѣ Сапѣгѣ, сообщая о разгромѣ кн. Вяземскаго подъ Нижнимъ и требуя подкрѣпленія. О томъ же проситъ Сапѣгу и владимірскій воевода Михаилъ Вельяминовъ, также ссылаясь

Никоновской Лѣтописи неточно: вѣрными Шуйскому оставались въ концѣ 1608 года и сѣверные города, съ Вологдою во главѣ.

на разгромъ Вяземскаго подъ Нижнимъ *). Былъ еще одинъ путь на Москву, хотя путь и окольній—именно на сѣверные города: Великій Устюгъ, Тотьму и Вологду. Но въ январѣ 1609 года уже и этотъ сѣверный путь былъ отрѣзанъ: Устюжане пишутъ Пермичамъ, чтобы они не спѣшили съ доставкою въ Москву царской казны, такъ какъ «наша устюжская дорога всего до Вологды чиста, а далѣе нынѣ ѣхать нельзя» **).

Непокойно было и въ самыхъ предѣлахъ Казанскаго края, а также въ смежныхъ съ нимъ Вятской и Пермской областяхъ. На нагорной сторонѣ Волги бродили мятежныя шайки мордвы, черемисы и татаръ, разносившія смуту по Свіяжскому, Чебоксарскому и Козмодемьянскому уѣздамъ. По краю разъѣзжали эмиссары, поднимавшіе населеніе противъ Москвы. Не было вполнѣ твердо въ вѣрности Шуйскому и русское населеніе края. Многіе служилые люди

*) А. Ист. II, №№ 113, 131, 134.

**) А. Ист. II, № 141.

чебоксарскіе, свіяжскіе, цивильскіе и кокшайскіе—открыто примкнули къ мятежу, соединившись съ инородческими бандами. Въ другихъ случаяхъ обнаруживается совершенный индифферентизмъ къ дѣлу борьбы съ мятежемъ. Въ Вильвенской волости (Пермскаго края) крестьяне не только отказываются дать подводы подъ ратныхъ людей, но хотятъ даже перебить ихъ ослопьемъ; отказываются давать подъ ратныхъ людей подводы и въ Кайгородѣ. Вычегодцы жалуются, что вятчане и пермичи не даютъ противъ воровъ ратныхъ людей.—«государевымъ дѣломъ не радѣютъ, и великое государево дѣло ставятъ себя въ оплошку»; что пермичи пишутъ о сборѣ ими ратныхъ людей «ложно, словомъ, а не дѣломъ,—все ставятъ въ откладку, что бы имъ ратныхъ людей не послати» *).

Весьма естественно, что, при такомъ шаткомъ положеніи вещей, воевода Ѳ. И. Шереметевъ не рѣшался идти немедленно на выручку

*) А. Ист. II, №№ 135, 142, 143, 145; А. Э. II, №№ 99, 100, 102 (стр. 201).

Москвы; прежде всего необходимо было покончить съ мятежными шайками, которыя, послѣ удачныхъ дѣйствій воеводы Алябьева подъ Нижнимъ, Балахною, Ворсмою и Павловымъ, ушли на востокъ, въ предѣлы Казанскаго края, и здѣсь сосредоточились у Чебоксаръ и Свіяжска.

22-го декабря Шереметевъ на-голову разбиваетъ подъ Чебоксарами воровскія скопища, захвативъ многихъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были и «воровскіе воеводы», при чемъ взяты были знамена, набаты и другіе трофеи. Вслѣдъ затѣмъ Шереметевъ, приведя здѣсь «къ шерти» (присягѣ) мордву, черемисъ и татаръ, двинулся на Свіяжскъ, гдѣ собрались скопища мордвы, черемисъ и татаръ, соединившіяся съ свіяжскими, чебоксарскими, кокшайскими и алатырскими воровскими людьми. И здѣсь воеводою Шереметевымъ одержана блестящая побѣда: непріятель былъ на-голову разбитъ, потерявъ огромное количество убитыми и плѣнными. Трупы убитыхъ легли на протяженіи цѣлыхъ семи верстъ; по свидѣтельству источниковъ, люди

Шереметева, преслѣдуя разбитыхъ мятежниковъ, топтали и кололи ихъ «что свиней». Побѣды Шереметева вызвали великую радость въ Казани и на Вяткѣ; здѣсь по всѣмъ храмамъ служили по этому поводу благодарственные молебны со звономъ и провозглашеніемъ многолѣтія царю Василію *).

Очистивъ нагорную сторону отъ воровскихъ шаекъ, Шереметевъ расположился съ своею ратью въ Чебоксарахъ, съ тѣмъ, чтобы, съ наступленіемъ весны, двинуться далѣе, къ Нижнему-Новгороду; по крайней мѣрѣ въ концѣ января и въ началѣ марта онъ стоитъ здѣсь со всѣми своими силами. Весьма вѣроятно, что избраніе Шереметевымъ города Чебоксаръ мѣстомъ своей зимней стоянки находилось въ связи съ желаніемъ, во первыхъ—поддерживать ближайшія сношенія съ Нижнимъ-Новгородомъ, во вторыхъ—предупредить новое появленіе въ нагорной сторонѣ воровскихъ шаекъ, и

*) А. Ист. II, № 145 (II), А. А. Э. II, № 100.

въ третьихъ — имѣть возможность двинуться въ дальнѣйшій походъ раннею весною, устранивъ необходимость трудной, по времени года, переправы черезъ Волгу.

Расположившись въ Чебоксарахъ, Ѳ. И. Шереметевъ уже не вмѣшивается въ казанскія дѣла, предоставивъ ихъ всецѣло вѣданію мѣстныхъ воеводъ; поэтому, когда въ началѣ марта появились въ Свіяжскомъ уѣздѣ новыя воровскія скопища, тогда дѣйствія противъ нихъ предпринимаются уже казанскими воеводами, и при посредствѣ казанскихъ ратныхъ людей, хотя рать Шереметева все еще стояла въ это время въ Чебоксарахъ, готовясь двинуться, при первой возможности, къ Нижнему *). Раннею весною Шереметевъ выступилъ изъ Чебоксаръ, переждалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ спада водъ и появленія подножнаго конскаго корма, воспользовавшись остановкою здѣсь для военныхъ дѣйствій противъ воровскихъ людей; занялъ вслѣдъ

*) А. И. II, № 145 (III); А. А. Э. II, № 114 (II).

затѣмъ передавшійся царю Василію Муромъ, взялъ приступомъ Касимовъ, привелъ въ покорность Москвѣ Владиміръ и, наконецъ, постоянно уторапливаемый грамотами изъ Москвы, 11-го ноября прибылъ въ Александровскую слободу, гдѣ соединился съ воеводою княземъ М. В. Скопинымъ—Шуйскимъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ и съ Делагарди, бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ вступилъ въ Москву 12-го марта 1610-го года, употребивъ такимъ образомъ цѣлый годъ на походъ отъ Чебоксаръ до столицы *).

Жестокія пораженія, нанесенныя воеводою Ѳ. И. Шереметевымъ воровскимъ отрядамъ 22-го декабря и 1-го января, подъ Чебоксарами и Свіяжскомъ, не были для мятежа, какъ это уже очень скоро оказалось, рѣшительнымъ ударомъ: въ результатѣ ихъ явилось лишь перенесеніе движенія дальше на сѣверъ, за Волгу, въ вятскимъ предѣламъ. Послѣ чебоксарскаго погрома, главари воз-

*) А. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ“, II, стр. 164 и слѣд.

станія, въ числѣ которыхъ упоминаются въ источникахъ арзамасскіе мурзы Бибай и Перепердѣй, переправились съ остатками своихъ скопищъ подъ Козмодемьянскомъ черезъ рѣку Волгу, на луговую сторону, гдѣ и дѣлаютъ попытку поднять черемисское населеніе и привести къ крестному цѣлованію Самозванцу «государевы города, которые стоятъ въ черемисѣ». Города Яранскъ и Санчурскъ сдались и безпрекословно присягнули Самозванцу, не сдѣлавъ даже попытки къ сопротивленію, не смотря на то, что у непріятеля «огненнаго бою (т. е. огнестрѣльнаго оружія) не было,—все лучной», и что мятежныя скопища состояли почти исключительно изъ инородцевъ; было въ этихъ скопищахъ всего только два терскихъ казака да человѣкъ съ 60 санчурскихъ и козмодемьянскихъ стрѣльцовъ.

Занявъ Яранскъ и Санчурскъ, главари движенія дѣлаетъ попытку смутить и вѣрную Москвѣ Вятку. Съ этою цѣлью изъ Яранска посланъ былъ на Вятку вятчанинъ, житель города Слободскаго, «вѣдомый воръ»

Чуватка Яковлевъ; ему вручень былъ «воровской листъ», по которому предлагалось вятской землѣ цѣловать Самозванцу крестъ. Этотъ эмиссаръ 12 января (1609 г.) былъ задержанъ, вмѣстѣ съ своимъ «воровскимъ листомъ», въ Котельничѣ, откуда его препроводили въ г. Хлыновъ (нынѣшняя Вятка). Здѣсь Чуватку попытали,—«жгли на огнѣ»,—и вотъ что показалъ онъ на допросѣ: послали, де, его съ этимъ листомъ изъ Яранска арзамасскіе мурзы Бибай да Перелердѣй, прибѣжавшіе на луговую сторону изъ Козмодемьянска, послѣ разгрома; что до этого онъ же, Чуватка, смутилъ Яранскъ, куда такимъ же образомъ прибылъ, съ воровскимъ листомъ, изъ Санчурска; что ѣхать на Вятку онъ самъ вызвался, желая учинить и здѣсь смуту. Чуватку «всею вятскою землею» приговорили за его воровство—повѣсить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вятчане наскоро собрали ополченіе и послали его «на вятскую украйну», къ городу Котельничу, чтобы не допустить вторженія смуты въ Вятскій край. Весь январь мѣсяцъ прошелъ въ Вятской

землѣ въ тревогѣ, вызванной мятежнымъ движеніемъ среди луговой черемисы. Въ Котельничѣ собраны были довольно значительныя ратныя силы,—тысячъ до шести ратниковъ, да и по другимъ пунктамъ южной вятской окраины расположены были гарнизоны; нашлось въ Котельничѣ 14 старыхъ затинныхъ пищалей, которыя и отдали для починки какому то кузнецу Петрушкѣ *).

Между тѣмъ, укрѣпивъ за собою Яранскъ и Санчурскъ, черемисскіе мурзы двинулись отъ Яранска къ городу Цареву (Царевококшайскъ); городъ былъ взятъ ими приступомъ и приведенъ къ крестному цѣлованію Самозванцу еще около половины января. Мятежное движеніе стало приближаться, такимъ образомъ, къ Казани. Казанскіе воеводы встревожились и выслали къ Царевококшайску отрядъ въ 2300 человѣкъ вѣрныхъ инородцевъ и стрѣльцовъ и «учало,—читаемъ въ источникахъ,—оружье говорити подъ Царевымъ». Черемисскіе вожди, съ своей стороны, по-

*) А. А. Э. II, № 100.

слали къ Яранску за подкрѣпленіемъ, велѣвъ брать въ черемисскихъ волостяхъ по одному человѣку „съ дыма“, а затѣмъ отправить собранное такимъ образомъ ополченіе къ Царевококшайску. Въ составѣ казанской рати, дѣйствовавшей противъ мятежниковъ подъ Царевококшайскомъ, находились и вѣрные Москвѣ черемисы; такъ, на помощь казанскимъ воеводамъ пришелъ съ людьми своими черемисскій сотникъ Хозя. Впрочемъ, дѣйствія казанской рати ограничились лишь локализаціею мятежа; задачею ихъ было—не допустить движенію прорваться къ Казани. Наступательныхъ дѣйствій къ Яранску и Санчурску,—въ самый центръ мятежа,—казанскіе ратные люди не предпринимали и смута, какъ мы это ниже увидимъ, держалась здѣсь въ теченіе всего 1609 года*).

Была сдѣлана попытка смутить и самую Казань, для чего посланъ былъ сюда «съ воровскими грамотами» казанскій стрѣлецъ Петрушка Лукьяновъ. Вотъ что показывалъ

*) А. Ист. II, № 145.

этотъ послѣдній на допросѣ въ Перми, куда онъ былъ доставленъ съ Вятки въ первыхъ числахъ мая: «Былъ я,—говорилъ Лукьяновъ,—въ рати воеводы Ѳеодора Ивановича Шереметева; и какъ было у государевыхъ людей подъ Свіяжскомъ дѣло съ воровскими людьми—и я въ тѣ поры взятъ былъ въ плѣнъ, а какъ государева царева Василія Ивановича рука возвысилась—и я изъ полону бѣжалъ въ Козмодемьянскъ, гдѣ прожиталъ дней съ десять. И въ то время пришли въ Козмодемьянскъ государевы измѣнники Иванъ Васильевъ Волынскій и Елизаръ Бартеневъ и послали меня съ воровскими грамотами въ Казань И я,—продолжаетъ Лукьяновъ,—въ Казань не поѣхалъ, а поѣхалъ въ Ярославъ, откуда и посланъ былъ паномъ Пятигорцемъ, съ воровскими же грамотами, на Вятку». На Вяткѣ этотъ новый эмиссаръ и былъ захваченъ. Изъ этого показанія выясняется, что луговые мятежи 1609 года не были движеніемъ исключительно инородческимъ, но что во главѣ его, кромѣ черемисскихъ мурзъ, стояли и рус-

скіе измѣнники (И. В. Волынскій и Е. Бартеневъ), и польскіе люди (панъ Пятигорецъ) *).

Не осталась внѣ района дѣйствій смуты и нагорная сторона Казанскаго Поволжья. Разгромы Шереметева не надолго умиротворили этотъ край. Въ концѣ зимы въ предѣлахъ Свіяжскаго уѣзда стали сосредоточиваться мятежники изъ городовъ Алатыря, Курмыша, Ядрина, Арзамаса, Темникова и Касимова. Во главѣ этого движенія упоминаются: князья Енаней Шугуровъ, Брюшейко Яникѣевъ, Иванъ Смиленевъ, Ѳедоръ Кирѣевъ, Яковъ Глядковъ, Василій Ртищевъ, Семенъ Кузьминскій, подъ предводительствомъ которыхъ находились дѣти боярскіе и стрѣльцы окскихъ и сурскихъ городовъ, мордва, черемисы, чуваши и бортники, —т. е. тѣ самые элементы, которые безпокоили раньше нижегородское Поволжье, а теперь избрали цѣлью своихъ наступательныхъ дѣйствій— Казанскій край.

Проникнувъ въ Свіяжскій уѣздъ

*) А. Ист. II, № 203 (II).

черезъ юго-западные его предѣлы (на сѣверѣ въ Чебоксарахъ еще стояла въ это время рать воеводы Ѳ. И. Шереметева), это разношерстное и сбродное скопище пошло на городъ Свіяжскъ. Казанскіе воеводы, бояре Василій Морозовъ и Богданъ Бѣльскій, выслали изъ Казани на встрѣчу непріятелю такую же сборную рать, подъ начальствомъ головъ Осипа Зюзина и Андрея Хохлова; эта рать состояла изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, служилыхъ мурзъ и князей, новокрещеновъ, татаръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и сильнаго отряда казанскихъ стрѣльцовъ, съ пушками и «огненнымъ боемъ». Обѣ рати сошлись 10-го марта близъ деревни Бурундуковъ*), и здѣсь «Божіею милостью и Пречистыя Богородицы новоявленнаго образа, иже въ Казани, и великихъ казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія и всѣхъ святыхъ молитвами»,—какъ

*) Деревня Бурундуки,—въ настоящее время почтовая станція Казанско-Симбирскаго тракта,—расположена въ 36-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Свіяжска и въ 64-хъ верстахъ отъ губернскаго города Казани.

отписываютъ объ этомъ событіи казанскіе воеводы,—непріятель потерпѣлъ жестокое пораженіе; при этомъ побѣдителямъ досталось много плѣнныхъ и трофеевъ (знамена и набаты) **).

Такимъ образомъ, не предпринимая въ сосѣднія области самостоятельныхъ наступательныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ, казанскіе воеводы ограничиваютъ свою дѣятельность лишь войною оборонительною, принимая мѣры къ недопущенію мятежа собственно въ Казанскіе предѣлы. Такой именно смыслъ имѣютъ посылки ими ратныхъ людей къ Царевококшайску и ихъ Бурундукская экспедиція. Въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ вспыхнула смута на сѣверной казанской окраинѣ, въ слободѣ Кукаркѣ, гдѣ «заводчики было

**) А. А. Э II, № 114 (II) Костомаровъ совершенно ошибочно приписываетъ эту побѣду воеводѣ Ѳ. И. Шереметеву. Шереметевъ стоялъ въ это время въ Чебоксарахъ, готовясь къ нижегородскому походу, и движеніе на Бурундуки было дѣломъ личной инициативы казанскихъ воеводъ (см. его „Смутное время Москов. госуд.“, т. II, стр. 233, изд. 1868 г.).

кукарскіе мужики», съ слободскимъ старостою Аѳонькою во главѣ; сюда посланъ былъ изъ Казани отрядъ подъ начальствомъ головы Истомы Хвостова, который на-голову разбилъ мятежниковъ, захватилъ много полону, а самую слободу—сжегъ.*)

Въ этихъ постоянныхъ опасеніяхъ за безопасность ввѣреннаго имъ края отъ вторженія въ него мятежа, охватившаго собою сѣверные и западные предѣлы этого края—встрѣтили казанскіе воеводы и ратные люди наступленіе лѣта 1609-го года.

---

*) А. А. Э. II, № 114.

IV.

События весны 1609-го года.—Движеніе въ пользу Шуйскаго въ сѣверныхъ и пермскихъ городахъ. Сборъ земскихъ ополченій.—Ярославская осада и военныя дѣйствія лѣта 1609-го года.—Абсентеизмъ казанцевъ въ событіяхъ лѣта 1609 го года.—Продолженіе вятскихъ и казанскихъ мятежей.—Событія 1610-го года и низложеніе Василія Шуйскаго. Присяга Владиславу.—Новые мятежи въ Вятскомъ и Казанскомъ краѣ.—Гибель Тушинскаго вора.—Казанская смута и убіеніе воеводы Б. Я Бѣльскаго Присяга сѣверо-восточныхъ городовъ убитому самозванцу.

Весна 1609-го года принесла съ собою рядъ обстоятельствъ, благопріятныхъ для царя Василія.

28-го февраля заключенъ былъ Москвою Выборгскій договоръ съ шведскимъ королемъ Карломъ IX-мъ, въ силу котораго Швеція предоставляла Шуйскому вспомогательный отрядъ, который, подъ начальствомъ Іакова Делагарди, вступилъ 26-го марта въ сѣверные предѣлы Московскаго государства и, соединившись въ Новгородѣ съ полками молодого и талантливаго русскаго воеводы, боярина князя Михаила Васильевича Скопина—Шуйскаго, двинулся вмѣ-

стѣ съ нимъ по направленію къ Москвѣ; союзная русско-шведская рать, подъ главнымъ предводительствомъ князя Скопина—Шуйскаго, съ перваго же раза одержала рядъ весьма серьезныхъ успѣховъ, приведя въ покорность Москвѣ сѣверо-восточный край. Въ то же время, не съ меньшимъ успѣхомъ, шелъ къ Москвѣ съ востока уже извѣстный намъ воевода, боярин Ѳ. И. Шереметевъ, со своею понизовою ратью. Осенью воеводы князь Скопина—Шуйскій и Шереметевъ, подкрѣпленные городскими ополченіями и московскими полками, соединились въ Александровской слободѣ.

Посмотримъ теперь, что принесла весна 1609-го года Поволжью, гдѣ къ концу 1608-го года, смута получила полное право гражданства, не смотря на декабрьскую реакцію въ пользу царя Василія, быстро подавленную тушинцами.

Побѣды Шереметева въ Чебоксарскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ, стойкость Нижняго-Новгорода, и, въ особенности, слухи о скоромъ походѣ къ Москвѣ уже стоящей въ Чебокса-

рахъ сильной и испытанной въ бояхъ понизовой рати—не могли остаться безъ вліянія на подъемъ духа въ поволжскихъ и сѣверныхъ городахъ. Здѣсь съ начала 1609 года начинается движеніе въ пользу Шуйскаго. Не мало способствовали этому притѣсненія и непосильные поборы со стороны литовцевъ и туземныхъ воровскихъ людей, бродившихъ по областямъ и безчинствовавшихъ здѣсь отъ имени царя Дмитрія Ивановича. Теперь, когда въ тылу отпавшихъ отъ Шуйскаго городовъ стояла сильная рать Шереметева, каждую минуту готовая врѣзаться въ самое сердце верхняго Поволжья, города стали склоняться на сторону Москвы. Въ областяхъ образуются банды черныхъ людей, избивающія литовцевъ при всякихъ удобныхъ случаяхъ. Сѣверные города учреждаютъ заставы, наряжаютъ осады, крѣпятъ города и остроги, чтобы не дать проникнуть къ нимъ отъ верхней Волги мятежному движенію.

Съ самаго начала 1609 года, во главѣ движенія сѣверныхъ городовъ въ пользу Шуйскаго — становится

Вологда, какъ городъ ближайшій къ очагу мятежа, слѣдовательно — и наиболѣе угрожаемый смутою. Около половины января вологжане—дѣти боярскіе, дворяне, посадскіе и волостные, старосты, цѣловальники «и всѣ земскіе люди»,—списываются съ устюжанами, убѣждая ихъ войти съ ними въ соединенье и прислать ратныхъ людей для обереганья вологодскихъ мѣстъ, которымъ грозятъ воровскіе люди, засѣвшіе въ Ярославлѣ, Романовѣ и Пошехоньи; впрочемъ, еще раньше этого приглашенія устюжане, войдя въ соглашеніе съ солевычегодцами, выставили соединенный отрядъ ратныхъ людей на Тотьму, которой грозила опасность со стороны воровъ, укрѣпившихся въ Соли Галицкой. Позже примкнули къ этому союзу сѣверныхъ городовъ тотмичи. Изъ Вологды отписываютъ вычегодцамъ отъ 13 января, что тотмичи производятъ смуту: называютъ вологодскаго воеводу и всѣхъ вологжанъ—«измѣнниками», пишутъ къ нимъ «съ бранью, на раздоръ, а не на единомысліе». «А мы,—читаемъ въ той же отпискѣ,—никакой измѣны здѣсь

на Вологдѣ, не вѣдаемъ, а въ комъ свѣдаемъ изимѣну — такихъ людей хватаемъ, крѣпко пытаемъ на пыткахъ и, если по сыску свѣдаемъ вину—предаемъ казни». „Да слухъ до насъ дошелъ,—продолжаютъ вологодцы,—что у васъ на Вычегдѣ страхъ великій передъ воровскими людьми: и вамъ бы, господа, не унывать, но положить надежду на всемилостиваго Бога, пресвятую Богородицу всѣхъ святыхъ. и на преподобнаго Димитрія, чудотворца вологодскаго». При этомъ сообщается о чудѣ, совершившемся въ Вологдѣ: преподобный Димитрій, явившись нѣкоему старцу, велѣлъ перенести свой образъ отъ гробницы на Вологду; образъ былъ торжественно перенесенъ въ городъ и здѣсь поставленъ на площади, у Всемилостиваго спаса, гдѣ и предполагается всѣмъ міромъ соорудить въ честь его храмъ. Колебаніе тотмичей, на которое указываютъ вологодцы, не было, впрочемъ, продолжительнымъ, такъ какъ уже 16-го января тотемская рать выступила къ Соли Галицкой, одновременно съ

ополченіями вологодскимъ, устюжскимъ и усольскимъ *).

Вставъ во главѣ движенія въ пользу царя Василія, сѣверные города склоняютъ къ соединенью съ ними и Великую Пермь. Еще въ декабрѣ 1608 года вычегодцы писали пермичамъ, приглашая ихъ «съ ними вмѣстѣ стоять за-единъ противъ богоотступниковъ и государевыхъ измѣнниковъ» и прислать ратныхъ людей своихъ къ Вологдѣ, «на сходъ» (т. е. въ сборный пунктъ), на что пермичи въ то время и изъявили полное согласіе, заявивъ готовность «помня свое крестное цѣлованіе, стоять и умереть за православную вѣру вмѣстѣ съ вологодцами и устюжанами». «И вы намъ,—укоряютъ ихъ вычегодцы въ посланіи отъ 20 января,—пишете словомъ, а дѣломъ съ нами ничего не дѣлаете»; вычегодцы напоминаютъ пермичамъ, что верховые города—Ярославль, Ростовъ, Переяславль, а также рязанскіе города и города сѣверскіе—потому именно и «стали въ развореньи», что не имѣли

*) А. А. Э. II, №№ 98, 99, 103.

между собою совѣта и другъ за друга не стояли. «А вы къ намъ,—продолжаютъ вычегодцы, — изъ Перми изъ Великія до сихъ поръ, января по 20 число, ратныхъ людей не прислали; и вы то дѣлаете не гораздо, и такое великое государево дѣло ставите себѣ въ оплошку» *).

Такимъ образомъ, сѣверные города, къ которымъ примкнула и Пермь Великая, образуютъ изъ себя рядъ автономныхъ земскихъ совѣтовъ, которые взаимно сносятся между собою, укрѣпляютъ другъ друга и собираютъ ополченія. Этимъ ополченіямъ предстоитъ выступить на сходъ—«гдѣ государевы воеводы будутъ». Гдѣ будетъ этотъ «сходъ» государевыхъ воеводъ—оставалось пока неизвѣстнымъ, такъ какъ это должно было выясниться лишь весною, съ движеніемъ въ верхнее Поволжье зимующей въ Чебоксарахъ рати боярина Шереметева.

Земскія ополченія, снаряженныя сѣверными городами, стали выступать въ походъ съ января 1609 года.

---

*) А. А. Э. II, № 102.

16 января выступили къ Соли Галичской тотемскіе ратные люди; 18 числа выступили сюда же и ратные люди устюжскіе. Солигаличъ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ; черезъ этотъ городъ шла дорога на Тотьму изъ занятой мятежниками Костромы и открывался доступъ въ районъ средняго теченія рѣки Сухоны. Ополченіе расположилось станомъ въ 20 верстахъ отъ Солигалича, такъ какъ оказалось, что въ Большомъ Галичѣ стоятъ силы пана Лисовскаго. 18 февраля пришло къ Солигаличу новое и уже значительное ополченіе, составленное изъ ратныхъ людей устюжскихъ, тотемскихъ, вычегодскихъ, пермскихъ, соликамскихъ, кайгородскихъ и вымскихъ. Это ополченіе, соединившись съ солигалицкими ратными людьми, принесшими теперь свои вины царю Шуйскому, произвело рекогносцировку къ Костромѣ, которую нашло занятую мятежниками. Впрочемъ, это ополченіе не могло съ успѣхомъ дѣйствовать противъ непріятеля уже потому, что не имѣло воеводы; были только ратные головы, приведшіе опол-

ченія отдѣльныхъ городовъ; вслѣдствіе этого, солигаличане 15 марта просятъ царя Василія дать соединенному ополченію «своего государева надежнаго воеводу, съ которымъ бы имъ службу свою и радѣніе совершить». Вѣроятно, это именно ополченіе имѣлъ въ виду костромской воевода Вельяминовъ, донося гетману Сапѣгѣ, что 12 марта пришли подъ Кострому и стали въ двухъ верстахъ отъ города «государевы измѣнники—вологодскіе и поморскіе мужики, пять тысячъ», поджидающіе къ себѣ отъ Галича еще новыхъ подкрѣпленій, съ прибытіемъ которыхъ намѣреваются приступить къ Ипатьевскому монастырю *). Вологодскому ополченію дается изъ Москвы спеціальное порученіе: со вскрытіемъ рѣкъ, оно должно сѣсть на рѣкѣ Шексне въ суда и по этой рѣкѣ, «прося у Бога помощи, надъ воровскими людьми промышляти»; для предводительства этимъ ополченіемъ изъ Москвы присланы были,

*) А. А. Э. II, № 103; А. Ист. II, №№ 177 и 172.

при царской грамотѣ отъ 20 февраля, трое ратныхъ головъ, которымъ, до наступленія весны, велѣно ходить на воровскихъ людей—«въ которыхъ мѣстахъ тѣхъ воровскихъ людей почаятъ» *). Сравнительно поздно были организованы главныя силы пермскаго ополченія,—хотя частичныя отправки ратныхъ людей изъ Перми Великой имѣли мѣсто въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ. Только въ мартѣ мѣсяцѣ собралось главное пермское ополченіе; оно было ввѣрено чердынскому посадскому человѣку Третьяку Михайлову, которому велѣно вести его, «не мѣшкая, днемъ и ночью», на Сольвычегодскъ и Великій Устюгъ, а далѣе—туда, «гдѣ свѣдаетъ государевы полки», и здѣсь сдать ополченіе государевымъ воеводамъ. Съ людей, «выбранныхъ» землею въ ополченцы, взято было, передъ выступленіемъ въ походъ, крестное цѣлованіе въ томъ, что имъ со службы не отъѣзжать, не измѣнять и за государя царя Василія Ивановича биться до смерти **).

*) А. А. Э. II. № 107.
**) А. А. Э. II, №№ 105 и 110.

Собравшемуся такимъ образомъ «поморскому» ополченію необходимы были воеводы, которые дали бы единство ратнымъ людямъ отдѣльныхъ городовъ, выступившихъ въ походъ лишь подъ начальствомъ мѣстныхъ головъ, въ большинство случаевъ неопытныхъ въ воинскомъ дѣлѣ. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій не замедлилъ удовлетвореніемъ этой потребности: 9-го февраля присланы были отъ него, изъ Великаго Новгорода, воеводы Григорій Никитичъ Бороздинъ и Никита Васильевичъ Вышеславцевъ, которымъ велѣно принять начальство надъ соединенными ополченіями сѣверныхъ городовъ; съ ними были также присланы для подкрѣпленія этихъ ополченій,—«мужиковъ», какъ презрительно называли ихъ тушинцы,—новгородскіе, псковскіе и «нѣмецкіе» ратные люди *). Только теперь, конечно, эти сборныя толпы вологодскихъ, устюжскихъ, сольскихъ и вычегодскихъ, бѣлозерскихъ, каргопольскихъ и двинскихъ «мужи-

*) А. Ист. II, № 150.

ковъ» — сдѣлались организованною дѣйствительною, боевою силою.

Съ появленіемъ въ верхнемъ Поволжьи земскихъ ополченій сѣверныхъ городовъ и понизовой рати воеводы Ѳ. И. Шереметева, дѣла сразу приняли здѣсь благопріятный для Шуйскаго оборотъ. 8-го апрѣля предводитель земскихъ ополченій, воевода Вышеславцевъ, привелъ въ покорность Ярославль; слѣдомъ за этимъ городомъ передались на сторону Шуйскаго и его пригороды, а также Кострома и Тверь съ пригородами своими. Въ началѣ апрѣля въ рукахъ московскихъ ратныхъ людей оказался и Владиміръ. Потеря Ярославля,—города весьма важнаго для тушинцевъ, благодаря его географическому положенію,—была въ высшей степени чувствительна для приверженцевъ Самозванца; были приняты отчаянныя мѣры, чтобы отбить этотъ городъ у воеводы Вышеславцева, крѣпко засѣвшаго въ немъ. Началась осада Ярославля тушинскими воеводами И. Ѳ. Наумовымъ, Микулинскимъ и Лисовскимъ. Эта осада, длившаяся съ

30-го апрѣля до 23-го мая, была снята тушинцами вслѣдствіе неблагопріятныхъ вѣстей, полученныхъ изъ-подъ Костромы: здѣсь грозила серьезная опасность Ипатьевскому монастырю, въ которомъ еще держались приверженцы Самозванца, но уже были въ осадѣ отъ московскихъ ратныхъ людей, пришедшихъ сюда изъ Костромы, подъ предводительствомъ воеводы Давида Жеребцова.

Въ задачи нашихъ очерковъ не входитъ изложеніе интересныхъ подробностей осады Ярославля и дѣйствій земскихъ ополченій подъ Костромою, равно какъ и изложеніе другихъ деталей военныхъ дѣйствій лѣта 1609-го года. Отмѣтимъ только, что эти дѣйствія были въ высшей степени успѣшны для московскихъ воеводъ. Послѣ снятія Ярославской осады, на сторонѣ Шуйскаго уже находились: Ярославль, Кострома (за исключеніемъ Ипатьевскаго монастыря), Владиміръ, Тверь, Угличъ, Кашинъ, Романовъ, Пошехонье, Городецъ, Колязинъ монастырь,—и такимъ образомъ открылся, закрытый съ декабря 1608-го

года, свободный путь для сообщенія съ Москвою Казанскаго и Нижегородскаго Поволжья.

Главными героями славнаго Ярославскаго «сидѣнья», успѣхъ котораго былъ рѣшительнымъ шагомъ къ очищенію отъ смутъ верхняго Поволжья, явились земскія ополченія, къ составѣ которыхъ находились ратные люди вологодскіе, бѣлозерскіе, устюжскіе, каргопольскіе солевычегодскіе, тотемскіе, вожскіе, двинскіе, костромскіе, галичскіе, вятскіе и другихъ городовъ *).

Къ началу осени 1609 года сѣверный край и верхнее Поволжье очищались, такимъ образомъ, отъ долго волновавшей ихъ смуты, и съ трехъ сторонъ сходились къ Москвѣ вѣрныя царю Василію рати, готовыя нанести окончательный ударъ Тушинскому вору **).

Въ какомъ же положеніи находился Казанскій край и что дѣлали казанскіе воеводы и казанскіе люди въ то самое время, когда городскія

*) А. А. Э. II. № 127.

**) Соловьевъ; „Ист. Россіи“, VIII. стр. 285.

ополченія,—не выключая и ополченій ихъ ближайшихъ сосѣдей, пермичей, вятчанъ,—переносили всѣ невзгоды «нужнаго» ярославскаго сидѣнья и твердыми, хотя и медленными, шагами шли на выручку Москвы и царя Василія, уже въ теченіе цѣлаго года осажденнаго въ собственной столицѣ своей?

Казань играла довольно таки пассивную роль въ этомъ всеобщемъ движеніи, охватившемъ русскій сѣверо-востокъ. Казанскій абсентеизмъ невольно бросается въ глаза въ событіяхъ весны и лѣта 1609 года. Даже вятчане, угрожаемые смутою, крѣпко вцѣпившеюся въ луговой черемисѣ, на самой южной границѣ Вятскаго края, дали своихъ ратныхъ людей для усиленія ополченія сѣверныхъ городовъ; вятчане фигурируютъ, въ числѣ защитниковъ Ярославля, въ царской похвальной грамотѣ, данной 28 іюня ополченіямъ, бывшимъ здѣсь въ осадѣ *). Между тѣмъ о казанцахъ умалчивается какъ въ царскихъ грамотахъ, въ боль-

*) Собр. Гос. Гр. и Дог., II, № 184.

шемъ количествѣ пожалованныхъ городамъ и ополченіямъ въ теченіи лѣта 1609 года, такъ и въ другихъ источникахъ той же эпохи; ясно, что казанцы не приняли ни малѣйшаго участія въ этомъ общемъ движеніи городовъ Этотъ абсентеизмъ можетъ быть въ значительной степени объясняемъ, конечно, этнографическимъ составомъ края; не совсѣмъ безопасно было, пожалуй, посылать въ верховые города ополченіе изъ инородческаго населенія, на которое, при условіяхъ того времени, не легко было положиться, а русскіе служилые люди и стрѣльцы необходимы были на мѣстѣ, для поддержанія порядка въ краѣ, тѣмъ болѣе, что смута была въ полномъ разгарѣ на сѣверѣ отъ Казани, въ землѣ луговой черемисы. Но несомнѣнно, что причина безучастнаго отношенія Казани къ событіямъ 1609 года коренилась и въ «шаткости» казанцевъ, намеки на которую мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ въ источникахъ.

Эта «шаткость» сказывается уже въ томъ мотивѣ, которымъ какъ бы желаютъ казанцы оправдать свое

пассивное отношеніе къ земскому движенію весны и лѣта 1609-го года: они объясняютъ, что съ осени 1608-го года и вплоть до іюля 1609-го года у нихъ, въ Казани, не было «никакихъ вѣстей» про Московское государство. Это объясненіе слишкомъ наивно, чтобы мы могли дать ему вѣру. Еще въ самомъ началѣ 1609-го года началось въ сѣверныхъ городахъ и въ Перми движеніе въ пользу Москвы; сѣверные города списываются между собою и съ Пермью, собираютъ ополченія, отправляютъ ихъ въ походъ; въ началѣ весны двинулась вверхъ по Волгѣ рать боярина Θ. И. Шереметева, побѣдоносно очищая отъ мятежа верховые города; уже въ февралѣ вологодцы и всѣ сѣверные города свободно сносятся съ Москвою, прося себѣ у царя воеводъ и получая изъ Москвы инструкціи,—а сосѣдняя съ этими городами Казань отзывается полнымъ невѣдѣніемъ относительно того, что дѣлается на Московскомъ государствѣ. Ясно, что въ Казани творилось что то неладное, что здѣсь уже явилась въ людяхъ

«шаткость», которая впослѣдствіи и сказалась, дѣйствительно съ полною силою. Такъ, кажется, и поняли дѣло въ ближайшемъ сосѣдствѣ Казани—въ Великой Перми. Въ іюлѣ мѣсяцѣ соликамцы списываются съ чердынцами относительно снаряженія къ находящемуся въ верховыхъ городахъ ополченію добавочныхъ ратныхъ людей, которыхъ «всѣмъ міромъ» и приговорено было дать. Въ отпискѣ чердынцамъ отъ 17-го іюля, какъ бы въ связи съ вопросомъ о дачѣ добавочныхъ людей, соликамцы затрогиваютъ вопросъ и о Казани, пассивное отношеніе которой къ обще-русскому, земскому, дѣлу—очевидно обращало на себя вниманіе сосѣдей. Ссылаясь на наивное заявленіе казанскихъ людей о томъ, что у нихъ «съ осени про Московское государство вѣстей нѣтъ»,—соликамцы просятъ пермскаго всеводу Ѳедора Петровича Акинѳова послать въ Казань копіи съ царскихъ и другихъ грамотъ, получавшихся имъ за это время изъ *Москвы*, Вологды, Ярославля, Новгорода и Галича, чтобы, —мотивируютъ они свою просьбу,—

«въ Казани никоторые шаткости не было» *).

Мы упомянули выше, что даже Вятскій край, угрожаемый съ юга мятежемъ луговой черемисы, поднятой явившимися изъ-за Волги «воровскими» людьми, принялъ участіе въ общемъ земскомъ движеніи 1609 года. А дѣла обстояли на Южной украинѣ Вятской земли въ теченіи всего 1609-го года крайне неблагополучно. Мы должны коснуться этихъ дѣлъ, какъ имѣющихъ тѣсную связь съ положеніемъ вещей собственно въ Казанскомъ краѣ, и въ которыхъ, до извѣстной степени, быть можетъ, и находитъ себѣ объясненіе, если не оправданіе, индифферентизмъ къ общему дѣлу и «шаткость» казанскихъ людей.

Смута возникла въ луговой черемисской сторонѣ,—въ городахъ, «что на черемисѣ стоятъ»,—еще въ январѣ 1609-го года; она перебросилась сюда, какъ мы это уже знаемъ, черезъ Волгу, отъ Ковмодемьянска, послѣ разгромовъ, нанесенныхъ «во-

*) А. Ист. II, № 247.

ровскимъ» людямъ боярином Шереметевымъ подъ Чебоксарами и Свіяжскомъ. Мы видѣли также, что уже въ то время сдѣланы были попытки смутить и вѣрный Москвѣ Вятскій край. На эти попытки вятчане отвѣтили высылкою на южную окраину своей земли, «для береженья», нѣсколькихъ отрядовъ ратныхъ людей, а въ концѣ марта или въ самомъ началѣ апрѣля двинули на югъ, къ занятому мятежниками Яранску, ополченіе, собранное со всѣхъ городовъ Вятской земли; этому ополченію, ввѣренному стрѣлецкому сотнику Захару Панову, велѣно «надъ воры и надъ города промышляти и измѣнниковъ приводити».

Ярансніе «воровскіе люди» не теряли, однако же, надежды смутить, въ концѣ концовъ, вятчанъ—и въ началѣ того же апрѣля предпринимаютъ въ этомъ направленіи весьма смѣлую попытку. 9-го апрѣля пріѣхали, съ этою цѣлью, изъ Яранска на Вятку, цѣлыхъ семь эмиссаровъ, именно: сынъ боярскій Никита Ромѣйковъ, ярансній соборный попъ Евдокимъ, казанскій стрѣлецъ Пет-

душка Лукьяновъ, два яранскихъ стрѣльца, да два „писчика“, изъ которыхъ одинъ оказался соборнымъ дьячкомъ, по имени—Павликъ Мокѣевъ. Заявившись на Вятку, эта честная компанія объявила, что прислана изъ Яранска приводить вятичей къ крестному цѣлованію царю Димитрію. Надо полагать, что яранскіе посланники встрѣтили на Вяткѣ не особенно дружелюбный пріемъ, такъ какъ они не замедлили объявить «передъ всѣмъ міромъ», что ихъ послали изъ Яранска «неволею», а дьячекъ Павликъ добавилъ лично отъ себя, что онъ и въ Яранскѣ креста Самозванцу не цѣловалъ, но во всемъ прямилъ царю Василію, при чемъ приплелъ цѣлую исторію о своей твердости и вѣрности Москвѣ. Наивные вятичи повѣрили этимъ разсказамъ и распорядились довольно своеобразно: задержавъ всѣхъ эмиссаровъ, они послали двухъ изъ нихъ, попа Евдокима и яранскаго стрѣльца Михалку—на Устюгъ, а другихъ двухъ, дьячка Павлика да казанскаго стрѣльца Лукьянова—въ Пермь, съ тѣмъ, чтобы они были допрошены

въ этихъ городахъ передъ цѣлымъ міромъ и тѣмъ самымъ содѣйствовали «утвержденью и крѣпости» этихъ городовъ, чтобы имъ «никакой воровской смутѣ впередъ не вѣрить». Посланы были эти лица, конечно, за карауломъ, но какимъ путемъ, посылкою ихъ разсчитывали вятичи содѣйствовать укрѣпленію своихъ сосѣдей въ вѣрности Шуйскому—отвѣтить на это довольно мудрено. Отправляя ярапскихъ посланныхъ въ Пермь Великую, вятичи совѣтуютъ пермичамъ стрѣльца Петрушку посадить въ тюрьму, впредь до выясненія его вины, а дьячка Павлика «за его службу и радѣнье»—пристроить «у церкви Божіей». Но сосѣди не оказались очень то довѣрчивыми: на Устюгѣ попа Евдокима и стрѣльца Михалку—повѣсили; пермичи же совсѣмъ отказались принять Павлика и Петрушку, отослали ихъ обратно на Вятку, при чемъ этимъ двумъ «ворамъ» дорогою удалось бѣжать отъ конвоировавшихъ ихъ пушкарей: «И мы потому тѣхъ государевыхъ измѣнниковъ у вашихъ приставовъ не взяли,—пишутъ по этому поводу изъ

Перми на Вятку,—а послали ихъ къ къ вамъ назадъ, что вы такъ *слупили*—измѣнника государева велите у церкви устроить»*).

Смута держалась въ луговомъ заволжьи въ теченіи всего лѣта и осени 1609 года. Къ осени признаки ея вспыхнули и въ Нижегородскомъ краѣ, который, казалось, былъ передъ тѣмъ совершенно умиротворенъ. 12 октября шайка воровскихъ людей сдѣлала нападеніе на Нижній-Новгородъ; ударили всполохъ (въ набатъ) и жители посада спаслись съ своимъ имуществомъ въ кремль. При этомъ не обошлось безъ грабежей, которые производились нижегородскими же стрѣльцами, откуда мы вправѣ заключить, что внутренній порядокъ въ городѣ былъ не особенно то твердъ. Въ числѣ пограбленныхъ оказался слуга боярина и воеводы Ѳ. И. Шереметева (у котораго былъ въ Нижнемъ свой домъ), Индрикъ. До насъ дошла челобитная этого Индрика, изъ которой видно, что воевода Шереметевъ не пользовался въ Нижнемъ-

*) А. Ист. II, № 203; А. А. Э. № 116.

Новгородѣ расположеніемъ лицъ мѣстнаго приказнаго управленія. Въ отвѣтъ на жалобу слуги Шереметева на стрѣлецкаго сотника Баима, не принимавшаго мѣръ къ вознагражденію Индрика за грабежъ, дьякъ Василій Семеновъ замѣтилъ Баиму: «Не съумѣлъ ты этого б.....а сына, холопа Ѳедора Шереметева, на двое разсѣчь»; затѣмъ тотъ же дьякъ Семеновъ, въ соборѣ, открыто «матерны лаялъ» боярина Шереметева, и сказалъ сотнику Баиму: «гдѣ, де, не встрѣтишь съ своими стрѣльцами того Индрика или другихъ холоповъ или крестьянъ Ѳедора Шереметева— грабьте до нага и убивайте до смерти: вины не бойтесь, я за васъ отвѣчаю». Жалоба, поданная по этому поводу Индрикомъ нижегородскимъ воеводамъ, осталась безъ всякаго послѣдствія. Очевидно, что въ нижегородскихъ административныхъ кружкахъ существовала какая то размолвка съ воеводою Шереметевымъ, что, быть можетъ, находилось въ связи съ перемѣною въ личномъ составѣ мѣстнаго управленія; прежняго дѣ-

ятельнаго воеводы А. С. Алябьева— здѣсь теперь уже не было *).

Крайне серьезный характеръ принято мятежное движеніе на югѣ Вятскаго края и на сѣверѣ Казанскаго края въ ноябрѣ 1609 года. Къ Яранску, въ которомъ еще съ весны этого года крѣпко засѣли воровскіе люди, подоспѣли къ этому времени сильныя подкрѣпленія. Сюда собрались «воры и измѣнники, которые были подъ Свіяжскомъ и Чебоксарами» (т. е. тѣ, съ которыми зимою и весною того же года воевали боярин Шереметевъ и казанскіе воеводы), соединившись съ чебоксарскими, козмодемьянскими, царевококшайскими, санчурскими и яранскими стрѣльцами и другими русскими мятежниками. Это скопище, благодаря участію въ немъ, благодаря стрѣльцамъ, регулярныхъ рат-

*) А. А. Э. II, № 142; Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ", II, стр. 175 и сл. Составъ Нижегородского воеводскаго управленія былъ въ это время слѣдующій: князь А. А. Рѣпнинъ (прежній), князь А. М. Львовъ (новый), Д. С. Жедринскій (новый), дьякъ Василій Семеновъ (прежній). Ср. А. И. II, 131.

ныхъ людей—представляло для всего сѣверо-востока весьма серьезную опасность.

Мятежники не замедлили открытіемъ наступательныхъ дѣйствій въ вятскіе предѣлы. 18 ноября подошли они къ окрайному вятскому городу Котельничу и безъ труда взяли этотъ, плохо укрѣпленный и слабо защищаемый, городокъ, посадивъ на колъ стрѣлецкаго сотника Захара Панова. Если вѣрить отпискѣ объ этой катастрофѣ изъ Вятки въ Пермь—взятіе города сопровождалось разнаго рода неистовствами: побѣдители осквернили церкви, обдирали образа, перебили множество народа, грабили жителей и насильничали надъ женщинами. Занявъ Котельничъ, воры стали посылать во всѣ вятскіе города воззванія—«чтобы имъ вся Вятская земля прельстить и къ вору привести». Яранскіе перебѣжчики сообщили на Вятку тревожную вѣсть о томъ, что засѣвшіе въ Котельничѣ мятежники ждутъ къ себѣ отъ Яранска сильное подкрѣпленіе подъ предводительствомъ Петра Бутурлина, и что,

какъ только это подкрѣпленіе прибудетъ, они двинутся на Вятку и Пермь, а затѣмъ, овладѣвъ ими, пойдутъ, всѣми силами, подъ Казань *).

Взятіе Котельнича произвело на Вяткѣ страшный переполохъ. Тотчасъ же во всѣ сосѣдніе города,—Пермь, Соликамскъ, Казань, Вычегду, Великій Устюгъ и др.,—полетѣли гонцы съ грамотами, въ которыхъ вятчане сообщаютъ роковое извѣстіе объ успѣхѣ мятежниковъ и просятъ у городовъ помощи ратными людьми... «И вамъ бы,—пишутъ они, напримѣръ, въ Пермь Великую,—Вятской земли воромъ не поддати, прислати бъ на Вятку ратныхъ многихъ людей, чтобъ вятская земля отъ воровъ до основанія не разорилась; а будетъ,—грозятъ они пермичамъ,—за грѣхи наши Вятка не устоитъ, и вашей Перми то же будетъ».

Всполошился весь сѣверъ и сѣверо-востокъ; въ городахъ этого района вятскія грамоты вызвали полную панику. Города стали списываться

*) А. Ист. II, № 271 (II, VIII).

одинъ съ другимъ, сообщая о своихъ начинаніяхъ, побуждая другъ друга примкнуть къ дѣлу, которое, изъ чисто-вятскаго, грозило сдѣлаться общимъ. «А вѣдаете, господа, и сами,—пишутъ пермичи устюжанамъ:—только, по грѣхамъ, воры вятскою землею завладѣютъ, и Устюжская и Усольская земля и всѣ поморскіе города подошли близко, и крѣпостей немного; и вамъ бы, господа, Вяткѣ и намъ помогати» *)....

Между тѣмъ вятскій воевода князь Михаила Ухтомскій, не ожидая результата вятскихъ посланій въ въ сосѣдніе города, на-скоро собралъ вятскихъ ратныхъ людей и выступилъ съ ними къ городу Орлову, чтобы стать на пути между Котельничемъ и Вяткою. Здѣсь онъ порѣшилъ дождаться сбора городскихъ ополченій; «а сождався съ людьми,—отписываетъ онъ въ сосѣдніе города,—учну надъ воры промышляти, сколько милосердный Богъ помочи подастъ».

Плохо подходили городскія опол-

*) А. Ист. II, № 271 (VI).

ченія на подкрѣпленіе рати князя Михаила Ухтомскаго, расположившагося въ Орловѣ, всего въ какихъ нибудь 50 верстахъ отъ занятаго мятежниками Котельнича. Раньше всѣхъ ополчились и на этотъ разъ сѣверные города. Въ началѣ декабря двинулось на Вятку соликамское ополченіе, собранное по расчету пяти человѣкъ съ сохи; имъ предводительствовалъ посадскій человѣкъ Сава Никитинъ. Вслѣдъ затѣмъ выступило и солевычегодское ополченіе, причемъ въ сѣверные казанскіе городки и волости посланы были съ Вычегды письма, возбранявшія этимъ мѣстамъ быть «всѣмъ наготовѣ» и жить «съ великимъ береженьемъ». Во второй половинѣ декабря двинулось на Вятку устюжское ополченіе; отправляя свое ополченіе, устюжане «посадскіе и волостные земскіе судьи, и старосты, ицѣловальники и всѣ земскіе люди» отправляютъ на Пермь Великую посланіе, въ которомъ убѣдительно склоняютъ пермичей снарядить и отъ себя ополченіе на выручку Вятской земли: „А вѣдайте, господа,—пишутъ имъ устюжане,—только, по грѣхамъ, воры

Вятскою землею завладѣютъ, а Устюжская и Усольская земля и всѣ поморскіе города подошли близко и крѣпостей немного; и вамъ бы, господа, Вяткѣ и намъ помогать" *). Подобнаго же рода увѣщательныя письма шли на Пермь Великую и изъ другихъ городовъ,— но пермичи и на этотъ разъ держатся выжидательной политики: въ то время, какъ сѣверныя ополченія стягивались къ Орлову, они затѣваютъ перекоры съ вятскимъ воеводою княземъ Ухтомскимъ.

Перекоры эти возникли на слѣдующей почвѣ. Около 20-го декабря засѣвшіе въ Котельничѣ воры, заслышавъ про соборъ у Орлова ратныхъ людей, очистили Котельничъ и отступили со всѣми силами своими обратно къ Яранску. Князь Михаило Ухтомскій занялъ Котельничъ, привелъ городъ къ крестному цѣлованію Шуйскому, исправилъ острогъ, нарядилъ городскую осаду и, отпустивъ бывшее съ нимъ ополченіе, оставилъ

---

*) Акты Ист. II. № 271 (III, IV, VI); А. Арх. Эксп. II, № 147.

въ Котельничѣ всего 1000 человѣкъ гарнизона, не предпринявъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій противъ отступившаго непріятеля и давъ ему этимъ возможность снова укрѣпиться въ Яранскѣ. Узнали объ этомъ въ Перми отъ сибирскаго сына боярскаго Василія Тыркова, пріѣхавшаго сюда съ Вятки—и пишутъ отсюда вятичамъ посланіе, полное укоризнъ по адресу князя Ухтомскаго:

«Сказывалъ намъ Василій Тырковъ,—пишутъ пермичи на имя «господъ Вятскія земли земскихъ людей»,—что въ Котельничѣ у государевыхъ измѣнниковъ было всего 1400 человѣкъ, а у князя Михайлы Ухтомскаго было, де, въ сборѣ ратныхъ людей 12 тысячъ,—и съ такимъ собраніемъ мочно было всячески промышлять надъ государевыми измѣнниками. И то намъ кажется,—продолжаютъ пермичи,—что тотъ князь Михайла нарочно измѣнниковъ изъ Котельнича упустилъ и за ними не погнался, а съ Вятки (изъ Орлова) до Котельнича ѣздятъ въ одну ночь; Коринскіе татары и онъ, Василій

Тырковъ, просились, де, на измѣнниковъ, а князь Михайла ихъ не пустилъ. И вы бы, господа,—заключаетъ пермское посланіе,—на ту князя Михайлову *дурость* не смотрѣли и всѣмъ ратнымъ людямъ вятскимъ велѣли быть въ сборѣ». При этомъ пермичи просятъ вятичей отписать имъ: много ли укрѣпилось въ Яранскѣ воровскихъ людей и что ихъ воровская дума? «И мы,—пишутъ они,—по той вашей отпискѣ тотчасъ со всѣми пермскими ратными людьми къ вамъ будемъ и на тѣхъ государевыхъ измѣнниковъ подъ Яранскъ пойдемъ».

Пермская отписка не осталась безъ отвѣта со стороны вятичей: «Писали вы къ намъ самою глупостью, да не только что глупостью, а—пьянствомъ; видите наше разоренье, держите въ сборѣ ратныхъ людей, а къ намъ ихъ не посылаете; да и тѣхъ, которыхъ было отправили, съ дороги вернули. А мы на вашу глупость не смотримъ—помнимъ Бога, свои души и государево крестное цѣлованье. Вы же рады христіанскому кровопролитью и разо-

ренію: и вы себѣ сами предатели, и вамъ бы отъ своей глупости погибнуть»... Укоряя, далѣе, пермичей примѣромъ устюжанъ и сольвычегодцевъ, не замедлившихъ присылкою своихъ ополченій, вятичи заканчиваютъ свое посланіе слѣдующимъ комплиментомъ: «А что вамъ сказывалъ Василій Тырковъ, и вы тому плутанью вѣрите, а намъ не вѣрите: и вамъ бы самимъ такимъ пьянымъ всегда быть, какимъ пьянымъ былъ на Вяткѣ тотъ Василій Тырковъ» *).

Если, на почвѣ Яранской смуты, пермичи хотя перебранивались съ вятичами, то казанцы к этого не дѣлали: Казань проявляетъ въ вятскихъ дѣлахъ такой же индифферентизмъ, какой проявила она весною 1609-го года въ движеніи городовъ на выручку верхняго Поволжья Быть можетъ, впрочемъ, и не имѣемъ мы права строго судить за это казанцевъ: дѣло въ томъ, что и въ нхъ предѣлахъ было въ концѣ 1609-го и въ нача-

*) Акты Ист. II, № 271 (VIII); А. Арх. Экси. II, № 149.

лѣ 1610-го года далеко не благополучно. Это видно изъ переписки казанскихъ воеводъ съ воеводами вятскими. Въ январѣ 1610-го года яранскія дѣла осложнились: къ засѣвшимъ въ Яранскѣ воровскимъ людямъ явилась подмога изъ Козмодемьянска, въ лицѣ 800 мятежныхъ ратныхъ людей; по всей дорогѣ къ Яранску учреждены были заставы изъ воровской черемисы. Задумавъ предпринять противъ Яранска наступательныя дѣйствія, вятскій воевода князь Михаило Ухтомскій обратился къ казанскимъ воеводамъ 8 января съ просьбою о подмогѣ, прося прислать къ нему на Вятку служилыхъ людей съ «вогненнымъ боемъ», такъ какъ на Вяткѣ огнестрѣльнаго оружія, де, нѣтъ. Казанскіе воеводы пишутъ въ отвѣтъ на эту просьбу, что не могли отправить къ нимъ подмоги, такъ какъ должны были послать своихъ ратныхъ людей подъ Тетюши, гдѣ, какъ можно заключить изъ этого, было неладно; очевидно, что, съ самаго ухода изъ подъ Казани боярина и воеводы Ѳ. И. Шереметева, мятежъ упорно держался на нагор-

ной сторонѣ казанскаго Поволжья. Грозила казанскимъ воеводамъ опасность и съ другой стороны: перебѣжчики принесли вѣсть, что государевъ измѣнникъ князь Романъ Троекуровъ пришелъ въ Чебоксары и сбираетъ здѣсь чувашу и черемису, съ тѣмъ чтобы идти съ «нарядомъ», т. е. съ артиллеріею, подъ Свіяжскъ, угрожая, такимъ образомъ, самой Казани. «И если будетъ намъ вѣсть,— пишутъ по этому поводу на Вятку казанскіе воеводы,— что воровскіе люди къ Свіяжску не пойдутъ, а пойдутъ подъ Ярансъ или на Вятку—и мы къ вамъ тогда людей пришлемъ». Ясно, такимъ образомъ, что казанскіе города Тетюши, Чебоксары и Козмодемьянскъ—были въ началѣ января 1610-го года въ районѣ мятежа; держался на нагорной сторонѣ лишь Свіяжскъ, городъ сильно укрѣпленный съ точки зрѣнія фортификаціи того времени *).

Мы не имѣемъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ движеніи смуты въ Вятской землѣ въ первой половинѣ 1610-го

*) А. Арх. Эксп. II, № 157.

года. Несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, что она не была прекращена, такъ какъ мы снова встрѣчаемся здѣсь съ нею въ началѣ осени того же 1610-го года.

* * *

Но оставимъ, на время, приволжскій сѣверо-востокъ,—тѣмъ болѣе, что источники ничего почти не сообщаютъ намъ объ немъ до самаго конца лѣта 1610-го года,—и обратимся къ московскимъ дѣламъ. 1610-й годъ отмѣченъ здѣсь событіями первостепенной важности.

Еще въ концѣ 1609-го года (27-го декабря) Самозванецъ, встревоженный возникшими въ его подмосковномъ станѣ смутами, бѣжалъ изъ Тушина въ Калугу. Изъ Москвы пущенъ былъ слухъ, будто бы онъ убитъ литовскими людьми. По городамъ полетѣли грамоты, въ которыхъ населеніе призывалось служить по этому поводу молебны. Города стали передавать одинъ другому эту радостную вѣсть: «Января 13-го дня писали ко мнѣ изъ полковъ бояре и воеводы князь Михайло Ва-

сильевичъ Шуйскій съ товарищами, —отписываетъ по этому поводу на Пермь устюжскій воевода Стрѣшневъ,—что въ большихъ таборахъ воръ, который назывался государевымъ именемъ, погибъ со всѣми своими совѣтниками. Писали мы объ этомъ и на Вятку, и въ Казань, и на Двину, и въ Соли Вычегодской, и въ Сибирь, а сами здѣсь, на Устюгѣ, воздали хвалу Богу, собравшись въ соборную церковь... И вамъ, слыша такое величіе Божіе, также воздать бы хвалу въ Троицѣ славимому Богу». Этотъ ложный слухъ о гибели Самозванца едва ли не умышленно разнесенъ былъ изъ Москвы, съ цѣлью поднятія въ областяхъ духа.

Между тѣмъ, опасность стала грозить царю Василію съ другой стороны: подъ Смоленскомъ стоялъ польскій король Сигизмундъ, еще въ предшествовавшемъ 1609-мъ году объявившій Россіи войну и съ сентября мѣсяца осаждавшій этотъ городъ. Правда, что появленіе въ русскихъ предѣлахъ польскаго короля способствовало нестроеніямъ и раздорамъ

въ Тушинскомъ лагерѣ, результатомъ которыхъ явилось бѣгство отсюда Самозванца; но за то теперь тушинцы, лишившись своего «царька», обратились къ Сигизмунду, призывая на московскій престолъ его сына, королевича Владислава. 31-го февраля представлялись подъ Смоленскомъ королю депутаты отъ русскихъ тушинцевъ, а 4-го февраля были написаны условія, въ силу которыхъ королевичъ Владиславъ призывался на престолъ. Передались королю и польскіе тушинцы, а въ началѣ марта однимъ изъ предводителей послѣднихъ, Рожинскимъ, былъ сожженъ и самый тушинскій станъ.

Уничтоженіе Тушина не могло успокоить царя Василія. Тушинскій воръ сидѣлъ въ Калугѣ, снова подкрѣпляемый шайками казаковъ, а подъ Смоленскомъ стоялъ новый, еще болѣе опасный для Шуйскаго врагъ, сына котораго уже звали въ Москву принять царскую державу. Не могло утѣшить Шуйскаго и снятіе Сапѣгою 12-го января осады Троице-Сергіевой лавры; не надолго порадовало его и вступленіе въ Москву 12 мар-

та князя М. В. Скопина—Шуйскаго съ Делагарди, тѣмъ болѣе, что этотъ молодой воевода, на котораго приверженцы Шуйскаго возлагали такія большія надежды, скоропостижно скончался 23-го апрѣля, какъ толковали современники—отъ отравы.

Дни царствованія Василія Шуйскаго были уже сочтены. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1610-го года послѣдовала роковая развязка его „безвременнаго“ державства. Давно уже таилось въ народѣ недовольство Шуйскимъ. Въ Москвѣ и по городамъ стали открыто говорить, что царь Василій вступилъ на престолъ «безъ вѣдома земли», что онъ «не любъ» на престолѣ, что изъ за него земля раздѣлилась, пошли смуты и усобицы, напрасно льется кровь христіанская... Наконецъ, 17-го іюля, по иниціативѣ Захара Ляпунова и его единомышленниковъ, рѣшено было низложеніе Шуйскаго. Въ этотъ день у Серпуховскихъ воротъ, за Москвою-рѣкою, собралось народное скопище и, не смотря на горячіе протесты патріарха Гермогена, рѣшено было бить царю Василію челомъ, что

бы онъ оставилъ царство. При этомъ была прочтена грамота, присланная „къ всѣмъ міру“ изъ полковъ, дѣйствовавшихъ противъ поляковъ, въ которыхъ находившіеся въ этихъ полкахъ разные люди различныхъ городовъ выражали протестъ противъ Шуйскаго, заявляя, что его «одною Москвою выбрали на царство, а иные де города того не вѣдали, и князь (sic) Василій Шуйскій намъ на царствѣ не любъ, и его де ради кровь льется и земля не умирится». На этомъ же народномъ собраніи постановлено «выбрать государя всею землею, сослався со всѣми городами», а до тѣхъ поръ поручить вѣдомые государства боярину князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому съ товарищами *). Такъ пала 17 іюля власть Шуйскаго, а черезъ два дня (19 іюля) бывшій царь былъ уже насильно постриженъ въ монашество.

Вслѣдъ за низложеніемъ Шуйскаго разосланы были по всѣмъ городамъ

*) А. Арх. Экси. II, №№ 162, 169; Акты Ист. II, № 287.

извѣстительныя о томъ грамоты, съ увѣщаніемъ не приставать къ вору, «который называется царевичемъ Дмитріемъ», и крѣпко и за-одно стоять за государство до тѣхъ поръ, пока выбранъ будетъ, всею землею, новый государь—«кого Богъ дастъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ были разосланы записи, по которымъ города должны были цѣловать крестъ боярамъ-правителямъ, князю Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищами; въ этихъ записяхъ дается клятвенное обѣщаніе слушаться правителей, любить судъ ихъ, стоять за нихъ противъ измѣнниковъ и биться за нихъ до смерти, не передаваться на сторону вора—«кто называется царевичемъ Дмитріемъ», не вступать въ раздоры и усобицы между собою, не убивать, не грабить и т. п. *).

Русскія области отнеслись къ паденію Шуйскаго совершенно индифферентно. Только одинъ голосъ раздался въ защиту правъ низложеннаго царя: то былъ голосъ бывшаго ка-

*) А. Арх. Экс. II, №№ 162; Собр. Гос. Гр. и Дог. II, №№ 197 и 198; Акты Ист. II, № 287.

занскаго приходскаго попа, затѣмъ казанскаго же митрополита, а теперь всероссійскаго патріарха—Гермогена. До насъ дошли два воззванія этого іерарха къ русскому народу, въ которыхъ Гермогенъ доказываетъ законность царствованія Шуйскаго и силится разбить обвиненіе въ невсенародномъ избраніи его на царство тѣмъ доводомъ, что „доголѣ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никоторые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ“.... Но краснорѣчіе патріарха уже не въ силахъ было возвратить Шуйскому престолъ; съ наступленіемъ осени бывшій царь отвезенъ былъ изъ Москвы, гдѣ онъ такъ недавно еще властвовалъ и которая теперь уже занята была поляками,—въ Варшаву, вмѣстѣ съ другими плѣнниками.

Рѣшеніе народнаго собранья, низложившаго Шуйскаго, избрать новаго царя, «сослався съ иными городами», т. е. созвавъ для этой цѣли земскій соборъ, не могло быть немедленно приведено въ исполненіе:

земля еще не была умиротворена, розни и смуты продолжали раздирать русскія области. Началась эпоха междуцарствія. Теперь, съ устраненіемъ отъ престола Василія Шуйскаго, естественно поднялись шансы на него для королевича Владислава. Признанный еще въ концѣ зимы тушинцами, Владиславъ признается теперь и Москвою: 17 августа были подписаны условія о признаніи его царемъ Московскимъ, а 27 августа Москва уже приносила новому царю крестное цѣлованіе. Между тѣмъ, въ ожиданіи окончанія продолжавшихся по этому поводу переговоровъ, бояре-правители открыли полякамъ ворота столицы: въ ночь на 21 сентября поляки, подъ предводительствомъ гетмана Жолкѣвскаго, вступили въ Москву и заняли древнюю русскую столицу. Такъ, повидимому, распадалось московское народное рѣшеніе: свергнувъ Шуйскаго, избрать новаго царя изволеніемъ всего русскаго народа.

Не успѣли города присягнуть боярамъ-правителямъ, какъ пришли къ нимъ изъ Москвы грамоты съ

требованіемъ новаго крестнаго цѣлованія—королевичу Владиславу; при извѣстительныхъ грамотахъ о совершившемся принятіи королевича были разосланы и крестоцѣловальныя записи. До насъ дошла извѣстительная грамота этого рода отъ 30 августа, присланная изъ Москвы, отъ бояръ-правителей «и всѣхъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей», въ Казань, на имя мѣстныхъ воеводъ и всего населенія Казанскаго царства. Въ этой грамотѣ подробно излагаются основанія соглашенія, состоявшагося между Москвою и королевичемъ Владиславомъ, причемъ правители особенно стараются подчеркнуть то обстоятельство, что условіями соглашенія вполнѣ гарантируется неприкосновенность православія, національности и существующаго строя Московскаго государства. „И вамъ бы,—читаемъ въ этой грамотѣ,—по присланной записи королевичу Владиславу крестъ цѣловать, а также привести въ шерти (присягѣ) князей, мурзъ, татаръ служилыхъ, и ясачныхъ чувашъ, и черемису и вотяковъ». Для приведенія

къ присягѣ татаръ и инородцевъ присланы были въ Казань крестоцѣловальныя записи, написанныя на татарскомъ языкѣ: «И вамъ,—говорится въ той же грамотѣ,—эти записи отдать казанскимъ татарамъ—самимъ, а въ города казанскіе разослать ихъ съ надежными людьми; при приведеніи же татаръ къ присягѣ стараться обнадеживать ихъ жалованьемъ» *)....

* * *

Въ то время, какъ въ Москвѣ велись разсужденія и переговоры о признаніи королевича Владислава и принимались мѣры къ склоненію на его сторону городовъ, сѣверскіе украйные города держали сторону бывшаго Тушинскаго вора, а приволжскій сѣверо-востокъ продолжалъ бороться съ внутреннею смутою.

Возвратимся къ этому сѣверо-востоку. Смуты осени 1609-го года и

---

*) А. Арх. Эксп. II, № 165. См. также: А. А. Э. II, № 164; Собр. Гос. Гр. и Дог. II, №№ 202 и 203.

зимы 1609—1610 г. очевидно не прекращались здѣсь въ теченіи всей весны и лѣта 1610-го года. По крайней мѣрѣ, осень этого года застаетъ Вятскій и Казанскій край въ состояніи прежняго броженія. Нагорная сторона казанскаго Поволжья—Чебоксары и Козмодемьянскъ, —а также и Кокшайская луговая сторона продолжали оставаться во власти мятежа. Въ началѣ сентября въ Казани получены были свѣдѣнія, что изъ Чебоксаръ выступило по направленію къ Яранску, все еще занятому мятежниками, до пяти сотъ воровскихъ казаковъ и стрѣльцовъ; объ этомъ 5 числа сказали на распросѣ чебоксарскіе перебѣжчики. Казанскіе воеводы дали знать объ этомъ на Вятку. Вслѣдъ затѣмъ получено было на Вяткѣ изъ Уржума извѣстіе, что къ Яранску подошло изъ Чебоксаръ уже 700 русскихъ мятежниковъ, казаковъ и стрѣльцовъ, да что слѣдомъ за ними будутъ сюда же «головами», т. е. поголовно, черемисы изъ Чебоксарскаго, Козмодемьянскаго и Кокшайскаго уѣздовъ. На Вяткѣ сдѣлался переполохъ; вя-

тичи, по обыкновенію, снова обращаются за помощью къ своимъ сосѣдямъ, пермичамъ убѣждая ихъ прислать ратныхъ людей; пермичи, также по обыкновенію, отвѣчаютъ имъ, что они уже сбираютъ ратныхъ людей и отписали о томъ же на Лозву, Вишеру и Сылву, да дали знать вогуличамъ и остякамъ—«и какъ, де, тѣ вогуличи и остяки въ Пермь придутъ, и мы къ вамъ ратныхъ людей съ ними пошлемъ тотчасъ». Словомъ—повторяется старая исторія, характеризующая собою взаимныя отношенія между Вяткою и Пермью за это время: мольбы о помощи—съ одной стороны, платоническое обѣщаніе скорой поддержки—съ другой стороны.

Казань и на этотъ разъ продолжаетъ сохранять нейтральное отношеніе къ событіямъ въ окружающихъ ее областяхъ. Она извѣщаетъ Вятку о движеніяхъ въ ея предѣлы скопищъ изъ своихъ мятежныхъ уѣздовъ—и этимъ ограничиваетъ все свое активное участіе въ дѣлѣ. Было ли это дѣйствительною невозможностью помочь своей близкой сосѣдкѣ, въ

виду смуты въ собственныхъ предѣлахъ и необходимости охранять Казань,—этотъ опорный пунктъ владычества надъ краемъ; было ли это результатомъ индифферентизма къ дѣлу; было ли это, наконецъ, отраженіемъ внутреннихъ раздоровъ между лицами казанскаго воеводскаго управленія—трудно дать отвѣтъ на всѣ эти вопросы.

Несомнѣнно, однако, то, что среди персонала казанскаго воеводскаго управленія — господствовало далеко не идеальное согласіе. На почвѣ этого несогласія разыгрались въ Казани кровавыя событія, которыми ознаменовалось здѣсь начало слѣдующаго 1611-го года.

Конецъ 1610 года ознаменовался крайне важнымъ событіемъ, которому суждено было дать совершенно новый толчекъ движенію смутнаго времени; въ первой половинѣ декабря этого года погибъ Самозванецъ, во имя котораго уже болѣе четырехъ лѣтъ мутилась и раздиралась усобицами русская земля.

Мы знаемъ, что еще въ декабрѣ 1609 года Самозванецъ бѣжалъ изъ

Тушина въ Калугу, гдѣ онъ и оставался до самой своей гибели, собирая вокругъ себя новыя толпы казаковъ, татаръ и всякаго сброда, съ которыми онъ въ августѣ 1610 г. предпринялъ было неудачную попытку прорваться въ Москву. Въ числѣ лицъ, отпавшихъ отъ бывшаго тушинскаго вора, находился и царь Касимовскій Уразъ-Махметъ, сынъ котораго оставался въ станѣ Самозванца. Въ концѣ 1610 года Уразъ-Махметъ пріѣхалъ изъ подъ—Москвы въ Калугу повидаться съ сыномъ; Самозванецъ, не долго думая, приказалъ утопить его въ рѣкѣ Окѣ, а крещенаго ногайскаго князя Петра Урусова, также заподозрѣннаго въ измѣнѣ, бросилъ въ тюрьму, откуда онъ былъ, впрочемъ, скоро выпущенъ, снова войдя въ довѣріе къ «царику». Но коварный планъ мести уже былъ составленъ Урусовымъ. Сговорившись съ товарищами, онъ 11-го декабря выманилъ Самозванца, подъ предлогомъ охоты на зайцевъ, за городъ, и съ словами: «Я покажу тебѣ, какъ топить царей и сажать въ тюрьму князей!»—застрѣлилъ его;

затѣмъ, отрубивъ бывшему своему «царику» голову, татары ускакали въ степь.

Извѣстіе о гибели вора, принесенное въ Калугу однимъ изъ шутовъ его, произвело здѣсь переполохъ. Марина бѣгала по городу, возбуждая калужанъ и казаковъ къ мести; всѣ находившіеся въ Калугѣ татары были вырѣзаны, а трупъ Самозванца, принесенный въ городъ, былъ съ царскими почестями погребенъ въ соборной церкви. Между тѣмъ Марина, находившаяся въ это время въ послѣдней степени беременности, вскорѣ разрѣшилась сыномъ, котораго окрестили Іоанномъ (въ честь его мнимаго дѣда) и стали называть «царевичемъ»,—что не могло, тѣмъ не менѣе, избавить калужанъ отъ подневольной необходимости цѣловать крестъ Владиславу.

Такъ погибъ Самозванецъ, въ лицѣ котораго имя «царевича Димитрія»—поставило вверхъ дномъ весь нормальный ходъ русской государственной и общественной жизни. Теперь «остася только сука со единымъ щенятемъ»—говоритъ Авра-

амій Палицынъ, разумѣя здѣсь Марину съ новорожденнымъ «царевичемъ Іоанномъ».

Гибель Самозванца имѣла громадное значеніе. Несомнѣнно то, что главари движенія смуты 1606—1610 годовъ отлично знали, что человѣкъ, за дѣло котораго они ополчаются—воръ; народныя же массы только слѣпо, какъ стихійная сила, шли вслѣдъ за ними. Мало кто задавался критическимъ разсужденіемъ на тему о томъ—кто такой былъ, въ дѣйствительности, этотъ смѣлый сѣверскій выходецъ, назвавшійся именемъ сына Грознаго. Онъ былъ знаменемъ, которое сосредоточивало вокругъ себя протестующіе элементы—и этого было достаточно, въ этомъ коренились причины невѣроятныхъ успѣховъ тушинскаго вора. Сначала Самозванца выдвигали впередъ, въ качествѣ соперника нелюбимаго землею царя Василія; въ 1610 году, съ паденіемъ Шуйскаго, онъ былъ выставленъ въ качествѣ спасительнаго оплота противъ Владислава, поляковъ и католицизма. Теперь, съ гибелью Самозванца, имѣется на лицо

лишь одинъ претендентъ на московскій престолъ, которому почти вся земля уже и крестъ цѣловала,—если не принимать въ расчетъ царя in spe, «кого Богъ на престолъ россійскаго царства дастъ», кого «великихъ чиновъ люди московскаго государства оберутъ»,—будущаго, избраннаго изволеніемъ всей земли, царя, идея котораго еще смутно носилась въ сознаніи современнаго общества.

Ясно, что русской землѣ представлялось теперь два пути: или примкнуть къ дѣлу Владислава и признать его своимъ царемъ, или протестовать противъ избранія польскаго королевича и, сконцентрировавъ всѣ земскія силы, очистить Москву отъ засѣвшихъ въ ней поляковъ. Русская земщина, какъ мы это ниже увидимъ, пошла по второму пути. Тотчасъ же послѣ смерти Самозванца, въ отдѣльныхъ областяхъ возгорается агитація противъ Владислава и поляковъ, агитаціякоторая вскорѣ разражается извѣстнымъ обще-земскимъ движеніемъ 1611—1612 годовъ. Но объ этомъ—послѣ.

Вѣсть о гибели Самозванца не

скоро достигла заволжскаго сѣверо-востока. Да и въ Москвѣ не такъ то скоро узнали объ этой катастрофѣ; весьма вѣроятно, что калужане не торопились выпустить за предѣлы города извѣстіе о смерти своего «царика».

Въ Казани въ первой половинѣ апрѣля 1611 года еще ничего не было, по крайней мѣрѣ, извѣстно о калужскихъ событіяхъ. Но зато въ самомъ началѣ этого мѣсяца стало здѣсь вѣдомо о нестроеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Москвѣ. 7 января пріѣхалъ въ Казань изъ Москвы дьякъ Аѳанасій Евдокимовъ, присланный сюда, по всей вѣроятности, отъ московской антипольской партіи, во главѣ которой стоялъ патріархъ Гермогенъ, бывшій раньше казанскимъ митрополитомъ *). Неутѣшительныя вѣсти сообщилъ здѣсь московскій посланецъ передъ лицомъ митрополита Ефрема, воеводъ и дру-

*) Этотъ самый дьякъ Аѳанасій Евдокимовъ, послѣ окончанія смутнаго времени, именно въ 1614 году, былъ вторымъ дьякомъ Приказа Казанскаго Дворца (см. А. И. III, № 7).

гихъ казанскихъ начальныхъ и жилецкихъ людей: «Въ Москвѣ,—сказывалъ дьякъ Евдокимовъ,—всѣмъ завладѣли поляки. Въ совѣтѣ бояръ-правителей засѣдаетъ панъ Александръ Гасецкій, принявшій званіе «старосты московскаго»; онъ поселился въ Кремлѣ, во дворѣ, бывшемъ Бориса Годунова, куда и являются къ нему съ докладами дьяки. Да и другіе польскіе и литовскіе люди поселились въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ, сильно укрѣпивъ ихъ пушками и выславъ отсюда русскихъ людей; по городу разъѣзжаютъ польскіе патрули, запрещающіе русскимъ людямъ показываться на улицахъ рано утромъ и поздно вечеромъ. Несочувствующіе полякамъ бояре сидятъ подъ карауломъ, а передъ Николинымъ днемъ совершено было насиліе надъ патріархомъ: бояре Ѳ. И. Мстиславскій и другіе сторонники Самозванца требовали отъ него, что бы онъ благословилъ москвичей цѣловать крестъ польскому королю, а когда патріархъ отказалъ имъ въ этомъ, они хотѣли, де, его зарѣзать; патріархъ же собралъ народъ въ со-

борной церкви и здѣсь убѣждалъ его не приносить королю крестнаго цѣлованія. Весь московскій народъ «скорбитъ», — продолжалъ Евдокимовъ,—что его неволею принуждаютъ цѣловать королю крестъ. Въ городѣ—уныніе; въ приказахъ остановилось дѣлопроизводство, въ рядахъ прекратилась торговля»...

Источники не сообщаютъ намъ подробностей о томъ, какъ было принято казанцами сообщеніе дьяка Евдокимова о московскихъ событіяхъ. Извѣстно только то, что на почвѣ этого сообщенія началась среди казанцевъ смута. Раздались голоса о необходимости теперь, когда Москва отдается боярами во власть поляковъ, цѣловать крестъ царю Димитрію Ивановичу. Были мнѣнія и противъ этого предложенія; во главѣ казанцевъ, протестовавшихъ противъ присяги Самозванцу,—о смерти котораго еще ничего не было извѣстно въ Казани,—сталъ второй казанскій воевода, бояринъ Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Партія приверженцевъ Самозванца осилила. На-скоро составлена была крестоприводная

запись на вѣрность мнимому царю Димитрію, начинавшаяся слѣдующими словами: «Цѣлую крестъ государю своему царю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Русіи, что намъ ему, государю своему, во вѣки служити и прямити и добра хотѣти во всемъ, какъ и прироженнымъ государямъ царямъ, царямъ и великимъ князьямъ всея Русіи; а лиха ему, государю своему, намъ не хотѣти, ни мыслити, ни думати»... Далѣе казанцы клянутся никого «не хотѣти», помимо царя Димитрія Ивановича, на престолѣ московскаго государства—ни изъ московскихъ людей, ни изъ польскихъ людей, не слушаться его враговъ и биться съ ними «до смерти»; жить между собою въ миру, другъ друга не убивать, не грабить и никакого другъ другу «лиха» не хотѣть; во всемъ, впредь до государева указа, слушаться своихъ воеводъ и т. п.

7-го января начался приводъ, по этой записи, казанцевъ къ крестному цѣлованью. „И воевода Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій,—повѣствуетъ Никоновская лѣтопись,—началъ уго-

варивать и укрѣплять казанцевъ, чтобы они вору креста не цѣловали, а цѣловали бы крестъ тому, кто будетъ избранъ въ будущемъ царемъ на московское государство". Въ городѣ вспыхнула усобица. Одна часть жителей стояла за дьяка казанскаго воеводскаго управленія, Никанора Шульгина, державшаго сторону Самозванца; другая и, конечно, меньшая часть казанцевъ стала на сторонѣ Богдана Бѣльскаго. «Дьякъ же Никаноръ Шульгинъ,—продолжаетъ та же лѣтопись,—умысля съ тѣми ворами, повелѣлъ убить Богдана». *) Несчастнаго воеводу взвели на верхъ башни и оттуда сбросили внизъ. Такъ окончилъ въ Казани свои дни этотъ сподвижникъ и любимецъ грознаго царя.

Нельзя предположить, чтобы воевода Бѣльскій былъ единственною кровавою жертвою казанскихъ событій января 1611-го года. Здѣсь, очевидно, имѣла мѣсто ожесточенная распря, побѣда въ которой ос-

*) Никоновская Лѣтоп., часть VIII, стр. 150.

талась за партіею Никанора Шульгина. Намъ удалось отыскать въ одномъ актѣ позднѣйшаго времени (1632 г.) совершенно случайное указаніе на то, что въ январѣ 1611-го года, вмѣстѣ съ Богданомъ Яковлевичемъ Бѣльскимъ, былъ убитъ въ Казани, «съ раската», одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и ратныхъ начальныхъ людей, Ѳедоръ Захарьевъ Люткинъ; впослѣдствіи сынъ убитаго, Андрей Люткинъ «по обѣщанію своему»,—быть можетъ именно въ память мученической смерти своего отца,—выстроилъ въ Казани существующую здѣсь и понынѣ церковь во имя Вознесенія Господня, а черезъ нѣсколько лѣтъ, при ней же, поставилъ церковь во имя Знаменія Пресв. Богородицы, съ придѣлами во имя трехъ казанскихъ чудотворцевъ *).

Много загадочнаго и съ трудомъ поддающагося исторической критикѣ

*) Акты Юридич., изд. Арх. Комм., №№ 166 и 380. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Волжскаго Вѣстника“ мы надѣемся сообщить нѣсколько подробностей объ упоминаемомъ здѣсь казанскомъ служиломъ родѣ Люткиныхъ.

представляютъ въ себѣ только что описанныя нами казанскія событія. Прежде всего: почему Казань, не примыкавшая къ Самозванцу въ предшествовавшіе годы,—даже въ тѣ годы, когда успѣхъ его былъ колоссаленъ и когда почти вся Россія стояла на его сторонѣ,—теперь признала его царемъ и цѣловала ему крестъ? Намъ скажутъ, что дьякъ Шульгинъ и его партія видѣли въ признаніи Самозванца царемъ единственное средство поставить въ его лицѣ противовѣсъ московской польской партіи и притязаніямъ короля Сигизмунда и его сына, а вмѣстѣ съ тѣмъ спасти подверженныя опасности православіе и національность, — о чемъ такъ ярко живописалъ московскій дьякъ Аѳанасій Евдокимовъ; что въ признаніи Самозванца—казанцы видѣли лучшій изъ двухъ возможныхъ выходовъ; что они могли видѣть въ этомъ признаніи оправдываемое цѣлью средство. Такое объясненіе казанскихъ январьскихъ событій можно было бы принять, если бы оно согласовывалось съ другими фактами казанской исторіи

смутнаго времени. Но этого то именно и нѣтъ. Русская земля, кромѣ двухъ выходовъ изъ современнаго положенія вещей,—то есть необходимости подчиниться Сигизмунду или необходимости отпасть отъ Москвы,—нашла еще третій выходъ; оставить раздоры, забыть пятилѣтнюю рознь и, совокупивъ всѣ земскія силы, идти на выручку Москвы. Русская земля, за исключеніемъ немногихъ областей, такъ и поступила. Но тутъ то мы и видимъ, что въ числѣ этихъ немногихъ областей, не примкнувшихъ къ общеземскому русскому дѣлу, оказался и Казанскій край: онъ совершенно отсутствуетъ въ знаменательномъ земскомъ движеніи 1611-го—1612-го годовъ, а если и принималъ въ немъ участіе, то развѣ только для того, чтобы тормозить общее дѣло; мы видѣли, впрочемъ, тотъ крайній индифферентизмъ, съ которымъ относился Казанскій край къ обще-русскому дѣлу и въ предшествовавшіе смутные годы, справедливо вызывая по отношенію къ казанцамъ подозрѣнія въ «шаткости».

Несомнѣнно, что душою казанской смуты января 1611-го года и виновникомъ убійства Богдана Бѣльскаго и другихъ сторонниковъ этого послѣдняго явился дьякъ Никаноръ Шульгинъ; это подтверждается какъ свидѣтельствомъ современныхъ источниковъ, такъ и тою ролью, какую довелось играть этому, очевидно, ловкому и честолюбивому человѣку и въ позднѣйшихъ казанскихъ событіяхъ 1612-го — 1613-хъ годовъ. Стойкій Бѣльскій, въ свое время признавшій за истиннаго царевича Дмитрія человѣка, названнаго современниками Гришкою Отрепьевымъ, конечно уже не могъ признать за таковаго же тушинскаго вора. Между тѣмъ, дьякъ Шульгинъ расчитывалъ воспользоваться именемъ Дмитрія для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей, которыя шли въ разрѣзъ съ идеею государственнаго единства и съ тѣмъ обще-земскимъ движеніемъ, которое проявляется въ русскихъ областяхъ съ конца 1610-го года. Бѣльскій стоялъ Шульгину поперекъ дороги; его нужно было спихнуть съ этой дороги—и эта цѣль

была достигнута въ январѣ 1611-го года. Въ теченіи лѣта того же года мало по-малу исчезаетъ съ казанскаго горизонта и оставшійся воевода, молодой карьеристъ Василій Петровичъ Морозовъ—и съ конца лѣта 1611-го года мы видимъ Никанора Шульгина въ положеніи, близкомъ къ роли диктатора Казани.

Какія же цѣли преслѣдовалъ Никаноръ Шульгинъ и его единомышленники? Эти цѣли стоятъ для насъ внѣ всякаго сомнѣнія: онѣ были чисто сепаратическія. Этотъ сепаратизмъ выражался въ стремленіи создать, при посредствѣ персидскаго шаха, казаковъ и мусульманскаго населенія края, особое понизовое государство подъ главенствомъ Лжедмитрія; когда же фактъ гибели послѣдняго сталъ извѣстнымъ, тогда знаменемъ, подъ которымъ надѣялись осуществить это стремленіе, былъ выдвинутъ «Маринкинъ сынокъ»,—какъ называли современники нареченнаго «царевича Ивана Дмитріевича».

Мысль уйти въ Астрахань и здѣсь основать новое государство созрѣла

въ умѣ Самозванца послѣ того, какъ ему пришлось убѣдиться въ томъ, что дѣло его подъ Москвою—проиграно. «Мнѣ остается только возложить надежды на турокъ и татаръ; —говорилъ бывшій тушинскій воръ, разочарованный въ своихъ надеждахъ на поляковъ и москвичей;— если не овладѣю Россіею, разворю ее такъ, что она ничего не будетъ стоить... Пока я живъ—не будетъ ей покоя». Вслѣдъ затѣмъ Лжедмитрій отправилъ одного изъ своихъ приверженцевъ, пана Керносицкаго, въ Астрахань. Керносицкій долженъ былъ объявить Астрахани,—которая, подъ управленіемъ мятежнаго воеводы князя Хворостинина, продолжала оставаться вѣрною Самозванцу съ самаго ухода изъ подъ нея въ 1608-мъ г. боярина и воеводы Ѳ. И. Шереметева —что «царь и царица рѣшились избрать своею столицею Астрахань, такъ какъ Москва осквернена присутствіемъ нехристей». *)

*) Мартина Бера: „Лѣтопись Московская“ („Сказаніе о Дмитріи Самозванцѣ“, изд. 1859 г., I, стр. 126).

Толки о замыслахъ Самозванца не могли, конечно, оставаться тайной для понизовыхъ городовъ, которые относились, вообще, съ величайшимъ индифферентизмомъ къ московскимъ событіямъ 1606—1610 годовъ. Не могла не проникнуть вѣсть объ нихъ и въ казанскій край; здѣсь идея Самозванца о новомъ понизовомъ государствѣ нашла себѣ поддержку въ довольно значительной, повидимому, анти-московской партіи, не говоря уже о туземномъ населеніи края, для котораго политическое отдѣленіе отъ московскаго государства не могло не представляться въ заманчивомъ, и полномъ надеждъ на будущее, свѣтѣ.

Слухи о сепаратическихъ тенденціяхъ Казани достигли и до Москвы, —о чемъ бояре-правители и не преминули донести королю Сигизмунду: «Берегитесь того,—пишетъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1611-го года король Сигизмундъ къ управляющимъ государствомъ боярамъ,—чтобы московское государство не раздѣлилось на многія части: псковичи и ивангородцы уже прельщаются за шведскаго

королевича. У васъ же есть слухъ, что Астрахань, уговорившись съ Казанью и другими городами, которые примыкаютъ къ татарской сторонѣ, хотятъ отложиться за персидскаго шаха; и Казань, Астрахань, черемиса и луговые города, и подбѣльскіе и сибирскіе города, и Пермь и Вятка—нашихъ грамотъ не слушаютъ и доходовъ къ Москвѣ не возятъ, и креста сыну нашему королевичу не цѣловали»....

Опасеніе понизоваго сепаратизма еще въ августѣ 1611-го года, когда подъ Москвою уже стояли земскія ополченія подъ предводительствомъ Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго,—среди которыхъ блистало, однако, своимъ отсутствіемъ казанское ополченіе,—продолжало тревожить приверженцевъ обще-земскаго дѣла и, въ томъ числѣ, патріарха Гермогена. Въ августѣ этого года, не обращаясь непосредственно къ казанцамъ, патріархъ Гермогенъ препровождаетъ въ Нижній-Новгородъ посланіе, адресованное на имя мѣстнаго духовенства, воеводъ и «всего міра», въ которомъ проситъ нижегородцевъ отпи-

сать въ Казань, митрополиту Ефрему, чтобы этотъ іерархъ убѣдилъ казанцевъ „крѣпко стоять за вѣру и не звать на царство проклятаго Маринки паньи сынка“. объявилъ имъ, что на такое дѣло нѣтъ его, патріарха Гермогена, благословенья. Разъ потребовалось подобнаго рода увѣщаніе—ясно, что новый претендентъ, малютка «царевичъ Иванъ Димитріевичъ», уже внушалъ по отношенію къ себѣ извѣстнаго рода опасенія. Любопытно, что это патріаршее посланіе направляется не непосредственно въ Казань, но что Гермогенъ прибѣгаетъ къ посредничеству нижегородцевъ; въ посланіи фигурируетъ, наконецъ, лишь митрополитъ казанскій Ефремъ и совершенно игнорируется мѣстное воеводское управленіе, во главѣ котораго сталъ теперь дьякъ Никаноръ Шульгинъ. Отсюда мы вправѣ заключить, что патріархъ Гермогенъ, долго находившійся на служеніи въ Казани и знавшій всѣ казанскія отношенія, не имѣлъ уже никакого довѣрія къ представителямъ мѣстной гражданской власти, надѣясь лишь на духовное вліяніе казанскаго митрополита.

Мысль объ основаніи самостоятельнаго низоваго царства пережила окончаніе междуцарствія. Еще въ 1613 году лелѣялъ ее Заруцкій, приставшій къ Маринѣ и «Маринкину сынку». Засѣвъ съ «царицею» и «царевичемъ» въ Астрахани и отсюда заискивая у ногайскихъ татаръ, онъ съ наступленіемъ весны намѣревался идти съ ними на Самару и Казань. Любопытно, что, одновременно съ этими замыслами, и дьякъ Никаноръ Шульгинъ, какъ мы это въ своемъ мѣстѣ увидимъ, всѣми мѣрами старается удержать казанцевъ отъ крестнаго цѣлованія вновь избранному земскимъ соборомъ царю—Михаилу Ѳеодоровичу Романову.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе отъ послѣдовательнаго изложенія хода событій 1611 года, возвратимся къ казанскимъ дѣламъ.

9 января, какъ мы это уже знаемъ, Казань цѣловала крестъ Самозванцу. Богданъ Бѣльскій и его единомышленники, протестовавшіе противъ этого акта, были преданы смерти. Вслѣдъ за тѣмъ изъ Казани посылается на Вятку грамота, въ

которой казанцы, сообщая вятичамъ о принесенномъ ихъ городомъ «царю Дмитрію Ивановичу» крестномъ цѣлованіи, приглашаютъ и ихъ сдѣлать то же, вступивъ «въ соединенье» съ ними, казанцами, и отписавъ объ этомъ въ вятскіе города, а пока просятъ ихъ воздержаться отъ посылокъ къ Москвѣ всякаго рода денежныхъ сборовъ. Насъ не должно смущать то обстоятельство, что въ этой грамотѣ, въ числѣ другихъ лицъ казанскаго воеводскаго управленія того времени, именно: старшаго воеводы Василія Морозова и дьяковъ Никанора Шульгина и Степана Дичкова,—фигрируетъ еще и имя второго воеводы Богдана Бѣльскаго; очень можетъ быть, что казнь Бѣльскаго послѣдовала уже послѣ отправленія этой грамоты, а легко могло статься и то, что главари смуты умышленно вставили въ грамоту имя Бѣльскаго,—человѣка слишкомъ извѣстнаго на Руси,—не желая дать своимъ сосѣдямъ преждевременно догадаться о расколѣ, совершившемся въ казанскомъ приказномъ мірѣ. При казанской грамотѣ послана бы-

ли и копія съ записи, по которой цѣловали Самозванцу крестъ сами казанцы.

Призывъ казанцевъ не остался безъ дѣйствія. Получивъ казанскую грамоту и крестоцѣловальную запись, вятичи не замедлили присягнуть Самозванцу и, въ свою очередь, отписываютъ о томъ же своимъ сосѣдямъ пермичамъ, препровождая къ нимъ копіи съ казанской грамоты и съ крестоцѣловальной записи. Но пермичи оказались осторожнѣе вятичей: увѣдомивъ ихъ отъ 18 февраля (когда въ Перми уже было, конечно, получено извѣстіе о смерти Самозванца) о полученіи ихъ посланія, они заявляютъ, что прочли это посланіе «во всемъ міру» и отписали о немъ въ Соли-Камской и въ Кай-Городъ; они пишутъ далѣе, что готовы съ казанцами и вятичами «въ соединеньи быти и за православную христіанскую вѣру на раззорителей стояти», просятъ вятичей не прекращать торговыхъ сношеній съ Пермью,—но собственно о присягѣ Самозванцу въ этой отпискѣ не говорится ни слова: очевидно, что пер-

мичи, съ свойственною имъ осторожностью и выжидательною политикою, ловко обошли этотъ щекотливый вопросъ.

Впрочемъ, и казанцы не долго оставались въ невѣдѣніи относительно дѣйствительнаго положенія вещей. Спустя три дня послѣ казни Бѣльскаго, въ Казань пріѣхалъ изъ Калуги нѣкій Алешка Тоузаковъ, съ извѣстіемъ о смерти Самозванца и съ приглашеніемъ быть «въ соединеньи» со всею землею и «стоять всѣмъ за Московское государство».

Дальнѣйшее изложеніе событій 1611 и 1612 года покажетъ намъ, насколько горячо отозвались казанцы на этотъ патріотическій призывъ.

V.

Обще-земское движеніе 1611 года. Участіе въ немъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областей —Отношеніе Казанскаго края къ движенію 1611 года.—Дѣла подъ Москвою. Смерть Прокопія Ляпунова и значеніе этого событія. Новые шаги „Маринкина сынка". —Распаденіе ополченія 1611 года и осенніе смуты.—Новый взрывъ земскаго движенія въ концѣ 1611 и въ началѣ 1612 годовъ — Отношеніе къ этому движенію Казанскаго края. Казанское „воровство".—Смуты весны 1612 года.—Земскія ополченія подъ Москвою. Очищеніе Москвы, земскій соборъ 1613 года и избраніе царя Михаила Ѳеодоровича Романова.—Послѣднее „воровство" казанскаго дьяка Никанора Шульгина.—Умиротвореніе земли и отголоски смутнаго времени въ Поволжьи.—Заключеніе.

Въ то время, какъ въ Казани происходили событія, описанныя нами въ предыдущей главѣ и ознаменовавшіяся присягою Самозванцу и убійствомъ воеводы Б. Я. Бѣльскаго съ его сторонниками—въ украйныхъ сѣверскихъ городахъ и въ самой Москвѣ возгорается движеніе противъ Владислава и засѣвшихъ въ столицѣ поляковъ. Послѣдовавшая въ концѣ 1610 года гибель Тушинскаго вора, объединивъ партіи, дала русскимъ земцинамъ возможность

соединиться противъ общаго врага подъ лозунгомъ спасенія православія и чистоты національности. Открылось обще-земское движеніе для освобожденія Москвы отъ поляковъ, ознаменовавшее собою 1611 и 1612 годы.

Движеніе прежде всего обнаружилось въ Смоленской области. Смольняне послали въ Москву грамоту, въ которой, исчисляя всѣ бѣды, причиненныя Московскому государству поляками, убѣждали москвичей не вѣрить королю Сигизмунду и Владиславу, такъ какъ королевичу Владиславу— никогда на Москвѣ царемъ не быть; поляки, говорилось въ грамотѣ, никогда до этого не допустятъ: цѣль ихъ сводится къ разоренію русской земли, съ тѣмъ, чтобы совершенно завладѣть ею. «Ради самаго Бога,— убѣждаетъ москвичей смоленская грамота —положите обо всемъ этомъ совѣтъ между собою, да пошлите списки съ нашей грамоты въ Новгородъ, на Вологду и въ Нижній, вмѣстѣ съ вашимъ мнѣніемъ по этому дѣлу, чтобы всѣмъ было вѣдомо, какъ намъ стать сообща за нашу

православную вѣру, пока мы еще свободны, не успѣвъ подпасть въ рабство и плѣнъ» *)...

Смоленское посланіе не осталось безъ дѣйствія. Прочитавъ и обсудивъ грамоту смольнинъ, москвичи сдѣлали съ нея списки и разослали по городамъ, приложивъ къ этимъ спискамъ и свою увѣщательную грамоту, написанную съ благословенія патріарха Гермогена: «Не презрите, Бога для,—писали москвичи въ этой грамотѣ,—нашего бѣднаго и слезнаго рыданія, будьте за одно съ нами противъ нашихъ общихъ враговъ... Вспомните то, что только то дерево стоитъ неподвижно, корни котораго крѣпки; если же корня не будетъ, къ чему ему прилѣпиться»?

Дошли московская и смоленская грамоты и до Рязани. Здѣсь воевода Прокопій Ляпуновъ, въ свою очередь, списалъ съ нихъ списки и, съ приложеніемъ собственнаго воззванія, разослалъ по городамъ. Не ограничившись разсылкою грамотъ, Ляпуновъ приступилъ къ организаціи

*) А. А. Э. II, № 176 (II).

ополченія для освобожденія Москвы отъ поляковъ.

Вспыхнуло движеніе противъ поляковъ и въ верхнемъ Поволжьи. Сигналъ къ нему поданъ былъ нижегородцами. Еще въ началѣ 1611 года ѣздили въ Москву нижегородскіе посланцы, съ тѣмъ, чтобы провѣдать о положеніи дѣлъ въ столицѣ. Здѣсь они получили отъ патріарха Гермогена благословеніе къ возстанію противъ поляковъ и привезли это благословеніе въ Нижній-Новгородъ. Скрѣпившись крестнымъ цѣлованіемъ съ балахонцами и уговорившись съ ними крѣпко стоять за Московское государство, нижегородцы также посылаютъ отъ себя грамоты по другимъ городамъ, приглашая ихъ примкнуть къ обще-русскому дѣлу и ополчиться за Московское государство.

Такъ возгорѣлось земское движеніе 1611 года. Оно не замедлило переброситься въ сѣверные и сѣверо-восточные города. 23 февраля пріѣхалъ на Устюгъ тотемецъ Алексѣй Добрынинъ и привезъ съ собою списки съ смоленскихъ, нижегород-

скихъ, рязанскихъ и другихъ городовыхъ грамотъ. Устюжане, приговоривъ собрать на Устюгѣ ратныхъ людей для посылки «на сходъ» къ боярамъ и воеводамъ, отправляютъ списки съ полученныхъ ими грамотъ въ другіе сѣверные области и города—Пермь Великую, Холмогоры, Вагу, Сольвычегодскъ, Вычегду,—увѣщевая эти города и области соединиться и стать за-одно для спасенія Московскаго государства. Въ томъ же мѣсяцѣ была получена такая же грамота отъ нижегородцевъ на Вологдѣ. Собщая вологжанамъ о томъ, что ими уже 8 февраля послано на выручку Москвы ополченіе и что подъ Москву двинулись рязанское, сѣверскія и украйныя ополченія, нижегородцы убѣждаютъ ихъ войти въ совѣтъ и соглашеніе съ поволжскими городами и выслать ополченіе къ Владиміру, на соединеніе съ земскими ратями, уже двинувшимися къ Москвѣ. *)

Сѣверные города и верхнее Поволжье не замедлили примкнуть къ

*) А. А. Э. II, № 174, 176.

обще-русскому движенію. Земскія ополченія ихъ начали стягиваться къ двумъ пунктамъ—Владиміру и Ярославлю, съ тѣмъ, чтобы соединенными силами двинуться отсюда къ Москвѣ. Въ Владимірѣ ополченія собирались подъ главнымъ начальствомъ воеводъ князя Василія Ѳедоровича Мосальскаго и Артемія Васильевича Измайлова; въ Ярославлѣ сборомъ ихъ завѣдывали воеводы Иванъ Ивановичъ Волынскій и князь Александръ Андреевичъ Репнинъ; рязанское и сѣверскія ополченія шли къ Москвѣ, какъ мы это уже знаемъ, подъ предводительствомъ воеводы Прокофія Петровича Ляпунова. На Ярославль должно было выступить и пермское ополченіе. Впрочемъ, пермичи и на этотъ разъ выказываютъ ту же осторожную, выжидательную медлительность, которою характеризовалось ихъ отношеніе и къ предшествовавшимъ событіямъ смутнаго времени; только въ половинѣ марта выслали они свое ополченіе.—если только можно назвать «ополченіемъ» тѣхъ 50 человѣкъ ратниковъ, которые были от-

правлены изъ Чердыни подъ Москву, «на сходъ» къ боярамъ и воеводамъ, подъ начальствомъ цѣловальниковъ Ивашки Дмитріева да Ѳедьки Путникова. *)

Еще рѣзче сказался индифферентизмъ къ земскому движенію 1611 года со стороны казанцевъ. Если пермичи соблюли хотя внѣшнее приличіе, давъ земскому ополченію полсотни ратниковъ, то казанцы не сочли нужнымъ сдѣлать и этого: они не только совершенно абсентируютъ въ этомъ движеніи, но какъ бы умышленно игнорируютъ тѣ патріотическіе и религіозные мотивы, во имя которыхъ поднято было это обще-земское движеніе.

И на этотъ разъ, какъ они дѣлали это и раньше, казанцы наивно ссылаются на незнаніе ими совершающихся въ Москвѣ событій. Въ началѣ марта 1611 года стянулись къ Ярославлю земскія ополченія и въ четвергъ на четвертой недѣлѣ великаго поста, отпѣвъ молебенъ у ярославскихъ чудотворцевъ,

*) А. А. Э. II, № 181.

выступили съ воеводою Иваномъ Ивановичемъ Волынскимъ къ Москвѣ. Отсутствіе въ этой рати казанскаго ополченія не могло остаться незамѣченнымъ. Случайно находившіеся въ это время въ Ярославлѣ по торговымъ дѣламъ, казанцы—оправдывали казанскій абсентеизмъ тѣмъ, что «ничего того не вѣдомо въ Казани, потому что Казань отъ Москвы мѣсто дальнее». Это заявленіе вызвало собою посылку въ концѣ марта изъ Ярославля въ Казань извѣстительной грамоты, съ убѣжденіемъ казанцевъ примкнуть къ общерусскому движенію противъ поляковъ. Грамотѣ этой, вѣроятно для большей авторитетности, былъ данъ весьма торжественный характеръ: она адресована отъ имени архимандритовъ, игуменовъ и всего освященнаго собора, воеводъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей, земскихъ старостъ, цѣловальниковъ и всѣхъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ—на имя казанскаго митрополита Ефрема, архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и всего освященнаго собора,

бояръ, воеводъ, дворянъ, дьяковъ и всякихъ служилыхъ людей посадскихъ людей и всѣхъ православныхъ христіанъ. «Въ нынѣшнемъ году, въ великій постъ,—читаемъ въ этой грамотѣ,—пріѣзжали изъ Казани въ Ярославль казанцы и здѣшнихъ городовъ люди, которые ѣздили въ Казань торговать. и видя, что изъ всѣхъ городовъ ратные люди, сославшись между собою, учинивъ совѣтъ и укрѣпившись крестнымъ цѣлованіемъ, пошли подъ Москву противъ польскихъ людей—сказали намъ, что *въ Казани вамъ ничего о томъ не вѣдомо,* потому что Казань отъ Москвы мѣсто дальнее. И мы вамъ,—продолжаетъ грамота, —не отъ одного Ярославля пишемъ, а объявляемъ вамъ всему міру, что здѣсь дѣлается». Подробно изложивъ затѣмъ положеніе вещей въ Москвѣ и организацію дѣла ярославскаго ополченія, уже выступившаго на выручку столицы,—въ чемъ ярославцы ссылаются на свидѣтельство случайно находящихся въ ихъ городѣ казанцевъ,—грамота заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ казанскимъ

людямъ: «Мы вамъ меньшіе бо́льшимъ не указываемъ,—пишутъ ярославцы, признавая, такимъ образомъ старшинство казанскаго царства надъ старою ярославскою областью:—сами можете то своимъ премудрымъ, Богомъ даннымъ разумомъ разсудить.... А только, господа,—уже угрожаетъ грамота,—вы своею казанскою землею не поможете, а православной вѣрѣ будетъ попраніе и людямъ погибель—тогда кто дастъ за это отвѣтъ Богу и чего тогда самимъ вамъ для себя ожидать?» *)

Отсутствіе со стороны казанцевъ малѣйшаго участія, не только вещественнаго, но хотя бы только нравственнаго, въ обще-земскомъ движеніи начала 1611 года—смущало не однихъ ярославцевъ. 19 марта, слѣдовательно почти одновременно съ ярославскимъ посланіемъ, отправлена была въ Казань не менѣе торжественно редактированная увѣщевательная грамота и отъ костромскихъ духовенства, служилыхъ и жилецкихъ всякихъ чиновъ людей:

*) Собр Гос. Гр. и Дог. II, № 241.

«И вамъ бы, господа, про то было вѣдомо,—заявляетъ костромская грамота, сообщивъ казанцамъ о послѣдовавшемъ соединеніи городовъ;—а что вашъ совѣтъ и какія у васъ вѣсти будутъ,—и вамъ бы, господа, о томъ къ намъ все подлинно отписать, чтобы намъ вашъ совѣтъ былъ вѣдомъ». Въ этомъ же смыслѣ и въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ пишутъ казанцамъ и изъ Владиміра, извѣщая, что 10-го числа земскія ополченія сошлись подъ этимъ городомъ и отсюда двинулись къ Москвѣ; „и вамъ бы, господа,—убѣждаютъ владимірцы казанцевъ,—памятуя Бога и пречистую Богородицу и московскихъ чудотворцевъ и благословеніе святѣйшаго Гермогена патріарха, стать съ нами за православную христіанскую вѣру и за Московское государство, идти бы вамъ подъ Москву на-спѣхъ, безъ всякаго промедленія, чтобъ намъ Московскому государству помощь учинить вскорѣ“ *)..

Всѣ увѣщанія и воззванія горо-

*) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 242, 244.

довъ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: никакіе доводы, никакія угрозы Божьею карою—не въ состояніи были пробить броню индифферентизма Казанскаго царства къ земскому движенію 1611 года; ни Казань, ни ближайшая сосѣдка ея Вятка, вмѣстѣ съ Казанью такъ охотно присягнувшая въ январѣ мѣсяцѣ Тушинскому вору, не принимали участія въ движеніи городовъ въ пользу Москвы.

Такое болѣе нежели холодное отношеніе Казани къ патріотическому движенію русскихъ земствъ не должно казаться намъ удивительнымъ. Правда, что казанцы, уже три дня спустя послѣ убіенія Богдана Бѣльскаго узнали про погибель Тушинскаго вора, которому они передъ тѣмъ цѣловали крестъ, отъ нѣкоего Алешки Тоузикова, явившагося изъ Калуги съ этою вѣстью и съ приглашеніемъ войти «въ соединенье» со всею землею и стоять всѣмъ вмѣстѣ за Московское государство,—но и это извѣстіе и это приглашеніе нисколько не содѣйствовали обращенію Казанскаго края къ обще-русскому

земскому дѣлу. Мы уже видѣли изъ предшествовавшей главы, что въ разсматриваемую пору въ Казани существовала въ весьма значительной степени доминирующая партія, далеко не чуждая сепаратическихъ стремленій. Вспомнимъ, что еще въ мартѣ 1611 года, въ самый разгаръ земскаго движенія русскихъ городовъ, въ Москвѣ упорно держался слухъ о намѣреніи Казани, вмѣстѣ съ другими понизовыми городами, отложиться, черезъ посредство персидскаго шаха, отъ Московскаго государства; затѣмъ, въ августѣ того же года, когда земскія ополченія уже давно держали Москву въ блокадѣ, патріархъ Гермогенъ считалъ нужнымъ убѣждать казанцевъ, черезъ посредничество нижегородцевъ, «не звать на царство проклятаго Маринкина сынка». Если примемъ, наконецъ, въ соображеніе тѣ настойчивыя увѣщанія, съ которыми обращались въ мартѣ 1611 года къ казанцамъ другіе русскіе города—то для насъ станетъ яснымъ, что абсентеизмъ Казани въ обще-русскомъ движеніи этого года не былъ

явленіемъ случайнымъ, что онъ возникся въ особыхъ условіяхъ внутренней жизни этого края въ разсматриваемую нами эпоху, что онъ проистекалъ изъ сознательнаго стремленія господствующей здѣсь партіи, во главѣ которой стоялъ дьякъ Никаноръ Шульгинъ, сохранить пассивное отношеніе къ событіямъ, которыя волновали въ ту пору русскую землю, вызвавъ взрывъ патріотическаго земскаго движенія 1611—1612 годовъ.

1 апрѣля земскія ополченія обложили занятую поляками Москву. Теперь, уже изъ подъ стѣнъ осажденной столицы, дѣлается новая попытка обратить Казань къ единенью и совѣту съ остальною русскою землею. На этотъ разъ попытка эта принимаетъ особенно авторитетную и внушительную форму: посланная по этому поводу въ Казань грамота, убѣждающая казанцевъ примкнуть къ обще-земскому дѣлу, адресована всякаго чина людямъ «великаго государства Казанскаго» отъ «великаго Московскаго государства бояръ, и воеводъ, и дворянъ, и дѣтей бояр-

сѣхъ, и всякихъ служилыхъ людей всѣхъ городовъ Россійскаго царствія». «Цѣловали вы, всякіе люди Казанскаго государства, крестъ человѣку, который былъ въ Калугѣ и назывался царскимъ именемъ,—говорится въ этой грамотѣ.—И то вамъ подлинно вѣдомо, что тотъ человѣкъ убитъ, и всѣ тѣ люди, которые служили ему, нынѣ стали съ нами въ соединенье и пришли на избавленіе царствующаго града Москвы. И вамъ бы, господа, всѣмъ быть съ нами въ совѣтѣ и стоять за Московское государство, идти, не мѣшкая, на-спѣхъ, къ Москвѣ на земскую службу; да что есть въ Казани въ сборѣ всякихъ денежныхъ доходовъ,—и вамъ прислать бы ихъ ратнымъ людямъ на жалованье. А что у васъ, господа, о земскомъ дѣлѣ совѣтъ будетъ, и вы бы тотчасъ намъ о томъ писали; а только, господа, вы съ нами не соединитесь и за государство Московское не станете, а что надъ государствомъ Московскимъ разоренье учинится — и то Богъ взыщетъ на васъ». *)

*) Собр. Гос. Гр. и Дог., II, № 251.

Эта грамота получена была въ Казани 1 мая. Она не могла не произвести здѣсь извѣстнаго впечатлѣнія даже въ кружкахъ, несочувственно относившихся къ охватившему руссьую землю земскому движенію. Дѣйствительно: это было уже не посланіе земщины какого нибудь отдѣльнаго города—Ярославля, Костромы или Владиміра, это было коллективное посланіе всей русской земщины, въ лицѣ городовыхъ ополченій, собравшихся подъ стѣнами Москвы. Не отозваться на этотъ призывъ—значило открыто порвать связь со всею русскою землею, на что не могли рѣшиться, конечно, самые радикальные представители казанскихъ сепаратическихъ стремленій. И вотъ, съ конца первой половины 1611 года мы наблюдаемъ новое направленіе въ политикѣ «великаго Казанскаго государства»,—какъ титуловали Казань собравшіяся подъ Москвою ополченія. Это—политика выжидательная, разсчитанная на выигрышъ времени, въ ожиданіи развязки событій, разыгравшихся подъ Москвою. Начинается безплодная переписка

между Казанью, Пермью и сосѣдними городами,—явленіе, достаточно знакомое намъ по событіямъ предшествовавшихъ годовъ смутнаго времени. 1 мая получили казанцы общеземскую грамоту отъ расположенныхъ подъ Москвою городовыхъ ополченій, еще раньше получены были ими увѣщательныя грамоты отъ верховыхъ городовъ,—и только 12 іюня отписываютъ они въ Пермь Великую о своемъ согласіи примкнуть къ общерусскому движенію, съ приглашеніемъ къ тому же и своихъ сосѣдей —пермяковъ. «Пишутъ къ намъ,—читаемъ мы въ этой отпискѣ,—что, бы намъ быть со всею землею въ любви и въ соединеньи и, собравъ казанскихъ ратныхъ людей, идти подъ Москву очищать отъ враговъ Московское государство. И мы всею землею Казанскаго государства цѣловали крестъ по записи, которая прислана къ намъ изъ полковъ, отъ всей земли; и въ Свіяжскѣ, и въ Чебоксарахъ, и во всѣхъ Понизовыхъ городахъ цѣловали-жъ крестъ по той же записи, чтобы быть всѣмъ въ любви и въ совѣтѣ и идти на

земскую службу ко всей землѣ, подъ Москву». Сообщивъ о принесеніи имъ крестномъ цѣлованіи, казанцы предлагаютъ сдѣлать то же и пермскимъ жителямъ: «И вамъ бы крестъ цѣловати же, буде до сихъ поръ еще не цѣловали; да и ратныхъ пермскихъ людей, съ лучнымъ и огненнымъ боемъ, вамъ бы прислать къ намъ вскорѣ, чтобы этимъ ратнымъ людямъ застать казанскую рать еще въ Казани и затѣмъ вмѣстѣ идти на сходъ подъ Москву». При этомъ казанцы не преминули, однако же, указать на затрудненіе, съ которымъ сопряжена для нихъ организація ополченія: у нихъ нѣтъ матеріальныхъ средствъ на это дѣло, такъ какъ «въ Казани денегъ въ сборѣ нѣтъ, потому всякихъ доходовъ съ чуваши и съ черемисы, съ дворовъ ясачныхъ и съ вотчинъ оброчныхъ денегъ за три года не взыскано, для смутнаго времени, ни одной деньги, и кабаки заперты были по многое время, и таможенныхъ пошлинъ брать было не съ чего, такъ какъ ни съ верху, ни съ низу никакихъ судовъ въ приходѣ не бы-

ло»; въ виду этого, казанцы просятъ пермичей прислать къ нимъ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ. На этой почвѣ началась переписка, благодаря которой дѣло организаціи казанскаго ополченія пошло въ оттяжку, тѣмъ болѣе, что денежной поддержки казанцы отъ пермичей не получили: «А денегъ, господа, въ Перми Великой въ государевой казнѣ нѣтъ,—было имъ отвѣтомъ на щекотливый вопросъ о деньгахъ,—послать къ вамъ нечего, потому что всѣ доходы прошлыхъ годовъ посланы были въ Москвѣ, а остальные сборы употреблены на мѣстныя нужды и на жалованье служилымъ людямъ». *)

Дѣло посылки къ Москвѣ казанскаго ополченія не подвигалось, такимъ образомъ, впередъ, ограничиваясь лишь безплодною перепискою съ Пермью и чисто платоническими обѣщаніями войти въ соединенье съ русскою землею и вмѣстѣ съ нею

*) А. А. Э. II, №№ 188, 189, 191; А. Ист. II, № 329; Собр. Гос. Гр. и Дог. II, №№ 256, 261.

стоять за Московское государство. Не подвинуло это дѣло и іюльское воззваніе къ казанцамъ архимандрита Троицко-Сергіева монастыря Діонисія и келаря той же обители Авраамія Палицына, которымъ Казань еще разъ призывалась «быти въ соединеньи» съ русскою землею и прислать къ Москвѣ свое ополченіе *)

Въ то время, какъ Казань и Пермь были заняты перепискою по вопросу объ организаціи своихъ ополченій, собравшаяся подъ Москвою земская рать продолжала осаду столицы. 30 іюня подъ Москвою учреждено было временное правительство, въ составъ котораго вошли воеводы князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, Иванъ Мартыновичъ Заруцкій и Прокофій Петровичъ Ляпуновъ. Не долго суждено было господствовать согласію въ земскомъ подмосковномъ станѣ: патріотическія тенденціи чистыхъ представителей земщины пришли здѣсь въ столкновеніе съ хищническими, буйными стремленіями казачества, олицетвореніемъ котораго явил-

*) А. А. Э. II, № 180.

ся одинъ изъ тріумвировъ временнаго правительства, Иванъ Заруцкій. На этой почвѣ возникли въ подмосковномъ станѣ несогласія, раздоры и интриги, результатъ которыхъ слишкомъ хорошо извѣстенъ: жертвою ихъ палъ представитель земской партіи, воевода Прокофій Ляпуновъ, предательски умерщвленный въ концѣ іюля казаками. Въ гибели Ляпунова справедливо видятъ выраженіе торжества казаческой антиземской партіи надъ элементомъ порядка и общественнаго блага, надъ элементомъ чистоземскимъ, явившимся на выручку Москвы въ лицѣ городовыхъ ополченій. Съ этихъ поръ подмосковная рать стала уже носить сама въ себѣ задатки внутренняго разложенія, которое и не заставило себя долго ждать. Не могли теперь поднять падавшаго духа земскихъ ополченій ни принесеніе въ ихъ станъ изъ Казани списка съ иконы Казанской Божіей Матери, ни толки о бывшихъ въ различныхъ городахъ откровеніяхъ, ни установленіе общественныхъ постовъ и молитвъ, ни горячія воззванія, исходившія изъ обители святой Троицы...

Земскіе ратные люди, не видѣвшіе возможности ужиться съ порядками или, вѣрнѣе, безпорядками, новаго казацкаго режима, массами уходили изъ подмосковнаго стана и дѣло обще-русскаго ополченія, съ такимъ жаромъ поставленное въ началѣ 1611 года, стало къ концу этого же года приходить все къ большему и большему упадку.

Смерть Прокопія Ляпунова и послѣдовавшія за тѣмъ среди ополченцевъ неурядицы—не на шутку встревожили патріарха Гермогена и его сторонниковъ. Побѣда Заруцкаго и казаковъ грозила новыми смутами, новыми осложненіями. Ни для кого не было тайною, что Заруцкій, уже находившійся въ то время въ связи съ Мариною, лелѣялъ мысль о возведеніи на московскій престолъ сына ея отъ Тушинскаго вора, нареченнаго «царевича Ивана Димитріевича»; предполагали даже, будто бы Ляпунову удалось склонить Заруцкаго къ борьбѣ противъ поляковъ именно перспективою возможности, послѣ очищенія Москвы, этой комбинаціи. Какъ бы то ни было, но со

смертью Ляпунова и съ торжествомъ Заруцкаго и казаковъ шансы Марины и ея сына сильно поднялись. Не даромъ въ августѣ мѣсяцѣ патріархъ Гермогенъ даетъ русскимъ іерархамъ, а въ томъ числѣ и старшему изъ нихъ, казанскому митрополиту Ефрему, порученіе внушать русской землѣ, чтобы она не склонялась къ принятію на престолъ «проклятаго Маринки паньина сынка», на что никогда не будетъ его, патріархова, благословенія: «Да и во всѣ города пишите,—читаемъ мы въ посланіи Гермогена къ вѣрнымъ нижегородцамъ, черезъ которыхъ шло это порученіе,—чтобъ изъ городовъ писали въ полки боярамъ и атаманамъ, что Маринкинъ сынокъ на царство не надобенъ; проклятъ онъ отъ святаго собора и отъ меня, патріарха» *).

Грамота патріарха Гермогена о непризнаваніи „Маринкина проклятаго сынка“, присланная въ Казань изъ Нижняго-Новгорода отъ 30 ав-

*) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 268, А. А. Э. II, № 194.

густа, дала поводъ къ новой переписке между казанцами и пермичами. И на этотъ разъ переписка эта проникнута высоко-патріотическими выраженіями чувствъ, которыя, если сопоставимъ ихъ съ дѣйствительнымъ отношеніемъ доминирующей казанской партіи къ событіямъ того времени—даютъ поводъ сильно заподозрить искренность тона казанскаго посланія.

«И мы, господа,—пишутъ казанцы пермичамъ, препровождая имъ копію съ грамоты московскаго святителя,—приговорили съ Ефремомъ, митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ и со всею землею Казанскаго государства, что намъ отнюдь на царство проклятаго паньина Маринкина сына не хотѣть; а будетъ казаки того Маринкина сынка или кого инаго начнутъ на Московское государство выбирать своимъ произволомъ, не согласившись со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣть и противъ него стоять всѣмъ Казанскимъ государствомъ единодушно, а выбрать намъ государя, сослався со всею землею, кого

намъ въ государи Богъ дастъ. И вамъ бы, господа, быть съ нами въ совѣтѣ, соединеніи и любви и стоять за такое великое дѣло за-одно» *).

Мы врядъ ли ошибемся, если выкажемъ предположеніе, что патріотическія чувства, выраженныя въ этомъ посланіи, были подсказаны казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ, черезъ котораго и шла въ Казань грамота патріаха; на это имѣется намекъ въ самой отпискѣ казанцевъ къ пермичамъ: „приговорили мы съ Ефремомъ, митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ“.—читаемъ мы здѣсь. Представителямъ сепаратической партіи, съ дьякомъ Никаномъ Шульгинымъ во главѣ, ничего не оставалось болѣе, конечно, сдѣлать, какъ съ видимою покорностью примкнуть къ этому «приговору», который ни къ чему ихъ и не обязывалъ въ томъ случаѣ, если бы казаческой партіи, съ Заруцкимъ во главѣ, удалось взять верхъ. И здѣсь сказывается та же расчетливая, осторожная, выжидательная политика,

*) А. Арх. Эксп. II, № 194.

которая даетъ такой своеобразный колоритъ всѣмъ отношеніямъ Казанскаго края къ событіямъ смутнаго времени. Да и не особенно-то торопились казанцы съ оповѣщеніемъ сосѣдей о результатѣ своего «приговора» по поводу патріаршаго посланія: грамота Гермогена была получена въ Нижнемъ-Новгородѣ 25 августа; 30 августа послана была копія съ нея въ Казань—и только 10 октября привезена была въ Пермь Великую уже извѣстная намъ Казанская отписка. Очевидно, что все дѣло было сведено къ оттяжкѣ и выигрышу времени.

Впрочемъ, переписка между Казанью и Пермью происходила и еще раньше. 23 іюля 1611 года пермичи писали къ казанцамъ, прося у нихъ вѣстей «про Московское государство и изъ иныхъ городовъ» и приглашая ихъ «быть съ ними въ любви, совѣтѣ и соединеньи и стоять за истинную христіанскую вѣру единомышленно». Не особенно-то торопились и на этотъ разъ казанцы отозваться на призывъ своихъ восточныхъ сосѣдей: только 16 сентября по-

лученъ былъ въ Перми Великой казанскій отвѣтъ, въ которомъ казанцы еще разъ высказываютъ стереотипное пожеланіе быть съ пермичами «въ любви и единеньи», причемъ сообщаютъ о совершившемся подъ Москвою убіеніи воеводы Прокопія Ляпунова. Весьма вѣроятно, что эта отписка была послана уже послѣ полученія въ Казани грамоты патріарха Гермогена относительно «Маринкина проклятаго сынка», т. е. опять-таки подъ вліяніемъ авторитета двухъ главныхъ святителей русской церкви —московскаго патріарха и казанскаго митрополита Ефрема. Отвѣтъ пермичей казанцамъ совершенно аналогиченъ предшествовавшимъ отвѣтамъ ихъ на казанскія посланія: пермичи заявляютъ въ немъ, что они «многажды во весь міръ» читали это посланіе и порѣшили быть съ казанцами «въ любви, совѣтѣ и соединеньи»; что они вмѣстѣ съ ними «за православную христіанскую вѣру стояти рады» и во всемъ съ ними, казанцами, единомысленны. *)

*) А. А. Э. II. № 197; Собр. Гос Гр. и Дог. II, № 269, А. Ист. II, № 333.

Между тѣмъ дѣло подмосковнаго ополченія все болѣе и болѣе клонилось къ упадку. Земскіе элементы его стали расходиться по домамъ, недовольные установившимся подъ стѣнами Москвы казацкимъ режимомъ. Стройное земское ополченіе превратилось къ осени 1611 года въ безпорядочную казацкую толпу, которой удавалось еще держаться подъ стѣнами столицы только благодаря неурожаямъ, царившимъ и въ средѣ засѣвшаго въ Москвѣ польскаго гарнизона.

Тяжелое время переживало теперь государство, клонившееся къ окончательному разложенію. Въ Москвѣ крѣпко держались засѣвшіе въ ней поляки и бояре, цѣловавшіе крестъ Владиславу. Новгородъ и новгородскіе пригороды передались Швеціи, изъявивъ готовность принять на царство шведскаго королевича. Въ Псковѣ появился новый самозванецъ, назвавшійся Димитріемъ. Имя сына Грознаго Царя и на этотъ разъ возымѣло магическую силу: на сторону этого Лжедмитрія стало находившееся подъ Москвою казаческое

ополченіе, съ Заруцкимъ и княземъ Трубецкимъ во главѣ. Но этому самозванцу явился конкурренть въ лицѣ другаго Лжедмитрія, объявившагося въ Астрахани, и на сторону котораго стало нижнее Поволжье. Ко всему этому присоединялись голодъ и внутреннія неурядицы и безначаліе, въ конецъ подрывавшіе духовныя и матеріальныя силы русской земли. То было истинное «лихолѣтье», какъ весьма мѣтко прозвали современники эту тяжелую годину русской исторической жизни!

Казалось, что Московское государство стоитъ на краю окончательной гибели и уже готово разложиться на тѣ составные элементы, изъ которыхъ съ такимъ долгимъ трудомъ было оно создано цѣлымъ рядомъ государей—«собирателей русской земли».

Земское ополченіе 1611 года окончилось, какъ мы видѣли, полною неудачею. Неудача эта не охладила, тѣмъ не менѣе, патріотическаго энтузіазма русской земщины. Къ концу 1611 года, въ то самое время, когда все болѣе и болѣе таяло подмосковное

ополченіе и смута съ новою силою охватывала со всѣхъ сторонъ русскую землю — происходитъ новый взрывъ земской самодѣятельности, направленной къ спасенію погибающаго государства. Это новое земское движеніе подготовлялось уже съ лѣта 1611 года, благодаря грамотамъ властей Троицко-Сергіевой лавры, извѣстныхъ архимандрита лавры, Діонисія, и ея келаря, Авраамія Палицына. Въ началѣ октября разсылается изъ Троицко-Сергіевой обители по городамъ новая серія грамотъ, призывавшихъ народъ встать поголовно для спасенія вѣры и отечества. Теперь эта обитель, такъ много потрудившаяся въ тяжелыя годины смутнаго времени, принимаетъ на себя ту духовно-руководительную роль по отношенію къ земщинѣ, которую возлагалъ на себя до того патріархъ Гермогенъ; мощный и авторитетный голосъ московскаго святителя къ этому времени уже не могъ раздаваться, такъ какъ патріархъ томился въ польскомъ полону. Стали проявляться по городамъ и признаки мистическаго настроенія

массъ, столь обыкновенные въ эпохи переживаемыхъ народомъ кризисовъ. Стали ходить по городамъ толки о чудесахъ и видѣніяхъ. Лѣтомъ 1611 года распространился слухъ о видѣніи, бывшемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ какому то Григорію: ему явились во время сна два сошедшихъ съ неба мужа и предписали всенародный трехдневный постъ и покаяніе, начиная со старцевъ и кончая младенцами, какъ необходимое требованіе свыше ради очищенія Московскаго государства. Въ августѣ мѣсяцѣ ходили толки о чудесномъ же видѣніи, бывшемъ во Владимірѣ *). По поводу этихъ видѣній состоялся приговоръ «всей земли Московскаго государства» объ учрежденіи по всѣмъ городамъ предписаннаго нижегородскимъ видѣніемъ трехдневнаго поста; города снова списываются между собою, взаимно приглашая одинъ другаго къ выполненію этого небеснаго требованія. «А по совѣту, господа, всей земли

*) Никонов. Лѣт., VIII, стр. 172—173 (изд. 1792 г.); А. А. Э. II, № 199.

Московскаго государства,—пишутъ, напримѣръ, по этому поводу изъ Вычегды въ Пермь Великую,—приговорили во всѣхъ городахъ поститься и на три дня воздержаться отъ пищи и питія, не выключая даже млекосущихъ младенцевъ; и вамъ бы, господа, про то учинить совѣтъ, какъ во всѣхъ городахъ поститься, да и въ Сибирскіе города и въ Пермскіе пригороды о томъ же послать бы вскорѣ»... *)

Толчокъ новому обще-земскому движенію 1611—1612 гг. данъ былъ упомянутыми выше окружными грамотами духовныхъ властей Троицко-Сергіевой лавры, и первый взрывъ этого движенія обнаружился въ Нижнемъ-Новгородѣ. Подробности нижегородскихъ событій конца 1611 года настолько хорошо извѣстны, конечно, читателямъ, настолько популяризировались и историками, и романистами, настолько живы въ преданіяхъ верхняго Поволжья,—что считаемъ вполнѣ умѣстнымъ коснуться ихъ лишь въ самыхъ об-

*) А. Арх. Эксп., II, № 199.

щихъ чертахъ—на столько, на сколько это представляется необходимымъ для цѣлей нашего дальнѣйшаго изложенія.

Въ октябрѣ 1611 года получено было и въ Нижнемъ-Новгородѣ окружное посланіе изъ Троицко-Сергіевой лавры, призывавшее народъ ополчиться для спасенія государства. По этому поводу собрано было совѣщаніе изъ представителей мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, служилыхъ и земскихъ людей. И вотъ выступаетъ впередъ одинъ изъ присутствовавшихъ на собраніи земскихъ старостъ, «говядарь» (мясникъ или скототорговецъ) Козьма Мининъ, по прозвищу Сухорукъ, и, слѣдуя охватившему въ то время общество мистическому настроенію, обращается къ окружающимъ съ слѣдующими словами:

— Мнѣ во время сна явился святой Сергій и повелѣлъ пробудить спящихъ .. Прочитайте въ соборѣ посланіе Троицкихъ властей, а тамъ —какъ будетъ Богу угодно!

Но тутъ произошелъ инцидентъ, довольно таки загадочный и вызвав-

шій въ исторической литературѣ комментаріи весьма противорѣчиваго характера. Въ числѣ служилыхъ лицъ, находившихся въ собраніи, былъ стряпчій Иванъ Ивановъ Биркинъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ источниковъ, этотъ Биркинъ «сумнящеся», т. е. усумнился. Неизвѣсно, къ чему относилось сомнѣніе Биркина,—къ заявленію ли Козьмы относительно бывшаго ему видѣнія, къ самой ли грамотѣ святотроицкихъ властей или къ возможности новаго земскаго движенія для освобожденія Москвы,—но «сомнѣнія» стряпчаго задѣли Минина за живое:

— Хочешь ли, чтобы я обличилъ тебя передъ православными?—возразилъ онъ Биркину.

Стряпчій замолчалъ. Очевидно, что за Иваномъ Биркинымъ имѣлось кое-какое предосудительное прошлое, не безызвѣстное Минину, и всенародное разоблаченіе котораго передъ лучшими нижегородскими людьми было не въ интересахъ стряпчаго.

А прошлое Ивана Биркина было, дѣйствительно, не безупречнымъ. Это былъ типичный представитель «пере-

летовъ» эпохи смутнаго времени. Биркинъ служилъ—то царю Василію Шуйскому, которому ухитрился два раза измѣнить въ его непродолжительное царствованіе, то прямилъ Тушинскому вору; въ началѣ 1611 года онъ же посылается Прокопіемъ Ляпуновымъ для организаціи земскихъ ополченій противъ поляковъ...*) Личность Ивана Биркина представляетъ особый интересъ для цѣлей нашего изложенія: его имя тѣсно связано, какъ мы увидимъ это ниже, съ казанскими событіями 1612 года и этотъ Биркинъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Никаноромъ Шульгинымъ, явился руководителемъ казанскихъ смутъ этого года.

Дальнѣйшее теченіе нижегородскихъ событій слишкомъ хорошо извѣстно для того, чтобы намъ предстояла надобность болѣе или менѣе подробно касаться ихъ. Всѣмъ извѣстно, какъ Козьма Мининъ обратился къ своимъ согражданамъ съ воззваніемъ ополчиться для спасенія отечества, «не жалѣя имѣнія своего»;

*) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 229.

какъ предлагалъ онъ «продавать женъ и дѣтей закладывать» для этой патріотической цѣли; какъ собиралась всенародно казна на содержаніе земскаго ополченія; какъ былъ призванъ въ предводители этого послѣдняго воевода князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, а самъ Мининъ сдѣланъ излюбленнымъ земскимъ человѣкомъ при немъ ....

Занявшись организаціею земскаго ополченія, воевода князь Д. М. Пожарскій вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ мѣры и къ привлеченію къ этому дѣлу другихъ городовъ, тѣмъ болѣе, что въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ оказалась недостача въ денежной казнѣ, порохѣ и свинцѣ, необходимыхъ для предстоящаго похода. Изъ Нижняго посылаются по городамъ грамоты, писанныя отъ имени Дмитрія Пожарскаго, Ивана Биркина, Василія Юдина и всѣхъ нижегородскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей; отсюда мы заключаемъ, что, не смотря на его антагонизмъ съ Мининымъ, стряпчему Биркину удалось занять второе послѣ князя Пожарскаго мѣсто въ дѣлѣ организаціи

земскаго ополченія. Въ этихъ грамотахъ указывалось на гибель, угрожающую государству со стороны польско-литовскихъ людей, на неудачу земскаго ополченія 1611 года, разошедшагося изъ-подъ Москвы «для временныя сладости и грабежей и похищенья», на домоганье многихъ людей о томъ, «чтобъ паньѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея быти на Московскомъ государствѣ».... «И нынѣ мы,—читаемъ въ этихъ грамотахъ,—Нижняго-Новгорода всякіе люди, прося у Бога милости, идемъ всѣ головами своими въ помощь Московскому государству, съ нами, съ княземъ Дмитріемъ да съ Иваномъ; и, посовѣтовавъ между собою, приговорили мы животы свои и домы раздѣлить и подмогу посылаемъ на польскихъ и литовскихъ людей.... И вамъ бы, господа, потому жъ сходиться съ нашими ратными людьми вмѣстѣ и быти съ нами въ одномъ совѣтѣ и надъ польскими и литовскими людьми промышляти заодинъ, сколько милосерд-

ный Богъ помощи дастъ» *).

Но не со стороны однихъ только польско-литовскихъ людей грозила для государства опасность. Не мало безповоили нижегородцевъ и происки Заруцкаго и Марины. Въ Астрахань посланъ былъ отъ Заруцкаго, изъ Коломны, сотникъ Томило Есиповъ съ смутными грамотами; въ Нижнемъ получены были такія же смутныя грамоты изъ Казани, отъ имени какого-то агента Марины; въ силу всего этого, тѣ же нижегородскія грамоты предупреждаютъ города противъ замысловъ Марины: «Мы, всякіе люди Нижняго-Новгорода, утвердилися на томъ, что Маринки, и сына ея, и того вора, что подъ Псковомъ стоитъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотимъ, также какъ и литовскаго короля **).

Нижегородскія посланія не остались безъ желаемаго дѣйствія: посланія эти всенародно читались и обсуждались въ городахъ; постановлялись приговоры о вспоможеніи ни-

*) А. А. Э. II, № 201; Никон. Лѣт. VIII, стр. 170.
**) Ibid.

жегородцамъ деньгами. запасами и ратными людьми; въ Нижній посылались выборные люди для совѣщанія относительно предстоящаго образа дѣйствій, а слѣдомъ за тѣмъ поднимались изъ городовъ и земскія ополченія. Раньше всѣхъ примкнули къ движенію испомѣщенные въ Арзамасскомъ и Ярославскомъ уѣздахъ смольняне, дорогобужцы и вяземцы, изгнанные Заруцкимъ изъ прежнихъ мѣстъ осѣдлости своей; затѣмъ явилось коломенское ополченіе, за нимъ ополченіе рязанское, ополченія украинскихъ городовъ, московскіе казаки и стрѣльцы... Вспыхнувшее въ Нижнемъ-Новгородѣ движеніе стало разгораться все съ большею и большею силою, постепенно разливаясь по всей землѣ русской.

Въ началѣ 1612 года оно приняло уже весьма грозный для засѣвшихъ въ Москвѣ поляковъ характеръ. Поляки потребовали отъ находившагося въ заключеніи патріарха Гермогена, чтобы онъ силою своего авторитета пріостановилъ сборъ земскихъ ополченій. Маститый іерархъ отвѣтилъ на это требованіе благословеніемъ

обще-русскаго дѣла .. 17 февраля Гермогенъ скончался; предполагали, что поляки заморили его голодомъ.

* * *

Не малая забота выпала на долю иниціаторовъ нижегородскаго земскаго движенія уже въ самомъ началѣ этого послѣдняго. Необходимо было привлечь къ нему «великое государство Казанское», болѣе нежели недвусмысленная роль котораго въ предшествовавшихъ событіяхъ смутнаго времени была хорошо извѣстна, конечно, руководящимъ дѣятелямъ этого движенія.

Казань находилась въ описываемое нами время въ состояніи, весьма близкомъ къ анархіи Съ начала 1611 года, послѣ смутъ по поводу присяги Тушинскому вору и убіенія воеводы Богдана Бѣльскаго, здѣсь самовластно распоряжался дьякъ Никаноръ Шульгинъ. Казань почти явно высказывала свои сепаратическія стремленія, а полнѣйшій абсентеизмъ въ земскомъ движеніи 1611 года ставилъ ее въ совершенно ис-

ключительное положеніе въ ряду остальныхъ русскихъ земщинъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ прекрасно поняли, что простой посылки грамоты —недостаточно для склоненія Казанскаго царства къ разгоравшемуся обще-русскому дѣлу. Было рѣшено предпринять по отношенію къ Казани мѣры болѣе радикальнаго характера. Сюда послана была особая миссія, заключавшаяся изъ стряпчаго Ивана Биркина и «властей», то есть представителей духовенства. Этой миссіи поручено было войти съ казанцами въ соглашеніе относительно «совѣта и помочи Московскому государству».

Нельзя сказать, чтобы выборъ лица, поставленнаго во главѣ этой миссіи, былъ удаченъ. Мы увидимъ, что стряпчій Иванъ Биркинъ явился весьма активнымъ дѣятелемъ новой казанской смуты, которою ознаменовался для казанцевъ приснопамятный въ исторіи русскаго народа 1612 годъ.

Странное что-то произошло въ Казани по прибытіи туда стряпчаго Ивана Биркина «съ властями». По-

сланный въ Казань для склоненія «великаго государства Казанскаго» къ совокупному дѣйствію съ остальною землею для освобожденія Москвы и спасенія русскаго государства —Иванъ Биркинъ «своровалъ» и сдѣлался однимъ изъ заводчиковъ казанской смуты.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ объ этомъ Никоновская лѣтопись: «Въ то же время бывшу въ Казани дьяку Никанору Шульгину, и мысляше себѣ не благъ совѣтъ, тому радовашеся, что Москва за Литвою. Ему же хотяще въ Казани властвовати, тому же Ивану Биркину съ нимъ же совѣтующу не на благое то дѣло, но на злое».

Разно взглянули на это свидѣтельство двое главныхъ историковъ смутнаго времени—С. М. Соловьевъ и Н. И. Костомаровъ *). Соловьевъ полагаетъ, что дьякъ Никаноръ Шульгинъ «былъ недоволенъ тѣмъ, что не царственная Казань, главный

*) Соловьевъ: „Ист. Россіи", т. VIII, стр. 461 (изд. 2); Костомаровъ: „Историческія монографіи", т. III, стр. 250 (изд. 1868 г.).

городъ Понизовья, не онъ, захватившій въ ней власть, стали въ челѣ возстанія, а второстепенный Нижній съ своимъ земскимъ старостою». Такимъ образомъ, Соловьевъ ставитъ вопросъ на почву мѣстничества городовъ: старшій городъ отказывается примкнуть къ движенію потому, что во главѣ его сталъ городъ молодшій. Костомаровъ вѣрнѣе взглянулъ на казанскій инцидентъ, объясняя его тѣмъ, что дьякъ Н. Шульгинъ и стрянчій И. Биркинъ, убѣжденные въ безуспѣшности новаго ополченія и въ неминуемомъ разложеніи Московскаго государства, «стакнулись» между собою, придя къ слѣдующему заключенію: «Не лучше ли имъ воспользоваться случаемъ и утвердить за собою власть въ отдаленной Казани»?

Мы уже знаемъ, что послѣ казанской смуты начала 1611 года, сопровождавшейся усобицею и убіеніемъ воеводы Богдана Бѣльскаго, вскорѣ изчезаетъ изъ Казани и старшій воевода В. Морозовъ, а дьякъ Никаноръ Шульгинъ становится единственнымъ представителемъ администраціи въ

Казани, становится чѣмъ - то въ родѣ мѣстнаго диктатора. Не разъ уже имѣли мы случай указывать на этого дьяка, какъ на главнаго поборника сепаратическихъ стремленій, которыя охватываютъ собою, въ эпоху смутнаго времени, «великое государство Казанское». Трудно предположить, конечно, чтобы въ головѣ Шульгина могла зародиться дерзкая мысль царствовать въ Казани, мысль, къ которой, какъ замѣтно, склоняется Костомаровъ. Мы болѣе склонны утверждать, что Шульгинъ являлся сторонникомъ Заруцкаго, Марины и «Маринкина проклятаго сынка», нареченнаго царевича Ивана Димитріевича, возведя этого послѣдняго если не на престолъ всероссійскаго царства, на это теперь уже не было почти никакой надежды, то, возведя его, въ случаѣ ожидаемаго разложенія Московскаго государства и при содѣйствіи Персіи, инородчества и казачества, по крайней мѣрѣ, на престолъ „великаго Казанскаго государства“, —дьякъ Никаноръ Шульгинъ уже тѣмъ самымъ могъ удовлетворить своимъ самымъ честолюби-

вымъ стремленіямъ. Очевидно, что Шульгину удалось склонить на свою сторону и стряпчаго Ивана Биркина. Оба единомышленника хорошо поняли, что теперь еще не время для какихъ бы то ни было рѣшительныхъ дѣйствій съ ихъ стороны: достаточнымъ было пока съ ихъ стороны пассивнаго противодѣйствія обще-земскому движенію, т. е. оставалось только тянуть время, не давать ополченія и выжидать того момента, когда московское государство вступитъ въ процессъ окончательнаго органическаго разложенія своего Шульгинъ и Биркинъ явились не единственными коноводами казанскаго «воровства» 1612 года; за ними стояла, очевидно, цѣлая партія, въ рядахъ которой имѣлись и представители духовенства. Такъ, напримѣръ, Шульгина поддерживалъ его сватъ, строитель Амфилохій Рыбушкинъ, не слушавшійся грамотъ Троице-Сергіевыхъ властей; въ наказаніе за измѣну сына троицкія власти вызвали въ свою обитель отца его Пимена, архимандрита Старицкаго Богородицкаго монастыря, и

здѣсь подвергали тяжелой работѣ, заставляя печь хлѣбы. *) Отсюда мы вправѣ заключить, что измѣна Амфилохія была не изъ шуточныхъ.

Какъ бы то ни было, но отправленнымъ со стрѣлецкимъ Биркинымъ въ Казань «властямъ» не оставалось ничего болѣе, какъ вернуться въ Нижній-Новгородъ и возвѣстить Пожарскому и Минину про казанскій „недобрый совѣтъ“. Князь Дмитрій и Козьма возложили въ виду этого извѣстія все упованіе на Бога,—говоритъ Никоновская лѣтопись,—и вспомнили о томъ, какъ плѣненный Іерусалимъ былъ освобожденъ „малымъ количествомъ послѣднихъ людей“. Рѣшено было двинуть подъ Москву земское ополченіе, не дожидаясь помощи отъ государства Казанскаго.

Въ задачи нашего повѣствованія не входитъ изложеніе всѣхъ подробностей движенія земскаго ополченія отъ Нижняго къ Ярославлю, гдѣ былъ назначенъ «сходъ», т. е. сборный пунктъ для ополченій и ратныхъ

*) Соловьевъ: Ист. Россіи, т. VIII, стр. 461.

людей, еще не примкнувшихъ къ силамъ князя Д. М. Пожарскаго. Нижегородская рать пришла въ Ярославль въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца 1612 года. Къ Москвѣ еще нельзя было идти, такъ какъ, въ случаѣ движенія къ столицѣ, не были бы обезпечены тылъ и правый флангъ ополченія: мѣстности къ сѣверу и западу отъ Ярославля еще были заняты воровскими казаками. Изъ Ярославля снова полетѣли по всѣмъ концамъ государства грамоты отъ имени служилыхъ и жилецкихъ людей, въ которыхъ города приглашались быть «въ общемъ совѣтѣ» и примкнуть къ нижегородскому дѣлу, а украйные города убѣждались, сверхъ того, отстать отъ псковскаго вора и «Маринкина сынка». Между тѣмъ, стоявшее подъ Ярославлемъ ополченіе со дня на день усиливалось; къ нему примыкали новыя ополченія, стекались со всѣхъ сторонъ ратные люди, везли отовсюду зелье, свинецъ, запасы и денежную казну...

Въ то время, когда земское ополченіе стояло еще въ Ярославлѣ, пришло сю-

да, наконецъ, и ополченіе Казанское, на прибытіе котораго уже потеряна была почти всякая надежда. Трудно сказать, что побудило казанцевъ прислать въ Ярославль, въ концѣ концовъ, своихъ ратныхъ людей. Должны ли были казанскіе диктаторы, дьякъ Шульгинъ и стряпчій Биркинъ, уступить казанской партіи, не раздѣлявшей ихъ крайнихъ взглядовъ на положеніе вещей, а еще менѣе раздѣлявшей ихъ сепаратическія тенденціи; сами ли ратные люди казанскіе потребовали похода; подѣйствовали ли на нихъ новыя грамоты отъ Ярославскаго ополченія—источники не даютъ намъ отвѣта на эти вопросы.

Несомнѣнно одно, что ополченіе это было выслано противъ желанія Шульгина и Биркина и что со стороны обоихъ этихъ «заводчиковъ» казанской смуты были приняты всѣ мѣры и всѣ старанія къ тому, чтобы казанское ополченіе не принесло обще-земскому дѣлу никакой дѣйствительной помощи.

Казанское ополченіе выступило подъ начальствомъ стряпчаго Ивана

Биркина и татарскаго головы Лукьяна Мяснаго. Первый явился здѣсь представителемъ собственно «великаго государства Казанскаго», второй —представителемъ земщины и, главнымъ образомъ, земщины инородческой. Это были казанскіе Пожарскій и Мининъ въ миніатюрѣ. Присутствіе въ ополченіи перваго изъ этихъ начальниковъ уже само по себѣ являлось залогомъ будущихъ смутъ. Это очень скоро оправдалось на дѣлѣ. Биркинъ и Мясной уже съ самаго начала похода были между собою не въ ладахъ: „голова татарской Лукьянъ Мясной бяше съ Иваномъ не въ совѣтѣ“,—говоритъ Никоновская лѣтопись. Благодаря Ивану Биркину, самый походъ казанскаго ополченія отъ Казани къ Ярославлю носилъ характеръ вражескаго нашествія; по свидѣтельству той же лѣтописи, дорогою Иванъ Биркинъ „многую пакость дѣлалъ городамъ и уѣздамъ“.

Пришло ополченіе въ Ярославль. Здѣсь отношенія между Биркинымъ и Мяснымъ еще болѣе обострились и дѣло едва не дошло до побоища

между ними. По словамъ лѣтописи, бояре, стольники и всѣ ратные люди приняли сторону Мяснаго, за исключеніемъ однихъ смольнянъ, ставшихъ за Биркина. Все это столкновеніе въ результатѣ своемъ имѣло то, что Казанское ополченіе, съ стряпчимъ Иваномъ Биркинымъ во главѣ, вернулось изъ-подъ Ярославля обратно въ Казань—«никакой помощи не учинивъ,—говоритъ лѣтопись,— но лишь надѣлавши много пакости землѣ и назадъ идучи». Лѣтописецъ прибавляетъ къ этому, что Казанское ополченіе дошло до Ярославля и возвратилось отсюда обратно въ Казань „по приказу Никанора Шульгина". Если вѣрить этому свидѣтельству, въ такомъ случаѣ все дѣло посылки Казанскаго ополченія является простою комедіею, подстроенною предусмотрительными Шульгинымъ и Биркинымъ для простаго очищенія, «на всякій случай», совѣсти: ополченіе было, де, послано; въ Ярославлѣ произошла ссора, ратные люди вернулись обратно,—разбирай послѣ, кто былъ правъ, а кто виноватъ!

Не всѣ казанцы ушли, однако, изъ-подъ Ярославля по домамъ: здѣсь остался татарскій голова Лукьянъ Мясной, но съ очень незначительными силами: подъ его начальствомъ оказалось, послѣ ухода главной массы Казанскаго ополченія, всего на всего двадцать человѣкъ инородческихъ князей и мурзъ, человѣкъ съ тридцать дворянъ, да около сотни стрѣльцовъ, съ которыми остался стрѣлецкій голова Посникъ Неѣловъ. Вотъ наличность всего представительства «великаго государства Казанскаго», участвовавшаго въ достопамятныхъ событіяхъ второй половины 1612 года! Всѣ эти полтараста человѣкъ казанцевъ оставались въ составѣ ополченія до самаго момента освобожденія Москвы отъ поляковъ и честно сослужили свою службу обще-земскому дѣлу. Знаменательнѣе всего то, что во главѣ кучки казанскихъ людей, ставшихъ за это дѣло, мы видимъ татарскаго голову и съ нимъ 20 человѣкъ инородческихъ князей и мурзъ.

По словамъ Никоновской лѣтописи, Никаноръ Шульгинъ не про-

стилъ участія въ освобожденіи Москвы казанцамъ, оставшимся въ составѣ земскаго ополченія: по возвращеніи ихъ, послѣ очищенія столицы отъ поляковъ, въ Казань, имъ довелось перенести со стороны Шульгина «многія бѣды и напасти» а головы Мясной и Неѣловъ были едва не уморены имъ въ тюрьмѣ *).

Только въ іюлѣ мѣсяцѣ тронулось изъ-подъ Ярославля къ Москвѣ земское ополченіе. Съ пути слѣдованія ополченія, со стана на Шенуцкомъ ямѣ, послана была отъ имени воеводы князя Пожарскаго и отъ всѣхъ служилыхъ и жилецкихъ людей новая грамота въ Казань, помѣченная 12 числомъ іюля 1612 года. Но эта грамота была адресована уже не на имя „всякихъ чиновъ людей великаго государства Казанскаго", въ которыхъ представители земщины, поднявшейся на спасеніе Москвы, должны были теперь уже извѣриться; она направляется на имя «твердаго адаманта, пастыря и учи-

*) Никоновская лѣтоп., ч. VIII, стр. 182 (изд 1792 г.).

теля, великаго господина преосвященнаго Ефрема, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго» и касается весьма важной духовной потребности. Указывая въ этой грамотѣ на кончину патріарха Гермогена, окончившаго 17 февраля дни свои въ польскомъ плѣну, князь Пожарскій заявляетъ, что нынѣ поднялась на спасеніе государства вся земля русская—а пастыря и учителя у нея, де, нѣтъ. Въ силу этого, отъ имени всей земли, князь Пожарскій проситъ митрополита Ефрема отпустить къ Москвѣ, съ саномъ Крутицкаго митрополита, игумена Старожевскаго монастыря Исаія, снабдивъ его и необходимою ризницею — „да паки на Московскомъ государствѣ угасшій свѣтильникъ возжется“ *)...

* * *

Мы не будемъ шагъ за шагомъ слѣдить за великою народною эпопеею освобожденія Москвы, предпринятою русскою земщиною. Подробности

*) Собр. Гос. Гр. и Дог., II, № 283.

этой знаменательной эпохи извѣстны изъ любаго учебника русской исторіи,—да онѣ и не соприкасаются съ предметомъ нашего изложенія, такъ какъ Казанскій край, за исключеніемъ незначительной кучки казанскихъ инородцевъ, дворянъ и стрѣльцовъ, подъ предводительствомъ головъ Лукьяна Мяснаго и Посника Неѣлова — совершенно отсутствовалъ въ этомъ народномъ подвигѣ.

Въ концѣ октября были открыты подъ-московнымъ земскимъ ополченіемъ, соединившимся теперь съ казацкою ратью князя Трубецкаго, рѣшительныя наступательныя дѣйствія противъ поляковъ, засѣвшихъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ. 22 октября взятъ былъ казаками приступомъ Китай-городъ; поляки укрѣпились въ Кремлѣ и, не взирая на лишенія, еще цѣлый мѣсяцъ мужественно держались здѣсь. Только въ концѣ слѣдующаго мѣсяца, вынужденные къ тому невѣроятнымъ голодомъ, доведшимъ ихъ до необходимости ѣсть человѣческіе трупы, поляки сдались осаждавшимъ ихъ. 27 ноября 1612 года ополченія князей

Пожарскаго и Трубецкаго имѣли торжественный въѣздъ въ освобожденную ими Москву.

Москва была, такимъ образомъ, освобождена и изъ нея выпущены были русскіе люди, сидѣвшіе здѣсь, вмѣстѣ съ поляками, въ невольной осадѣ. Въ числѣ этихъ русскихъ людей находился бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, съ своею свояченицею Маѳою Ивановною и сыномъ ея Михаиломъ Ѳеодоровичемъ—будущимъ царемъ Московскимъ.

Мы уже знаемъ, что земское ополченіе, двинувшееся на освобожденіе Москвы, рѣшило, совершивъ эту миссію, избрать царя волею всего народа. Съ этою цѣлью, тотчасъ же по очищеніи Москвы, были приняты мѣры къ созванію въ столицу великаго земскаго собора, то есть представителей отъ всѣхъ областей и отъ всѣхъ классовъ населенія Московскаго государства.

21 февраля 1613 года собравшимся въ Москвѣ земскимъ соборомъ избранъ былъ на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. 11

іюля того же года совершенъ былъ обрядъ вѣнчанія вновь избраннаго царя. Обрядъ этотъ былъ совершенъ старшимъ іерархомъ русской церкви — уже хорошо извѣстнымъ намъ казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ, прибывшимъ для этой цѣли въ Москву.

Такъ окончилось великое смутное время на Руси, — окончилось, правда, только внѣшнимъ образомъ, съ точки зрѣнія прекращенія «безгосударствованія», такъ какъ отголоски этой тяжелой годины еще не скоро дали землѣ и государству возможность вступить на нормальный и мирный путь своего развитія.

* * *

Созванный для избранія на престолъ новаго царя земскій соборъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принялъ на себя, до совершенія этого акта, представительство верховной государственной власти.

Въ числѣ мѣропріятій земскаго собора явились и распоряженія его относительно мѣръ борьбы съ За-

руцкимъ, укрѣпившимся, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ, въ украйномъ городкѣ Михайловѣ. По странной случайности, порученіе выгнать отсюда Заруцкаго дано было земскимъ соборомъ нашему старому казанскому знакомцу, дьяку Никанору Шульгину. Выступивъ съ казанскими ратными людьми въ походъ, Шульгинъ дошелъ до города Арзамаса и здѣсь впервые узналъ о совершившемся въ Москвѣ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Шульгинъ рѣшилъ не идти дальше, и, ложно отписавъ въ Москву, что всѣ находящіеся подъ его начальствомъ ратные люди уже присягнули царю Михаилу, самъ сталъ уговаривать ихъ не цѣловать креста новому царю, такъ какъ онъ избранъ, де, на престолъ безъ вѣдома государства Казанскаго. Надо думать, что уговоры Шульгина не увѣнчались успѣхомъ. Оставивъ рать свою въ Арзамасѣ, онъ поспѣшилъ въ Казань, чтобы удержать казанцевъ отъ присяги царю Михаилу, но—опоздалъ: его успѣли предупредить изъ Москвы, и Казань прине-

сла присягу царю до его прибытія. Не доѣзжая Казани, въ г. Свіяжскѣ, Никаноръ Шульгинъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Москву. Отсюда онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ свои дни.

Замыслы Заруцкаго долго не давали Москвѣ покоя. Этотъ авантюристъ все еще продолжалъ обращать на Поволжье очи, полные надежды на успѣхъ своего дѣла. Послѣ неудачнаго порученія, даннаго Никанору Шульгину, миссія борьбы съ Заруцкимъ возложена была на князя Ивана Одоевскаго, который съ этою цѣлью и выступилъ изъ Москвы 19-го апрѣля. Провѣдавъ объ этомъ, Заруцкій, вмѣстѣ съ Мариною и «Маринкинымъ сынкомъ» ушелъ въ Астрахань, откуда и началъ снова ссылаться съ казачествомъ и ногайцами, подговаривая ихъ идти съ нимъ на Московское государство; надѣялся Заруцкій, попрежнему, и на содѣйствіе Персіи. «Знаю я московскіе порядки, — хвастался въ Астрахани Заруцкій; пока отъ Москвы на меня рать придетъ, я не только Самару, но и Казань взять успѣю».

Между тѣмъ князь Одоевскій прибылъ въ Казань, чтобы собрать здѣсь рать на астраханскую службу, противъ Заруцкаго. Здѣсь князь Одоевскій и зазимовалъ. Весною 1614 года стали доходить въ Казань тревожныя вѣсти съ сѣвера о томъ, что оставшіяся тамъ воровскія шайки строютъ себѣ суда съ тѣмъ, чтобы идти Волгою на соединеніе съ Заруцкимъ; Одоевскій распорядился поставить заставы близъ Свіяжска, на устьѣ Казанки, въ Услонѣ, Тетюшахъ и на Усѣ (въ жегулевскихъ горахъ).

Недолго довелось Заруцкому смущать спокойствіе государства. Надежды его на персидскую помощь не оправдались; въ началѣ весны 1614 года отложились отъ него астраханцы, а слѣдомъ затѣмъ не только отшатнулся отъ него державшій до тѣхъ поръ его сторону Терскій край, но отсюда былъ даже высланъ противъ него стрѣлецкій отрядъ, подъ начальствомъ головы Хохлова, заставившаго Заруцкаго бѣжать изъ Астрахани. Послѣ неудачной попытки искать спасенія на Каспійскомъ морѣ,

Заруцкій съ Мариною и сыномъ ея бросился на Яикъ, гдѣ и былъ 25 іюня захваченъ въ плѣнъ стрѣлецкими головами Пальчиковымъ и Онучинымъ.

Въ Астрахани плѣнниковъ «для смуты и шатости» держать не рѣшались. Ихъ отправили въ Казань, давъ конвою предписаніе немедленно ихъ умертвить, въ случаѣ нападенія съ цѣлью освобожденія ихъ. Такимъ образомъ, „Маринкину сынку", хотя въ качествѣ осужденнаго на смерть плѣнника, да удалось побывать въ Казани, гдѣ ему въ свое время чуть ли не прочили царскій вѣнецъ.... Изъ Казани плѣнные были доставлены въ Москву. Здѣсь «Маринкинъ сынокъ», нарѣченный царевичъ Иванъ Димитріевичъ—былъ повѣшенъ, Заруцкій—посаженъ на колъ, а сама Марина окончила свою жизнь, полную приключеній, надеждъ и разочарованій, въ одной изъ московскихъ тюремъ, по русскимъ извѣстіямъ—съ горя, по польскимъ извѣстіямъ—отъ руки палача.

Мы познакомились съ участіемъ

Казанскаго края въ событіяхъ смутнаго времени на Руси. Много неполнаго, отрывочнаго, гадательнаго встрѣтилъ, конечно, читатель въ предложенныхъ его вниманію очеркахъ,—но это уже вина не автора ихъ, но тѣхъ источниковъ, которые находились въ его распоряженіи.

Мы видѣли ту пассивную, нерѣдко даже двусмысленную, роль, которую суждено было играть Казанскому краю въ эту тяжелую эпоху русской исторической жизни. Говоря по справедливости, врядъ ли вправѣ мы безусловно строго судить за это нашъ край. Произнося свой историческій вердиктъ надъ нимъ, мы не должны забывать тѣхъ исключительныхъ условій, въ которыхъ находился онъ въ ту пору съ политической и этнографической точекъ зрѣнія, и попытка уясненія которыхъ сдѣлана была нами въ началѣ настоящихъ очерковъ. Это былъ край вновь пріобрѣтенный, край еще не связанный органически съ остальными составными частями русской государственной территоріи, край не имѣвшій своей «земщины»—въ обще-русскомъ значеніи

этого слова; край, въ которомъ дѣятельность отдѣльныхъ личностей изъ представителей его администраціи или служилаго класса—легко выдавалась за „мысль“ и „волю“ всего „великаго государства Казанскаго“.

Много появлялось въ русской исторической литературѣ сужденій объ историческомъ значеніи смутнаго времени. Одно изъ наиболѣе категорическихъ сужденій этого рода принадлежитъ извѣстному историку смутнаго времени Н. И. Костомарову. «Наша смутная эпоха ничего не внесла новаго въ государственный механизмъ, въ строй понятій»—заявляетъ Костомаровъ. Съ этимъ воззрѣніемъ покойнаго историка никоимъ образомъ нельзя согласиться Если мы поведемъ рѣчь о внѣшнихъ формахъ государства, то это будетъ, пожалуй, вѣрно, хотя и здѣсь можно указать на громадное жизненное значеніе земскихъ соборовъ въ первую половину XVII вѣка и, въ особенности въ первую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича, какъ на непосредственный продуктъ смутнаго времени. Но главное историческое

значеніе смутнаго времени видимъ мы въ томъ, что эта эпоха дала толчекъ къ духовному объединенію русской земли. Въ этомъ отношеніи смутное время увѣнчало собою дѣло московской централизаціи и стоитъ въ тѣсной связи съ созваніемъ въ 1547—1548 гг. перваго русскаго земскаго собора. Если, какъ справедливо утверждалъ покойный И. Д. Бѣляевъ, въ первомъ русскомъ земскомъ соборѣ выразилось духовное объединеніе русскихъ земщинъ въ смыслѣ общности *мысли*, то въ событіяхъ смутнаго времени это же духовное объединеніе выразилось въ смыслѣ уже не только мысли, но и *дѣла*. Выразительницею этого общерусскаго дѣла явилась теперь общерусская земщина: она спасла стоявшее на краю гибели государство, она возвела на престолъ новую царскую династію, она же дала этой династіи силы, которыя могли вызвать къ жизни знаменательную эпоху Петра Великаго....

Только послѣ эпохи смутнаго времени можетъ идти рѣчь не о конгломератѣ отдѣльныхъ земщинъ, но

о великой обще-русской земщинѣ. Теперь уже нѣтъ ни земщины Новгородской, ни земщины Псковской, ни «великаго государства Казанскаго»—является только одна *русская* земщина, сплотившаяся въ одно органическое цѣлое.

Въ этомъ то отношеніи и сказалось крупное историческое значеніе смутнаго времени для русскаго государства вообще и для отдѣльныхъ составныхъ частей его въ частности.

Въ этомъ отношеніи сказалось оно и для нашего Казанскаго края. Смутное время послужило для вновь пріобрѣтеннаго края горниломъ, черезъ которое долженъ былъ пройти этотъ край, чтобы сдѣлаться органическою составною частью обще-русской земщины и обще-русскаго государства.